

Карл Май

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ВИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНАЯ ДЕТСКАЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВИННЕТУ
НА ДИКОМ ЗАПАДЕ

Annotation

Перевод повести для юношества «**Der Sohn des Bärenjägers**» по изданию И. Д. Сытина (М., 1900 г., без указания переводчика) в современной редакции.

- [Карл Фридрих Май](#)
 -
 - [Часть I](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Часть II](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

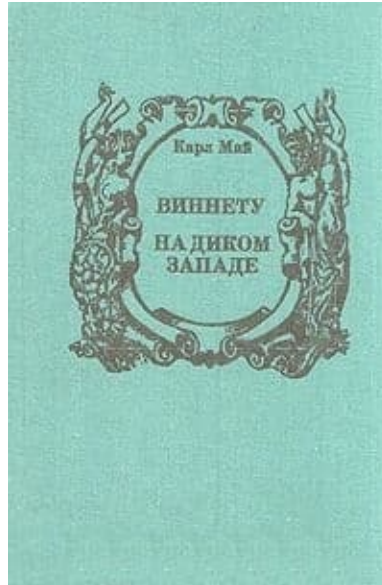
Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Карл Фридрих Май На Диком Западе

Часть I
ГРОЗА МЕДВЕДЕЙ

Глава первая

СЛЕДОПЫТЫ

Немного к западу от местности, где сходятся границы трех штатов Северной Америки: Дакоты, Небраски и Вайоминга, ехали двое всадников, появление которых во всяком другом месте не преминуло бы обратить на себя всеобщее внимание.

Маленькая, почти шарообразная фигура одного казалась еще меньше от соседства с длинной, тощей фигурой другого. Но лица обоих были на одном уровне, ибо первый восседал на высоком ширококостном клеппере, причем его короткие ножки не достигали даже середины живота коня, другой же ехал на приземистом, небольшом муле, почти касаясь ногами земли. Вместо седла под толстяком был волчий мех, а спутник его имел под собой старое, дырявое и разорванное одеяло.

Внешний вид их свидетельствовал, что они уже давно в пути. Наряд длинного состоял из кожаных штанов, сшитых, по всей видимости, для человека гораздо более крупного, и кожаной куртки, лишенной петель и пуговиц и оставляющей неприкрытой загорелую грудь всадника; чересчур короткие рукава этой куртки едва достигали локтей; длинная шея повязана была полотняным платком, первоначальный цвет которого невозможно было определить; босые ноги всадника были обуты в кожаные башмаки, все в заплатах.

Но главную часть его одежды составляла шляпа. Это был, очевидно, некогда цилиндр, украшавший голову какого-нибудь лорда. Настоящий ее обладатель не разделял, по-видимому, вкусов европейского общества: он оборвал поля со всех сторон, только спереди оставив небольшой кусок вместо козырька.

Вместо пояса он носил толстую, несколько раз обмотанную вокруг талии веревку, за которую были заткнуты два револьвера и охотничий нож; тут же висели мешок для пуль, кисет, зажигательный снаряд, употребляемый охотниками прерий, и разные другие предметы, назначение которых было загадкой для непосвященного.

К чести всадника нужно сказать, что наряд его не ограничивался вышеописанными предметами, — нет, туалет его дополнял непромокаемый резиновый плащ; по всей вероятности, он был ему мал, ибо всадник счел за лучшее привязать его к плечам в виде гусарского ментика. Кроме того, при нем было лассо, которое он обмотал несколько раз через плечо.

В руках он держал двустволку.

Возраст всадника определить было довольно трудно: его худое, гладко выбритое лицо было покрыто бесчисленными складками и морщинами, но общее выражение его и смелый, ясный взгляд светло-голубых глаз свидетельствовали о том, что человек этот еще полон сил.

Костюм его спутника по оригинальности не уступал наряду первого. Несмотря на палящий зной, на нем была шуба, из-под которой виднелись громадные сапоги с отворотами. Голова была украшена широкополой, надвинутой на затылок соломенной шляпой; рукава шубы были слишком длинны, так что закрывали все руки.

Лицо его было также гладко выбрито; в жирных, красных щеках совершенно утопал маленький носик и такие же маленькие, глубоко сидевшие глазки. Выражение их было плутовски-добродушное.

Временами порыв ветра приподнимал полы его шубы, и тогда можно было видеть, что под шубой он носил еще голубые парусиновые штаны и такую же куртку; широкая талия его была опоясана кожаным поясом, за которым торчал, помимо обычных принадлежностей охотничьего костюма, еще индейский томагавк.

Кто же были эти люди? Одного звали Якобом Пфедферкорном, другого Дэвидом Кронерсом. Если бы вы попробовали назвать эти имена какому-нибудь охотнику Запада, скваттеру или трапперу, то, по всей вероятности, все сказали бы, что никогда ничего не слыхали об этих охотниках. И тем не менее эта была совершеннейшая неправда: оба охотника были знаменитыми следопытами, рассказы о подвигах которых можно было слышать от Нью-Йорка до Фриско (Сан-Франциско). Правда, настоящие имена Якоба Пфедферкорна и Дэвида Кронерса были известны только им самим; в прериях же, в лесах и у краснокожих не справляются о метрическом свидетельстве: там каждый, в связи с его приключениями или качествами, немедленно получает прозвище.

Кронерс был чистокровный янки, и его знали только под именем Длинного Дэви, а Пфедферкорн — выходец из Германии — за свою тучность имел прозвище Толстого Джемми. Таким образом, Пфедферкорна и Кронерса не существовало: были только Толстый Джемми и Длинный Дэви. Они считались неразлучными. По крайней мере, едва ли кто-нибудь видел Джемми и Дэви врозь. Всякий, встречавший Джемми, невольно искал глазами длинную фигуру Дэви, а если Дэви заходил в лавочку, чтобы купить порошу и табаку, то его всегда спрашивали, что он возьмет для Джемми.

Между тем солнце достигло зенита и уже начало медленно спускаться

к западу. Несмотря на сравнительно ранний час дня, жара была уже не столь невыносима, и легкий свежий ветер приятно щекотал лица усталых путников. Мириады цветов были рассыпаны по ярко-зеленому ковру прерии, радовавшему взоры путников, ослепленных блеском солнечных лучей.

Прерия была пустынна и безлюдна, на ней в это время встречаются обыкновенно лишь стада бизонов, пугливо убегающих при виде человека.

Внезапно один из всадников, внимательно вглядывающийся в расстилавшуюся перед ним степь, остановил свою лошадь и, показывая на скалу, у подошвы которой трава была несколько примята, сказал своему спутнику:

— Смотри, что это там такое?

Тогда другой также остановился и, прикрыв глаза рукой, посмотрел в указанном направлении.

— Пусть меня повесят, если это не следы, — пробормотал наконец он.

— Да, мне тоже так сдается. Мне кажется, что мы хорошо сделаем, если присмотримся получше.

— Хорошо сделаем? Мы должны это сделать! В этой проклятой прерии нельзя пропускать ни одного следа, а то, того и гляди, останешься без головы. Вперед!

Всадники направились к скале и, остановив лошадей, тщательно осмотрели подозрительное место.

— Ну, что ты скажешь? — спросил Дэви.

— Здесь проехал индеец.

— Было бы очень любопытно, ведь местность эта не принадлежит к территории индейцев. Почему ты думаешь, что это индеец?

— Я вижу по следам от копыт, что лошадь дрессирована на индейский манер.

— Но на ней мог ехать белый?

— Да, конечно, но... но...

С этими словами он слез с лошади и пошел по направлению следов, внимательно изучая их. Отойдя на некоторое расстояние, он закричал:

— Иди сюда! Лошадь не была подкована. Она была крайне утомлена и тем не менее должна была идти в галоп. Очевидно, всадник очень торопился.

Услышав это, Дэви тоже посчитал нужным слезть с лошади и подошел к спутнику. Животные последовали за ними, как будто это разумелось само собой.

— Да, — сказал он, — лошадь была переутомлена и спотыкалась на

каждом шагу. Вероятно, у всадника было основание торопиться. Одно из двух: или его преследовали, или он спешил как можно скорее достигнуть цели своей поездки.

— Разумеется, второе.

— Каким образом?

— Сколько времени этому следу?

— Часов около двух.

— А между тем следов преследователей что-то не видно; а тот, кто опередил врагов на два часа, не станет так мучить свою лошадь, тем более что здесь повсюду рассеяны скалы и ему ничего не стоило бы ввести своих преследователей в заблуждение, описав круг или дугу.

— Да, я совершенно с тобой согласен: человек этот очевидно, спешил к какому-то месту. Но где это место?

— Во всяком случае, недалеко отсюда.

Длинный Дэви удивленно вскинул глаза на спутника.

— Ты сегодня, кажется, всеведущ, — сказал он.

— Ну, для того, чтобы угадать это, не надо быть всеведущим, нужно только немного пошевелить мозгами: если бы человеку этому предстоял далекий путь, то он не стал бы так утомлять свою лошадь, он непременно дал бы ей отдохнуть несколько часов, а затем постарался бы наверстать потерянное время. Но раз место, куда он спешил, было недалеко, то, по всей вероятности, он рассчитывал, что ему удастся пройти этот путь до заката солнца.

— Да, ты опять прав.

— Теперь весь вопрос в том, куда ехал этот индеец. Он очень торопился, следовательно, дело было спешное; очевидно, это посланный. Индеец же может быть посредником, видимо, только между индейцами же, и я почти готов дать в заклад свою голову что вблизи находятся краснокожие.

Длинный Дэви озабоченно посмотрел вокруг.

— Приятная история, нечего сказать, — проворчал он. — Мы находимся, очевидно, между двумя партиями враждующих индейцев и не знаем, где они. Таким образом, мы легко можем попасть им в лапы.

— Да, это весьма вероятно. К счастью, есть средство выяснить положение.

— Ты хочешь сказать, что мы должны до конца проследить эту полосу?

— Да.

— Совершенно верно! Тогда мы будем знать, по крайней мере, где они,

а они ничего не будут знать о нашем присутствии. Таким образом мы будем иметь важные преимущества на нашей стороне. Мне хотелось бы знать, из какого племени этот индеец.

— Угадать трудно. В горах Монтаны живут черноногие, питаны и другие индейцы. Но они почти никогда не спускаются в долины. У истоков Миссури расположены деревни ракурроев; они также не имеют обыкновения заглядывать сюда. А сиу? Гм! Я что-то не слышал, чтобы в последнее время они вырыли томагавк войны.

— Я тоже не слышал.

— Поэтому не будем ломать себе голову, но осторожность не мешает. Мы находимся теперь в местности, которая хорошо нам знакома; если только мы не сделаем какой-нибудь глупости, то можем быть уверены, что с нами ничего не случится. Поедем!

Они снова сели на коней и поехали в направлении следов, не выпуская их из глаз и постоянно озираясь по сторонам.

Прошло около часа. Солнце спускалось все ниже, жара заметно спала, и подул свежий ветер. Скоро по следам путники заметили, что индеец ехал уже шагом. На одном неровном месте лошадь его, по-видимому, споткнулась и упала на колени.

Джемми быстро соскочил с лошади, чтобы лучше рассмотреть это место.

— Да, это индеец, — сказал он. — Он, очевидно, здесь слез. Мокасины его были отделаны свиной щетиной. Вот отломившийся кончик иглы. А здесь... Однако этот человек еще, должно быть, очень молод.

— Почему? — спросил Дэви, останавливая лошадь.

— В этом месте песок — и нога его отпечаталась совершенно ясно. Судя по отпечатку, ему не более восемнадцати лет.

— Гм, гм! У многих племен именно такие юнцы и исполняют обязанности вестников.

Затем они снова поехали дальше. Через некоторое время начали показываться отдельные кустарники, затем целые группы их, а на горизонте замаячили большие деревья. Далее кустарники пошли столь густо, что закрыли обзор. Необходима была особая осторожность: Дэви поехал вперед, а Джемми следовал за ним на некотором расстоянии.

Внезапно Дэви остановился.

— Черт возьми, — сказал он, — тут что-то произошло!

Толстяк пришпорил лошадь и через некоторое время въехал на открытое место. Перед ним возвышалась одна из конусообразных скал, которых так много в этой прерии. Следы шли к этой скале, дойдя до скалы,

круто поворачивали обратно.

По другую сторону скалы они увидели такие же совершенно ясно отпечатавшиеся следы, шедшие навстречу первым и смешивающиеся с ним на повороте.

— Что ты скажешь на это? — спросил Дэви.

— То, что за скалой были люди, которые, заметив индейца, бросились за ним в погоню.

— Все-таки осторожность не мешает: может быть, они уже успели вернуться. Ты останься здесь, а я посмотрю, что там делается.

С этими словами он слез с лошади и, бросив поводья Дэви, взбежал на утес.

Достигнув вершины, толстяк медленно и осторожно пополз вперед и скрылся за выступом скалы. Скоро он вернулся и сделал знак Дэви, описав в воздухе рукой Дугу. Дэви понял, что ему не следовало ехать прямо, и поэтому поехал в объезд через кустарники.

Обогнув скалу, он увидел следы стоянки: на земле лежало несколько железных котлов, лопат, заступов, кофейная мельница, различные мешки, кругом виднелись отпечатки лошадиных ног.

— Ну, — сказал, покачивая головой, Дэви, — молодцы, очевидно, совершенно неопытны: они не позаботились даже привязать или стреножить своих лошадей. Индеец, вероятно, повернул, ничего не подозревая, здесь за угол и, увидав людей, предпочел быстро ускакать, а не возвращаться назад; почтенная же компания бросилась за ним в погоню.

— Если они убьют его, то нам же придется за это рассчитываться, ведь краснокожим все равно, падет их месть на виновного или нет. Нам нужно поторопиться ему на помощь.

— Я не думаю, что индеец мог уехать далеко на своей истощенной лошади.

Они снова сели на лошадей и поскакали в направлении следов. Джемми, ехавший впереди, скоро остановился и повернул в кусты, куда за ним последовал и Дэви. Оба прислушались. До них доносились громкие голоса, о чем-то с жаром спорившие.

— Это они, — прошептал толстяк.

Привязав лошадей к кустарникам, они поползли в сторону голосов.

Скоро они достигли небольшой речки с крутыми и высокими берегами.

По другую сторону ее, у поворота, который она здесь делала, они увидели группу людей подозрительной наружности, из которых одни лежали, другие стояли. В центре группы лежал связанный по рукам и ногам

индеец. Лошадь его упала у подножия крутого берега, на который уже была не в состоянии забраться.

Люди эти производили отталкивающее впечатление. Для опытного глаза не было никакого сомнения, что они принадлежат к тому сорту людей, против которых на Диком Западе есть только одно средство — суд Линча.

В настоящую минуту они разговаривали между собой шепотом. Речь, очевидно, была об участии индейца.

— Интересно, к какому племени принадлежит этот юноша? На нем нет ни татуировки, — сказал Джемми шепотом, — ни других каких-нибудь отличительных признаков племени. Очевидно только, что он не находится на тропе войны. Не попытаться ли нам освободить его?

— Само собой. Пойдем, я хочу переговорить с ними.

— А если они нас не послушают?

— Тогда нам остается прибегнуть к силе или хитрости. Я не боюсь этих молодцов, но пуля опасна даже тогда, когда она выпущена рукою жалкого труса. Я бы не хотел, чтобы они знали, что мы верхом, и я думаю, что мы сделаем лучше, если подъедем к ним с другой стороны. Пусть они думают, что мы не видели их со стороны степи.

Глава вторая

ХРОМОЙ ФРЭНК

Оба охотника осторожно подползли к ручью, разумеется на приличном расстоянии от незнакомцев, перешагнули через узкий поток и, описав небольшую дугу, очутились перед упомянутой выше группой.

— Халла! — закричал Толстый Джемми, делая вид, будто он крайне удивлен неожиданным присутствием людей в этой местности. — Я думал, что мы одни в этой прерии, и вдруг наталкиваемся на целое собрание. Я надеюсь, что вы позволите нам присоединиться к вам.

Лежавшие на траве поднялись, и взоры всех обратились к пришедшим. Сначала они, по-видимому, были не особо приятно удивлены их появлением, но, приглядевшись к фигурам и одежде незнакомцев, все общество разразилось бешеным хохотом.

— Гром и молния, — отвечал один из них, вооруженный с головы до пят, — что сей сон значит?

Вместо ответа Дэви отъехал на некоторое расстояние от группы незнакомцев, Джемми в два прыжка очутился подле него.

— С вашего позволения, почтеннейший, — спросил толстяк, — не можете ли вы нам сказать, что привело вас на берега этого прелестного ручья?

— Никто нас не привел. Мы пришли сами, — последовал короткий ответ, который товарищи его приветствовали одобрительным смехом.

Не обращая никакого внимания на это, Джемми обернулся и, сделав вид, будто он только сейчас заметил индейца, отскочил как ужаленный назад.

— Будь я проклят! Как? Пленник, да еще к тому же краснокожий?

Посреди всеобщей веселости, вызванной мнимым испугом Джемми, тот, который говорил раньше и, по-видимому, был начальником остальных, сказал:

— Не упадите в обморок, сэр! Я полагаю, что вам еще не попадался ни один краснокожий?

— Мирных я видел достаточно, а этот, кажется, еще не приручен.

— Да, я не советую вам подходить к нему близко.

— А что, разве он так опасен?

Джемми хотел было подойти к пленнику но предводитель шайки загородил ему дорогу и сказал:

— Подальше, сэр. Он вам вовсе ни к чему. Вообще я бы хотел знать, кто вы такие и что вам нужно?

— Товарища моего зовут Кронерс, а меня Пфэфферкорн...

— Пфэфферкорн, — прервал его бандит — это, кажется немецкое имя?

— С вашего позволения, да.

— Так убирайтесь к черту. Я не терплю этой национальности.

— А мое обоняние не терпит людей вашей породы, — ответил Джемми уже совершенно иным тоном.

Собеседник его сердито нахмурил брови и спросил угрожающим тоном:

— Что вы хотите сказать и за кого вы нас принимаете?

— Я хочу сказать только, что не нужно много разговаривать с вами, чтобы видеть, какого полета птицы вы и ваши товарищи.

С этими словами он с быстротой молнии выхватил из-за пояса оба своих револьвера и взвел курки, то же самое сделал и Дэви и, прежде чем противники его успели схватить оружие, которое они непредусмотрительно оставили на траве, закричал:

— Ни с места! Если кто сделает хоть одно движение — пускай простится с жизнью. Я хочу знать, что сделал вам этот индеец? Впрочем, лучше я сам его спрошу.

— Спросите его сами, — иронически засмеялся предводитель, причем вся шайка вторила ему, — он не понимает ни одного слова по-английски и ничего не отвечает на наши вопросы.

Джемми презрительно пожал плечами и обратился к индейцу.

Последний лежал все время с полузакрытыми глазами и ни одним движением, ни одним взглядом не показал, что он понял что-нибудь из разговора.

Он был очень молод, не старше восемнадцати лет, как и предполагал толстяк. На нем была кожаная охотничья рубашка и кожаные штаны. За красным куском материи, служившим ему поясом, не было заткнуто никакого оружия; но на другом берегу реки, подле его лошади, валялся длинный охотничий нож, а к седлу был привязан лук, сделанный из рогов каменного барана.

Это скудное вооружение свидетельствовало о том, что молодой краснокожий явился в эту местность без всяких воинственных намерений.

Когда Джемми подошел к нему, он в первый раз открыл глаза и с благодарностью взглянул на него.

— Мой молодой краснокожий брат понимает язык бледнолицых? —

спросил охотник.

— Да, — отвечал тот. — Откуда это знает мой старший брат?

— Я увидел это по выражению твоего лица. Не скажет ли мне мой младший брат свое имя?

— Меня зовут Вокадэ.

Слово «вокадэ» на языке монтана означает шкуру белого бизона. Это обстоятельство крайне удивило Дэви и Джемми, так как племя монтана считается вымершим. Поэтому Джемми продолжал:

— К какому племени принадлежит мой краснокожий брат?

— Я — нумангкэк и вместе с тем дакота!

Нумангкэками называют себя монтана, а дакота есть общее название всех племен индейцев сиу.

— Так ты усыновлен племенем дакота?

— Мой брат сказал правду. Бледнолицые пришли и принесли с собой оспу. Все мое племя погибло от нее, а остальные пали от руки сиу. Отец мой, храбрый Ва-Ки, был только ранен и впоследствии принужден пристать к сиу. Таким образом, я — дакота, но сердце мое принадлежит предкам, которых призвал к себе Великий Дух.

— Каким образом попал сюда мой краснокожий брат?

— Мне нужно сообщить важнее известие одному маленькому белому брату, я был уже почти у цели, как вдруг моя лошадь, измученная путешествием, споткнувшись как раз на берегу этого ручья, упала. Вокадэ попал под лошадь и потерял сознание, когда он очнулся, он был уже связан ремнями. Пусть мой белый брат развяжет Вокадэ, и тогда Вокадэ покажет этим трусам бледнолицым, с кем они имеют дело.

Он произнес последние слова с такой уверенностью, что Джемми спросил, улыбаясь:

— Разве ты не видишь, что они не придают никакого значения моим словам?

— О! У Вокадэ хорошие глаза. Он много слышал о двух знаменитых бледнолицых воинах Дэви-Хонскэ и Джемми-Петатше. Он знает, что они не отступят перед сотней таких старых баб, как эти бледнолицые.

Джемми хотел было ответить ему, но Уолкер (так звали предводителя шайки) грубо прервал его:

— Довольно! Мы знаем теперь, что индеец понимает по-английски. Мы не нуждаемся больше в вас, и вы можете идти туда, откуда пришли, да поживей, а не то я заставлю вас поторопиться.

Джемми вопросительно взглянул на Дэви и тот незаметно мигнул ему, обращая его внимание на кусты, находившиеся в стороне. Бросив туда

быстрый взгляд, Джемми увидел два ружейных ствола, выглядывавших из-за кустов. Были ли то враги или друзья? Беззаботность, которую выказывал Дэви, успокоила его. Он ответил Уолкеру:

— Если кому-то нужно бежать, то скорее вам.

— Нам? От кого же?

— От тех, у кого вы украли этих лошадей.

— Что? — заревел Уолкер. — Если ты скажешь еще хоть одно слово, то я пристрелю тебя как собаку. Как смеешь ты лгать и клеветать на честных людей?

— Нет, он говорит правду, — раздался вдруг из-за кустов громкий голос, — вы — презренные конокрады и получите за это достойное возмездие. Стреляй, Мартин!

— Не нужно стрелять! Он не стоит пули, — закричал Дэви и с этими словами бросился на Уолкера и нанес ему прикладом ружья такой удар, что тот повалился бездыханным на землю.

В то же время из-за кустов выскочили двое незнакомцев — один еще юноша, другой постарше — и устремились с высоко поднятыми ружьями на бандитов. Джемми быстро нагнулся к индейцу и в два приема разрезал ремни, которыми был связан Вокадэ; последний, почувствовав себя свободным, быстро вскочил на ноги, бросился на одного из врагов, схватил его поперек тела и перебросил на другой берег реки с такой силой, что тот остался лежать на месте. Все это было делом одной минуты. Ошеломленные неожиданным нападением, остальные члены шайки разбежались во все стороны.

Юноше было на вид не более шестнадцати лет. Светлый цвет лица, белокурые волосы и голубые глаза указывали на германское происхождение. Одет он был в голубой полотняный костюм. За поясом у него торчал нож, а в руке он держал двустволку. Спутник его выглядел чрезвычайно оригинально: маленький, худенький человек, с густой черной бородой. На нем были индейские кожаные штаны и мокасины; верхняя же часть тела была облачена в темно-синий фрак с буфами и блестящими мелкими пуговицами, какие носили в первой четверти этого столетия. Голову его украшала громадная черная амазонская шляпа с большим поддельным страусовым пером желтого цвета. Вооружение его ограничивалось огромным ножом и двустволкой. При ходьбе он прихрамывал. Вокадэ первый обратил на это внимание и, подойдя к нему, спросил:

— Не есть ли мой белый брат тот охотник, которого бледнолицые называют Хромым Фрэнком?

Получив от удивленного незнакомца утвердительный ответ, индеец, указав на юношу, спросил:

— А это, должно быть, Мартин Бауман, сын знаменитого Мато-Пока?

Мато-Пока на языке сиу значит: охотник на медведей.

— Да, — подтвердил тот, кого индеец назвал Фрэнком.

— У меня к вам есть важное поручение.

— От кого?

Индеец подумал немного, затем, бросив вокруг испытующий взгляд, отвечал:

— Здесь не место для этого. Далеко ли ваш вигвам отсюда?

— Не более часа езды.

— Так поедemте.

С этими словами он, перепрыгнул ручей, вскочил на лошадь и поскакал вперед, не удостоверившись даже, следуют ли за ним остальные.

— Этот не любит терять много слов, — заметил Джемми.

— Индеец знает очень хорошо, что он делает, и я советую всем последовать его примеру, — отвечал Дэви.

— Прекрасно! — сказал маленький Фрэнк. — Но что же мы сделаем с молодцами, которые украли у нас лошадей? Не оставить ли, по крайней мере, кое-что на память о нас их предводителю?

— Нет. Это трусливые воришки, с которыми не стоит долго заниматься. Ведь лошадей ваших вы получили обратно. Что же вам еще?

— Вы правы. Итак, едем.

Затем вся компания направилась к месту, где стояли лошади Джемми и Дэви. Все сели на своих лошадей и поехали вслед за индейцем.

Глава третья В БЛОКГАУЗЕ

Посреди двора, обнесенного со всех сторон стенами, стояла четырехугольная глиняная хижина. Дверь была открыта. В задней части комнаты помещалась лавка. Прибитые к воткнутым в землю столбам доски заменяли стол. Из такого же материала сделаны были стулья. В одном углу находились постели обитателей хижины, состоявшие из набросанных грудой шкур страшных серых медведей, которые в Америке, по справедливости, считаются самыми опасными врагами человека. Убить такого гризли у индейцев считается большим подвигом, да и белые, хоть и лучше вооруженные, обыкновенно стараются избегать встречи с ним. По стенам было развешано оружие, военные и охотничьи трофеи, а подле камина были укреплены на шестах куски копченой говядины.

Только когда негр развел огонь в камине и общество уселось вокруг него, Хромой Фрэнк обратился на английском языке к индейцу:

— Мой краснокожий брат находится в нашем жилище. Он может исполнить теперь возложенное на него поручение.

Краснокожий, внимательно оглядевшись, сказал:

— Как может Вокадэ говорить, когда он не выкурил трубку мира со своими белыми братьями?

Тогда Мартин поспешно встал со своего места и снял со стены индейский калуммет, набил его табаком, зажег и передал индейцу. Последний поднялся со своего места; затянувшись шесть раз из трубки, выпустил дым вверх, вниз, на восток, запад, север и юг и сказал:

— Вокадэ никогда еще не видел бледнолицых и негра. Они освободили его из плена. Их враги — его враги, и их друзья будут его друзьями.

Когда все, по его примеру, проделали ту же церемонию, он продолжал:

— Знают ли мои белые братья великого бледнолицего охотника, которого сиу называют Нон-Пай-Клама?

— Ты говоришь, вероятно, о Разящей Руке? — отвечал Дэви. — Видеть я его не видел, но каждый, вероятно, из нас слышал о нем. Что с ним?

— Он уважает краснокожих, хоть он и белый. Это знаменитый следопыт, пуля его всегда попадает в цель, и ударом невооруженной руки он убивал самого сильного врага. За это-то его и прозвали Разящей Рукой.

Несколько зим тому назад он охотился на берегу Желтой реки, тогда на него напали сиу-оглала. Разящая Рука предложил им следующие условия: пусть трое храбрейших воинов один за другим вступят с ним в поединок, причем он будет без оружия, а они с томагавками. Ударом кулака он по очереди уложил их на месте, хотя то были храбрейшие воины. Стон и шум поднялся в вигвамах оглала; хотя с тех пор прошло уже семь лет, сиу-оглала продолжают собираться ежегодно ко дню смерти убитых на берегу Желтой реки, и горе тому белому, который попадетс я им в руки в это время: его ожидают пытки и медленная смерть на могилах убитых.

Мартин все время внимательно его слушал, но в этом месте рассказа вдруг вскочил со своего места.

— Боб! — закричал он. — Седлай скорей лошадей! Фрэнк, поскорей укладывай порох, пули и провиант, а я вычищу ружья и наточу ножи!

— К чему? — спросил удивленно Фрэнк.

— Разве ты не понял Вокадэ? Мой отец взят в плен сиу и должен быть принесен в жертву теньям убитых. Мы должны спасти его. Через час, самое большее, мы едем к Желтой реке.

— Черт возьми! — воскликнул Фрэнк, в свою очередь быстро вскакивая. — Краснокожие поплатятся за это!

Тогда индеец поднял вверх руку и сказал:

— Разве братья мои — комары, которые бестолково толкуются на одном месте, когда их дразнят? Или они не мужья, которые знают, что спокойное обсуждение дела всегда должно предшествовать действию? Вокадэ еще не кончил.

— Успокойтесь, мой молодой друг, — присоединился к нему Толстый Джемми, — потише. Пусть Вокадэ окончит свой рассказ, тогда мы посоветуемся, что нам предпринять.

— Как, вы тоже с нами?

— Само собой. Мы выкурили вместе трубку мира, и теперь мы друзья и братья. Длинный Дэви и Толстый Джемми еще никогда не оставляли своих друзей в минуту опасности. Но все должно идти своим порядком, иначе это не доставит никакого удовольствия нам, старым охотникам.

Когда Мартин и Фрэнк, успокоившись, сели, молодой индеец продолжал:

— Вокадэ воспитывался среди сиу, но он всегда только ждал случая бросить их. И вот теперь он должен был идти с ними к Желтой реке. Он видел, как оглала напали на Грозу Медведей и его спутников, когда последние спали. Оглала должны быть осторожны, ибо в горах живут враги их, шошоны. Вокадэ послали вперед лазутчиком, чтобы следить за

движением шошонов. Вокадэ не сделал этого, но поехал на восток, к хижине Грозы Медведей, чтобы сообщить сыну его и другу, что отец их и друг в плену.

— Этого я тебе никогда не забуду! — воскликнул Мартин. — Знает ли об этом мой отец?

— Вокадэ незаметно от всех сказал ему об этом, и тот описал ему дорогу.

— Но сиу догадаются об этом, если ты к ним не вернешься.

— Нет, они подумают, что Вокадэ убит шошонами.

— Ну, так в путь, да поскорей! Нужно его спасти.

Мартин хотел снова вскочить, но Джемми удержал его за рукав.

— Не торопитесь, молодой человек, мы еще не все узнали. Пусть Вокадэ объяснит нам, каким образом такой опытный охотник позволил захватить себя врасплох?

Индеец отвечал:

— Охотник спал, а человек, который был на часах, не был человеком Запада.

— Да, теперь понятно. Когда это случилось?

— Четыре дня тому назад.

— Ай, ай! А когда сиу справляют свою тризну?

— В день полнолуния. В этот самый день были убиты те три воина.

Джемми подумал немного и сказал:

— Если так, то у нас есть время добраться до сиу. До полнолуния остается еще двенадцать дней. А велико число сиу?

— Когда я оставил их, то их было пять раз по десять и еще шесть.

— Значит, пятьдесят шесть воинов. А сколько у них пленных?

— С Грозою Медведей будет шесть.

— Теперь мы знаем пока достаточно и можем отправиться в путь. А что намерен предпринять наш краснокожий брат?

Индеец отвечал:

— Вокадэ — монтана, но ни в каком случае не оглала. Если его белые братья дадут ему ружье, порох и пули, то он будет сопровождать их. Он или умрет с ними, или одолеет врагов.

— Ты получишь не только ружье, но и свежую лошадь: твоя совершенно измучена, а у нас есть одна лишняя, — заметил Фрэнк. — Когда же мы выедем, господа?

— Разумеется, немедленно, — отвечал Мартин.

— Разумеется, нам не надо терять времени, — заметил на это толстяк, — но и торопиться также не следует. Нам придется ехать через

пустынную и безводную местность и поэтому надо запастись как следует провиантом. Что нам нужно также много боевых припасов, об этом, разумеется, и говорить нечего. Вообще, предпринимая такую экспедицию, мы должны быть особенно предусмотрительны, чтобы не упустить или не забыть чего-нибудь. А как быть с этой хижинкой? Вы хотите оставить ее без всякого присмотра?

— Да, — отвечал Мартин.

— В таком случае очень легко может быть, что, возвратясь, вы найдете ее разрушенной и разграбленной.

— Относительно последнего нам нечего опасаться.

С этими словами юноша взял мотыгу и начал разбивать глиняный пол. Под слоем глины оказалась потайная дверь, закрывавшая просторную кладовую. Затем с помощью негра и других Мартин сложил туда все, что нельзя было взять с собою, заложил снова дверь глиной и крепко утоптал ее так, что ни один непосвященный не догадался бы о существовании потайного погреба. Даже если бы здание сгорело дотла, можно было быть уверенным, что глина предохранит от огня спрятанные в кладовой вещи.

Глава четвертая

РАЗЯЩАЯ РУКА

На следующий день после полудня мы находим наших путешественников уже на пути к горам Биг-Хорн.

Местность, лежащая между Миссури и Скалистыми горами, принадлежит к числу самых пустынных частей Соединенных Штатов и представляет собой гладкую степь, в которой взор охотника не встречает на расстоянии нескольких дней пути ни одного деревца, ни одного источника.

Только на севере, там, где находятся истоки рек Шайенн, Паудер и Биг-Хорн, картина уже несколько меняется: трава становится сочнее, а редкие кустарники постепенно переходят в густые леса — охотничью территорию шошонов, сиу, шайеннов и арапахов. Все эти племена, преследуя свои собственные интересы, постоянно враждуют между собой. Толстый Джемми и Длинный Дэви знали это очень хорошо и поэтому постарались принять все меры к тому, чтобы избежать столкновения с индейцами.

Вокадэ ехал впереди, так как уже один раз ездил этой дорогой.

Солнце уже было высоко, когда всадники подъехали к окраине высокой котловины, очевидно некогда бывшей озером. Песчаное дно ее покрывала скудная растительность.

— Что это за местность? — спросил Джемми у Вокадэ.

Последний, недолго думая, начал уже спускаться в котловину, направляясь к виднеющейся по другую ее сторону возвышенности, поросшей кустарником и лесом.

— Паафе-пак, — отвечал индеец.

— Как, Кровавое озеро! Ну, теперь не совсем приятно будет столкнуться с шошонами.

— Почему? — спросил Мартин Бауман.

— На этом месте без какого-либо повода белые перерезали до последнего человека отряд шошонов. Хотя с тех пор прошло уже пять лет, шошоны без всякого сожаления зарезали бы всякого белого, который имел бы глупость попасть им в руки. Впрочем, Вокадэ нам, вероятно, скажет, где теперь охотятся шошоны.

— Когда Вокадэ семь дней назад проходил здесь, то он не встретил ни одного шошонского воина.

— Ну, так нам нечего беспокоиться. Во всяком случае, местность здесь настолько ровная, что мы, наверно, заметим всякого всадника и пешехода

за милю кругом. Вперед!

Прошло уже более получаса, как вдруг Вокадэ остановил свою лошадь.

— Следы! — воскликнул он.

— Следы лошади или человека? — спросил Джемми.

— Вокадэ не знает, пусть мои братья сами посмотрят.

— Черт возьми! Чтобы индеец не знал, кому принадлежат следы — зверю или человеку? Этого со мною никогда не случалось.

Всадники слезли с лошадей и подошли ближе, чтобы осмотреть загадочные следы. Однако исследование это ни к чему не привело, и в течение некоторого времени никто не решался высказать своего мнения.

— Одно несомненно, — прервал наконец молчание Джемми, — что это следы какого-то четвероногого, но какого — трудно сказать. Для оленя они слишком велики. Медведь оставляет продолговатый отпечаток, а эти следы имеют круглую форму. У животного этого, очевидно, копыта, а не когти. Если бы мы были в Африке или в Азии, я бы сказал, что здесь прошел слон. Что скажет на это мой краснокожий брат?

— Махо аконо! — отвечал индеец, изобразив на лице благоговейный ужас.

— То есть, Дух прерии?

— Да, ибо это не был ни человек, ни животное.

— Гм! У ваших духов, по-видимому, слишком большие ноги.

— Пусть мой белый брат не смеется. Дух прерии может принимать любые формы. Нам лучше не ломать себе голову над этой загадкой, а поехать своей дорогой.

— Нет, я не могу с этим примириться. Я должен знать, что это такое. Я еще не видел таких следов и хочу знать, с кем я имею дело.

— Брат мой рискует своей головой. Дух прерии не любит, чтобы вмешивались в его дела. Кроме того, у нас нет времени удаляться в стороны.

— Этого и не нужно. До привала остается четыре часа. Вы поедете своей дорогой, я нагоню вас. Фрэнк, вы не побоитесь поехать со мной?

— Я-то побоюсь? Что вы!

— Итак, значит, решено. Остальные поедут дальше, а мы возьмем направо.

Несмотря на предостережения индейца, Джемми и Фрэнк отделились от своих товарищей и поехали на север по направлению следов. Так как им приходилось теперь делать порядочный крюк, то они пришпорили лошадей и в скором времени потеряли своих спутников из виду. Внезапно следы

круто повернули на запад, так что Джемми и Фрэнк поехали теперь параллельно со своими друзьями. Но вдруг Толстый Джемми, ехавший впереди, остановил свою лошадь, изумленно вскрикнув.

— Что с вами? — спросил Фрэнк.

— Что со мной? Я сам бы хотел знать, что со мной. Я не знаю, во сне я или нет, — отвечал Джемми, с удивлением всматриваясь в какой-то предмет на земле.

— Черт возьми! — воскликнул Фрэнк, подъехав к нему. — Следы уже совершенно не те.

— Конечно! Раньше были отпечатки ног слона, а теперь чистые лошадиные следы. Посмотрите, как ясно отпечатались копыта!

— Но следы их идут в обратном направлении!

— Вот этого-то я и не могу понять! По эту сторону скалы следы шли в направлении к востоку, и притом это были следы слона, а по другую сторону совершенно ясные лошадиные следы идут как раз в обратном направлении. Других следов нет. Следовательно, следы эти оставлены каким-нибудь одним животным.

Оба всадника в недоумении посмотрели друг на друга и покачали головами.

— Что же нам теперь делать? — спросил Фрэнк.

— Разумеется, не возвращаться. Если этой загадке существует какое-нибудь объяснение, то оно впереди нас, а не позади. Вперед, товарищ!

Пока всадники ехали степью, следы были совершенно ясны; но вот показались кустарники, которые сменились редкими деревьями. Вдруг следы внезапно прекратились.

— Вот и разгадка! — проворчал Фрэнк.

— Непонятно, — ответил Джемми. — Животное это, очевидно, спустилось по воздуху и исчезло в воздухе. Или, может быть, это действительно был Дух прерии! Я бы много дал, чтобы взглянуть на него хоть одним глазком.

— Ваше желание может быть исполнено. Вы видите его перед собой, милостивые государи!

Слова эти, произнесенные на немецком языке из-за куста, у которого они остановились, заставили их обернуться, причем оба испуганно вскрикнули.

Из-за куста вышел человек среднего роста, с темно-русой окладистой бородой. На нем были обшитые бахромой индейские штаны, такая же охотничья куртка, длинные, до колен, сапоги и широкополая войлочная шляпа. За широким, сплетенным из нескольких ремней поясом торчали два

револьвера и охотничий нож. К поясу же были прикреплены две пары подков и четыре овальной формы толстые плетенки из камыша, неизвестного назначения, снабженные ремнями и пряжками. В правой руке он держал короткоствольное ружье совершенно оригинальной конструкции, а в левой — зажженную сигару. Настоящий охотник прерий пренебрежительно относится ко всякого рода внешнему изяществу и щегольству, а на незнакомце все блестело и сверкало, как будто он только вчера приехал из Сент-Луиса и ружье его, казалось, только что вышло из мастерской оружейника.

Оба всадника смотрели на него с изумлением и, пораженные его неожиданным появлением, не могли ничего ответить на его вопрос.

— Если я не ошибаюсь, — продолжал незнакомец, обращаясь к Джемми, — я имею удовольствие говорить с Якобом Пфедферкорном.

— Как? Вы знаете мое имя?

— Когда встречаешь толстого охотника на высоком клеппере, то нетрудно догадаться, что видишь перед собой Толстого Джемми. А где он, там должен быть недалеко и Длинный Дэви со своим мулом. Или, может быть, я ошибся?

— Нет, он действительно недалеко. А спутника моего зовут Фрэнком.

— Вероятно, это — Хромой Фрэнк!

— Откуда вы это узнали?

— Догадаться нетрудно. Я вижу, что вы хромаете и что вас зовут Фрэнком. Вы живете с Бауманом, Грозой Медведей?

— Кто вам это сказал?

— Он сам, когда несколько лет тому назад случай столкнул меня с ним. Где он теперь? В своем блокгаузе, вероятно?

— Нет, его нет дома. Он попал в руки оглала, и мы идем ему на выручку.

— Вы пугаете меня. Где это случилось?

— Недалеко отсюда. Оглала везут его с еще несколькими белыми к Желтой реке, чтобы принести их в жертву на могиле Храброго Бизона.

Незнакомец поднял на него глаза:

— Из мести, конечно?

— Конечно. Вы, может быть, слышали о Разящей Руке?

— Да, кажется, что-то слышал, — ответил незнакомец как-то странно усмехнувшись.

— Этот человек убил Храброго Бизона и еще двух вождей сиу. Оглала справляют ежегодно по убитым тризну. Когда они ехали на могилу убитых, Бауман и попался им в лапы.

— Откуда вы это узнали?

Фрэнк рассказал о Вокадэ и обо всем, что случилось после появления этого индейца. Чрезвычайно внимательно и серьезно незнакомец выслушал его рассказ. По окончании рассказа он сказал:

— Итак, значит виновником несчастья, приключившегося с Бауманом, является Разящая Рука. — Заметив, что Фрэнк хочет возразить, незнакомец, не слушая его, продолжал: — Не будем об этом спорить, а лучше скажите мне, где молодой Бауман? Я бы хотел его видеть.

— Это очень легко сделать. Вам стоит только проехать с нами. Где ваша лошадь?

— Лошадь моя недалеко. Я оставил ее в кустах, чтобы было удобнее наблюдать за вами.

— Так вы давно уже следите за нами?

— Конечно. Еще полчаса назад я видел вас, когда вы ломали себе голову над загадочной метаморфозой следов.

— Как? Что? Что вы знаете об этих следах?

— Ничего, кроме того, что это мои собственные следы.

— Как! Ваши? Черт возьми! Так это вы провели нас так ловко?

— Так я действительно вас ввел в заблуждение? Ну, это большое удовлетворение для меня знать, что я обманул такого знаменитого и опытного охотника, как Толстый Джемми.

Эти слова незнакомца поставили Джемми в тупик. Он не знал, что ему подумать о нем. Внимательно осмотрев его с головы до ног, он спросил:

— Так кто вы такой, наконец?

Незнакомец рассмеялся и отвечал:

— Разве вы не видите, что я новичок на Диком Западе?

— Да, в вас сейчас же можно узнать человека, который недавно в наших степях. Ваше оружие годится только для охоты на воробьев, а костюм ваш как будто сейчас только от портного. Вы, вероятно, турист? Сколько времени вы здесь, на Западе?

— Месяцев восемь.

— Не может быть! Во всяком случае, если вы приехали сюда собирать растения, животных или бабочек для коллекции, то я вам советую поскорей убираться отсюда. Местность эта очень опасна.

— Да, это мне хорошо известно. Здесь поблизости, например, расположились лагерем около сорока шошонов.

— Черт возьми! Не может быть! И вы говорите об этом так спокойно?

— Как же мне еще говорить! Неужели вы думаете, что я испугаюсь шайки шошонов?

— Вы не знаете, где вы находитесь?

— О нет! Я знаю очень хорошо, что неподалеку расположено Кровавое озеро, что шошоны будут очень рады, если им удастся схватить кого-нибудь из нас.

— Право, теперь я не знаю, что мне думать о вас...

— Пойдемте, — просто отвечал незнакомец, приглашая Джемми и Фрэнка следовать за собой.

Через несколько минут ходьбы они увидели под тенью громадного дуба великолепного, оседланного по-индейски коня. Подле него, на земле, валялся тяжелый двуствольный карабин, с каким обыкновенно охотятся на медведей.

Когда Джемми увидел этот карабин, он быстро подошел к нему, поднял его и внимательно осмотрел со всех сторон.

— А, теперь я понимаю! — воскликнул он. — Этот карабин да еще серебряное ружье предводителя апачей Виннету известны на всем Западе. Как мог я забыть, что при первом знакомстве Разящую Руку принимают обыкновенно за новичка...

— Как, Разящая Рука! — воскликнул Фрэнк, отступая на несколько шагов назад. — Ну, я представлял его себе совершенно иначе. Судя по рассказам о его подвигах...

— Довольно! — прервал его с неудовольствием Разящая Рука. — Я лучше объясню вам происхождение следов, которые ввели вас в заблуждение. Сначала я надел лошади на ноги вот эти башмаки, сплетенные из осоки, таким образом получились следы, которые вы приняли за отпечатки слоновьих ног; далее, вы видите, у пояса моего висят две пары подков на винтах, которые я прикручиваю к плетенкам, но задом наперед, — если я их надену моей лошади, получают следы в обратном направлении. Все эти предосторожности я принял сегодня против индейцев, о присутствии которых мне сообщил мой друг Виннету...

— Виннету? — прервал его Джемми. — Так предводитель апачей здесь? Где он? Я должен его видеть.

— Где он теперь, я не знаю. Но он оставил мне знак, что он придет сюда. По всей вероятности, он наблюдает за шошонами. Я должен вас предупредить, господа, что для вас лучше — поскорей уехать отсюда и присоединиться к своим.

— А вы останетесь здесь?

— Да, пока не подъедет Виннету. А потом я с ним догоню вас, чтобы вместе отправиться к Желтой реке, так как я отчасти являюсь причиной того, что Бауман попал в плен.

— Неужели?! — воскликнул Джемми. — В таком случае я готов поклясться, что мы освободим наших пленников. Поэтому...

Он остановился, потому что Фрэнк испустил внезапно крик ужаса. Он показывал рукой по направлению к степи, где скакал отряд индейцев.

— Скорей на лошадей и вперед! — закричал Разящая Рука.

Через минуту Джемми и Фрэнк уже скакали в том направлении, откуда приехали, а Разящая Рука быстро взобрался на ближайший холм, поросший лесом, и притаился за деревьями. Лошадь его, которой он сказал только одно слово на языке апачей, сама последовала за ним и послушно легла у его ног. Едва только Разящая Рука успел это сделать, как шошоны подъехали к тому месту, где происходил вышеописанный разговор. Они, конечно, сейчас же заметили следы Джемми и Фрэнка и пустились за ними в погоню.

«Ну, я думаю, что Джемми не так-то легко даст себя догнать», — подумал охотник, решившись на этом месте дожидаться результата погони.

Внезапно лошадь его издала легкое храпение, посмотрела своими большими, умными глазами на хозяина и затем повернула голову в сторону. Разящая Рука взял в руки свой карабин и направил его отверстие в ту сторону откуда конь его почувствовал приближение неприятеля. Через несколько минут заскрипели сучья под ногами приближавшегося человека, и Разящая Рука увидел перед собой своего лучшего друга.

Последний был почти так же одет, как и Разящая Рука, только голова его была ничем не прикрыта, а на ногах вместо сапог были мокасины. В руках он держал двустволку, деревянные части которой были густо обиты серебряными гвоздями, — ту самую знаменитую серебряную двустволку Виннету, предводителя апачей. Имя его произносилось с одинаковым уважением как в блокгаузах белых, так и в вигвамах краснокожих. Всюду можно было слышать рассказы о его справедливости, уме, храбрости, верности и добром сердце.

Разящая Рука поднялся со своего места и хотел что-то сказать Виннету, но тот показал ему знаками, чтобы он молчал и слушал.

Последовав этому совету Виннету, Разящая Рука различил топот приближавшихся к ним лошадей и воинственные крики шошонов. Он понял, что Джемми и Фрэнк не ускользнули от индейцев.

Действительно, после нескольких томительных минут ожидания, Разящая Рука увидел из своего убежища возвращавшихся гуськом шошонов, выпускавших победные возгласы; в центре отряда ехали привязанные ремнями к лошадям несчастные Джемми и Фрэнк. Они оглядывались по сторонам, надеясь увидеть Разящую Руку, которого

оставили здесь.

И они не ошиблись. Рискую попасть шошонам на глаза, Разящая Рука осторожно выступил из своего убежища и помахал шляпой. К счастью, знак этот был замечен только одними пленниками.

Когда шошоны исчезли вдаль, Разящая Рука повернулся к своему товарищу и спросил:

— Предводитель апачей открыл место, где шошоны расположились лагерем?

— Да, Виннету видел их палатки, в одной из них, которая украшена орлиными перьями, живет их вождь Токви-Тэй — Черный Олень, которого Виннету узнал по трем шрамам на лице.

— Что думает делать мой брат?

— Разящая Рука, наверное, захочет освободить пленных, и Виннету будет ему помогать. Виннету предполагает, что эти бледнолицые не решились бы сюда приехать вдвоем. Мой белый брат, наверное, знает, где их спутники, и мы поедem искать их, чтобы вместе освободить пленных.

С этими словами Виннету взял свою лошадь под уздцы и осторожно свел ее с холма вниз. То же самое сделал и Разящая Рука. Затем оба вскочили в седло и поскакали в том направлении, откуда приехали Джемми и Фрэнк.

Глава пятая

СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ

Подъехав к месту, где ущелье врезается в горы, они стали искать следы спутников Джемми и Фрэнка. Из-за кромешной тьмы они должны были потратить на поиски довольно продолжительное время. Было уже очень поздно, когда усилия их наконец увенчались успехом: искомые следы поворачивали от входа в ущелье направо. Именно туда и поехали наши всадники. Вскоре по левую руку открылось новое боковое ущелье. Они остановились, затрудняясь в выборе пути. Было весьма вероятно, что те, кого они искали, расположились лагерем как раз в этом ущелье.

Их вывело из затруднения храпение лошади Виннету, которая начала проявлять признаки беспокойства, почуяв близость людей.

— Мы на верном пути, — заметил Разящая Рука. — Повернем налево.

Через десять минут на повороте дороги, на расстоянии ста шагов, перед ними блеснуло пламя костра, вокруг него сидели трое людей, лиц которых они не могли рассмотреть.

— Как думает мой брат: те ли это, кого мы ищем?

— Их трое, а мы ищем четверых, поэтому будет благоразумнее сперва разведать хорошенько, с кем мы имеем дело.

— Я поеду один, — сказал Разящая Рука.

— Хорошо. Виннету подождет.

Разящая Рука, прячась между деревьями, осторожно подполз к костру и скоро мог не только видеть лица, но и слышать разговор.

У костра сидели Длинный Дэви и Мартин Бауман. Боб же, вооруженный громадной дубиной, ходил взад и вперед, исполняя обязанности часового. Когда он подошел к тому месту, где спрятался Разящая Рука, одна из лошадей, которых держал под уздцы Виннету, почуяв присутствие человека, заржала.

Испуганный Боб поднял тревогу, призывая на помощь своих спутников, как вдруг Разящая Рука поднялся с земли и вышел из своей засады.

— Добрый вечер, господа! — сказал он. — Оставьте ваши ружья в покое; я принес вам поклон от Джемми и Фрэнка.

Имена Джемми и Фрэнка в устах незнакомца заставили Дэви опустить двустволку, остальные последовали его примеру.

— Поклон? — переспросил он. — Так вы видели их?

— Да. Я имел удовольствие познакомиться с ними на берегу Кровавого озера, куда их привело желание отыскать объяснение загадочным следам.

— Совершенно верно. Ну, что, удалось им открыть того, кто оставил эти следы?

— Это была моя лошадь.

— Черт возьми! Разве у вашей лошади такие громадные ноги?

— Нет, ноги у нее обыкновенные. Ведь не моя вина, что вы приняли следы башмаков за следы ног.

Он показал на четыре плетенки, висевшие у него за поясом. Длинный Дэви сейчас же сообразил, в чем дело, и, хлопнув рукой по лбу, назвал себя дураком за недогадливость.

— Ну, так скажите же мне, — продолжал он, — где Джемми и Фрэнк? Почему они не приехали с вами?

— Потому, что их задержало одно обстоятельство: именно шошоны пригласили их сегодня к себе на ужин!

На лице Дэви отразилось выражение испуга!

— Тысяча чертей! Не хотите ли вы сказать, что они попались в лапы шошонам?

— Вы угадали! Они в плену.

— Как в плену? Вокадэ, Мартин, Боб, живо на лошадей! — С этими словами он бросился к лошади, которая паслась неподалеку.

— Стоп! — сказал Разящая Рука. — Эдак вы ничего не сделаете. Вы даже не знаете, где эти шошоны?

— Нет, но я надеюсь, что вы нам скажете.

— Так подождите, по крайней мере, пока я вам не скажу всего. Притом я не один. Со мной товарищ, который также может сообщить вам нечто.

Виннету, видя, что его спутник спокойно разговаривает с путешественником, также вышел из засады, ведя под уздцы лошадей.

Едва только он подошел поближе, как Вокадэ бросился к нему, испустив крик радостного изумления.

— Уй, уф! — закричал он. — Моца-скамон-ца-вакан! (Серебряное Ружье!) Это Виннету!

— Как? Что? Не может быть! — воскликнул Дэви.

— Да, это Серебряное Ружье, а товарища моего зовут Виннету.

— Есл и этот индеец Виннету, то, значит, вы — Разящая Рука.

Когда прошли первые минуты удивления, вызванные этим открытием, Разящая Рука пригласил всех сесть вокруг костра и рассказал подробнее о событиях последнего дня. Но окончании его рассказа Виннету снял с шеи свою трубку, набил ее и закурил по установленным индейским

церемониалом правилам. Затем он объяснил, что они оба, Разящая Рука и он, готовы отправиться на выручку Джемми и Фрэнка, а затем ехать к Желтой реке.

Когда речь зашла о плане освобождения пленников, то оказалось, что сейчас нельзя было точно определить, как именно они будут действовать, решено было отправиться пока на поиски лагеря шошонов.

Прежде чем выступить в путь, Виннету объявил спутникам, что он поедет вперед. Затем он оседлал свою лошадь, прикрепил к ее копытам такие же плетеные башмаки, какие раньше показывал Разящая Рука Джемми и Фрэнку.

— Зачем это он делает? — любопытно спросил Дэви.

— Для того, — отвечал Разящая Рука, — чтобы производить как можно меньше шума. Шошоны, которые взяли в плен ваших спутников, и не подумали о том, что пленники, по всей вероятности, оставили где-нибудь вблизи товарищей. Токви-Тэй, вождь шошонов, конечно опытнее и предусмотрительнее своих воинов. Он поймет, что двое охотников не решатся проникнуть в эту опасную местность одни, без товарищей, и поэтому нужно думать, что он вышлет разведчиков на поиски остальных охотников.

— Понимаю. А как же нам быть на случай, если мы встретимся с этими разведчиками?

— А как вы думаете?

— Я думаю, что нам не следует их трогать.

— Вы думаете?

— Да. Они все равно не могут нам повредить. Прежде чем они вернутся, мы успеем сделать свое дело.

— Этого мы не можем сказать наверняка. Если мы не помешаем им, они найдут нашу стоянку и остатки костра.

— Ну, так что же из того?

— Очень много. Они увидят, что мы поехали на выручку пленников.

— Так, значит, вы хотите сделать разведчиков безвредными?

— Непременно.

— А если их очень много?

— Об этом нам нечего беспокоиться. Они мешали бы только друг другу... Больше двух не посылают и...

В эту минуту перед ними как из-под земли, неожиданно, вырос Виннету, приближение которого, благодаря принятой им предосторожности, они не заметили.

— Разведчики, — шепнул он.

— Сколько? — спросил Разящая Рука.

— Двое.

— Ладно. Виннету, Дэви и я остаемся здесь. Остальные пусть отъедут в сторону с нашими лошадьми и ждут, пока мы их не позовем.

Он соскочил с лошади, Дэви последовал его примеру. Все прочие быстро скрылись за деревьями.

— Что мне делать? — спросил Дэви.

— Прислонитесь к дереву, — отвечал Разящая Рука, — и не трогайтесь с места.

— Я — этого, а ты того, — шепнул апач Разящей Руке.

Разящая Рука лег на землю в нескольких шагах от Дэви, а Виннету немного дальше.

Через несколько минут быстрым галопом проскакали два шошона. В одно мгновение, прежде чем Дэви успел опомниться, Разящая Рука и Виннету очутились позади разведчиков на их лошадях и схватили индейцев за горло... Напрасно испуганные лошади поднимались на дыбы и били задними ногами: им не удалось сбросить охотников.

После короткой борьбы Разящая Рука и Виннету соскочили с лошадей, держа в руках по разведчику.

— Хелло, сюда, друзья! — закричал Разящая Рука. Вокадэ, Мартин и Боб поспешно явились на его зов.

— Привяжите пленников к лошадям, они поедут с нами в качестве заложников! — распорядился Разящая Рука.

Когда это было исполнено, все сели на лошадей и продолжали свой путь, причем Виннету ехал опять несколько впереди.

Через полчаса у подошвы одного холма Виннету остановился и, подождав, пока спутники нагнали его, сказал:

— Здесь нам придется слезть. В этом месте шошоны поднялись на вершину через лес. Нам нужно идти по их следам.

Благодаря темноте, царившей в лесу, и необходимости вести за собой привязанных к лошадям пленников, исполнить это было не так легко.

Когда путники поднялись на вершину, по другую сторону холма им открылась котловина, о которой говорил Виннету; в центре ее был разложен ярко горевший костер; на столь значительном расстоянии невозможно было различить ничего, кроме пламени, все остальное было окутано глубоким мраком.

После непродолжительного совещания решили спуститься вниз, разведчиков же привязали к деревьям, поручив надзор за ними Вокадэ.

— Мой молодой краснокожий брат останется с пленными и ни в коем

случае не оставит это место до нашего прихода, — сказал ему Разящая Рука.

Чтобы треском сухого сука или вообще каким-нибудь шумом не выдать своего присутствия, крайне медленно, соблюдая всевозможные предосторожности, Виннету, Мартин, Дэви и Боб гуськом начали спускаться по крутому откосу холма. Спустившись в котловину, они при свете костра увидели три большие палатки, образовавшие остроконечный треугольник. Ближайшая к ним, разукрашенная орлиными перьями, по-видимому служила обиталищем вождя. В центре треугольника горел костер, вокруг которого сидели воины и по очереди отрезали себе порции от куска мяса, жарившегося на вертеле. Они чувствовали себя в полной безопасности. Об этом говорило, во-первых, то обстоятельство, что костер, вопреки обыкновению индейцев, горел чрезвычайно ярко; во-вторых, разговор велся ими очень громко, а лошади паслись непривязанными и нестреноженными вокруг палаток. Тем не менее индейцы сочли необходимым выставить нескольких часовых, которые медленно расхаживали взад и вперед.

— Проклятье! — проворчал Дэви. — Я решительно не могу придумать, каким образом мы освободим наших друзей.

— У меня есть один план, — отвечал Разящая Рука. — Только сначала я должен переговорить с Виннету.

Обменявшись несколькими словами с предводителем апачей на языке последнего, он сказал, обращаясь к Дэви:

— Вы останетесь здесь и будете нас дожидаться, сколько бы времени ни прошло до нашего возвращения; только когда вы услышите троекратное стрекотание кузнечика, вы незаметно и осторожно прокрадетесь к ближайшей палатке.

Затем Разящая Рука и Виннету легли плашмя на землю и поползли к палатке вождя шошонов.

Глава шестая У ШОШОНОВ

Тихо-тихо, как змеи, крались они в высокой траве, совершенно скрывавшей их от взоров шошонов.

Разящая Рука, который был впереди, ощупывал каждый вершок земли, прежде чем двинуться дальше. Индеец же все свое внимание обращал на то, чтобы ступать как раз в те следы, которые оставлял его спутник. Чем далее продвигались они, тем яснее различали отдельные подробности лагеря и даже черты лица часового, хладнокровно и беззаботно расхаживающего между палатками и неподозревающего, что неприятель так близко. Часовой был еще очень молод, за поясом у него торчал нож, а в руках он держал винтовку. По-видимому, он был больше занят тем, что происходило у костра, чем своими обязанностями. Именно поэтому нашим друзьям удалось приблизиться к нему на восемь шагов, не возбудив в нем подозрения.

— Скорей! — прошептал Виннету.

Выждав момент, когда индеец, совершая свой обход, поравнялся с ним, Разящая Рука поднялся из травы и в два прыжка очутился подле индейца, который, услышав шум, обернулся. Прежде чем индеец успел издать какой-нибудь звук, Разящая Рука ударом кулака в висок свалил его на землю и связал; тем временем Виннету поднял выпущенное индейцем из рук ружье и начал шагать по следам, оставленным шошоном, стараясь подражать последнему в походке и движениях так, чтобы издали его можно было принять за часового.

Между тем Разящая Рука успел добраться до палатки вождя; осмотревшись вокруг и не заметив ничего подозрительного, он попробовал приподнять полотно палатки, но оно оказалось столь туго натянутым, что Разящая Рука должен был предварительно разрезать веревки, которыми оно было привязано к шесту. Все это требовало крайней осторожности; прильнув к земле, Разящая Рука начал медленно приподнимать край палатки.

То, что он там увидел, привело его в крайнее изумление. Спиной к нему на бизоньей шкуре восседал предводитель шошонов, с наслаждением покуривая трубку и созерцая оживленную сцену, разыгравшуюся вокруг костра. Ни пленных, ни других шошонских воинов не было подле него. Разящая Рука тотчас же сообразил, что следовало предпринять. Но прежде

он желал выслушать мнение Виннету.

Опустив край палатки, он сорвал травинку и воспроизвел звук, издаваемый кузнечиком. Звук этот должен был служить для Виннету знаком, что требуется его помощь. Не показав ничем, что он слышал сигнал, апач продолжал свою прогулку, пока не дошел до того места, куда достигала тень, отбрасываемая палаткой. Здесь он поспешно бросил на землю свое ружье, лег на траву и быстро подполз к Разящей Руке.

— Пленников нет в палатке, там сидит только один Токви-Тэй, — прошептал ему на ухо Разящая Рука.

— Тогда нам нет надобности искать пленников в других палатках. Если мы возьмем в плен Черного Оленя, то мы заставим шошонов выдать нам Джемми и Фрэнка.

— Я тоже так думаю.

— Но шошоны подумают, что он в глубине палатки.

Виннету без шума медленно приподнял край палатки, а Разящая Рука, прижимаясь всем телом к земле, пролез в палатку. Когда он продвинулся настолько, что мог рукой достать Черного Оленя, он протянул руку и схватил последнего за горло. Черный Олень выронил из рук трубку и, беспомощно барахтаясь, тщетно старался освободиться от рук врага, будто железным кольцом сдавивших ему горло; не успев произнести ни звука, он потерял сознание. Разящая Рука тем же путем вылез из палатки, увлекая за собой Черного Оленя.

— Удалось! — сказал Виннету и, увидев вождя шошонов, спросил: — А что сделаем с часовым, которого мы связали?

— Мы возьмем его с собой. Чем больше будет в нашей власти шошонов, тем скорее выдадут краснокожие наших пленных. Виннету понесет часового, а я Черного Оленя.

Разящая Рука уже взвалил себе на плечи вождя шошонов и приготовился бежать, как вдруг раздались громкие и резкие крики.

— Враги, враги! — послышался чей-то голос.

— Должно быть, часовой пришел в себя, — сказал Разящая Рука. — Скорей! Мы должны взять его с собой!

В один момент очутился Виннету подле связанного часового и, схватив его в охапку, пустился опрометью к тому месту, где они оставили Дэви. Разящая Рука последовал за ним.

Между тем шошоны, сидевшие вокруг костра, услышав крик, повскакивали со своих мест и тщетно старались разобрать, с какой стороны последовала тревога. К тому же глаза их, привыкшие к яркому свету костра, сразу не могли освоиться с темнотой. Только благодаря этому

Разящая Рука и Виннету благополучно совершили свое отступление. Когда Дэви узнал, что пленник, приведенный Разящей Рукой и Виннету, есть не кто иной, как сам Черный Олень, он не мог найти слов, чтобы выразить свое удивление могуществу и отваге своих знаменитых товарищей. Но Разящая Рука положил конец его излияниям, заметив:

— Нам теперь не до этого. Мы должны поскорее вернуться к тому месту, где оставили лошадей.

— Пусть брат мой не торопится, отсюда мы лучше, чем с вершины холма, увидим, что предпримут шошоны.

— Да, Виннету прав, — согласился Разящая Рука. — Шошонам и в голову не придет, что мы здесь. Они не знают, с кем они имеют дело и сколько неприятелей. Без всякого сомнения, они пока ограничатся тем, что укрепят хорошенько свой лагерь и не раньше рассвета решатся выйти оттуда.

— Виннету сделает им сейчас маленькое предостережение, которое отнимет у них охоту оставить свой лагерь.

С этими словами апач взял свой револьвер и дважды выстрелил, став так, чтобы шошоны не могли видеть огня.

Когда шошоны немного опомнились от испуга, в который их повергла внезапная тревога, их поразило прежде всего то, что на них никто не нападает. Если бы действительно вблизи были враги, то, конечно, они не замедлили бы воспользоваться тревогой, чтобы напасть на лагерь. Итак, тревога, очевидно, была фальшивая. Кто же произвел ее? Конечно, один из часовых. Следовало, разумеется, расспросить его. Но что же медлит их вождь, ведь он обязан разъяснить причину тревоги?

Несколько краснокожих шошонов подошли к палатке вождя и заглянули внутрь. Палатка была пуста.

— Черный Олень уже ушел, чтобы разузнать, в чем дело, — сказал один из них.

— Брат мой ошибается, — возразил другой, — вождь не мог выйти из палатки незамеченный нами.

— Но его здесь нет!

— В таком случае его похитил Вокан-Тонка, злой дух.

— Злой дух может умертвить или принести какое-нибудь несчастье, но не может похитить воина, — заметил с неудовольствием подошедший в этот момент старый воин. Раздвинув толпу, он вошел в палатку.

— Уфф! — воскликнул он, нагибаясь к земле и что-то рассматривая. — Вождь похищен!

Никто не ответил на это замечание. То, что сейчас сказал старик, было

слишком невероятно, а с другой стороны никто не решался ему противоречить.

— Братья мои не верят? — продолжал он. — Пусть они посмотрят сюда. Разве они не видят, что в этом месте развязаны веревки палатки, а вот здесь воткнуты в землю сучья? Я знаю этот знак. Это — знак Нон-Пай-Кламы, которого бледнолицые называют Разящей Рукой. Он был здесь и похитил нашего вождя.

В это время и раздались два выстрела, о которых упоминалось выше. Шошоны ответили на них пронзительным воем.

— Скорей потушите огни, — приказал старик, — а не то неприятель воспользуется ими, чтобы перестрелять нас как собак!

Шошоны быстро исполнили его приказание, оттащив горячие поленья в сторону и затоптав огонь ногами. Затем каждый взял свое оружие и, по распоряжению старика, все образовали около палаток круг, чтобы встретить неприятеля, с какой бы стороны он не напал.

После короткого совещания было решено собрать лошадей, привязать их внутри лагеря и затем дожждаться наступления дня. Так и сделали.

Охотники наши, внимательно наблюдавшие за всем происходящим в лагере шошонов, по топоту лошадей догадались, что индейцы отложили преследование неприятеля до утра.

— Мы можем идти, — сказал Виннету.

— Да, — согласился Разящая Рука.

— Что касается нас, то мы не будем дожидаться утра. Черный Олень очень скоро узнает, чего мы от него требуем.

С большим трудом взобрались они в глубоком мраке на вершину холма, где Вокадэ стерег пленников.

Длинный Дэви уже снял свое лассо, чтобы, подобно первым двум пленным, привязать к деревьям и Черного Оленя с часовым, но его остановил Разящая Рука.

— Нет, — сказал он, — мы оставим это место, так как я хочу переговорить с вождем. Для этого нужно будет вынуть платок у него изо рта, а если мы это сделаем здесь, Черный Олень, конечно, воспользуется этим, чтобы позвать своих на помощь.

— Брат мой прав, — присоединился к нему апач. — Виннету знает место, где можно совершенно безопасно переговорить с пленными и даже развести костер.

Разящая Рука приказал привязать пленных на лошадей, и вся компания тронулась в путь по следам Виннету, шедшего впереди. Когда они достигли места, о котором говорил Виннету, Разящая Рука попросил спутников

оставить его одного с пленным вождем.

С помощью пунка (так называется зажигательный снаряд, употребляемый охотниками прерий) он без труда развел костер из сухих сучьев, наломанных им с деревьев, окружавших со всех сторон поляну.

Шошон лежал на земле и мрачно наблюдал за движениями белого охотника.

Покончив с приготовлениями, Разящая Рука подтащил своего пленника к огню, посадил его и вынул платок у него изо рта. Ни одним взглядом, ни одним движением индеец не показал, что он принимает какое-нибудь участие в происходящем. Разящая Рука сел против него по другую сторону костра и занялся прежде всего рассматриванием своего врага. Последний был чрезвычайно плотного телосложения, одет он был в платье из кожи бизона, но без всяких украшений. Только швы были украшены волосами от скальпов убитых неприятелей. С неподвижным выражением лица он пристально смотрел на огонь, не удостаивая противника ни одним взглядом.

— Токви-Тэй не носит цветов войны, — начал Разящая Рука. — Почему же он напал на мирных людей? — Он не получил на это никакого ответа, даже взгляда. Поэтому он продолжал: — Предводитель шошонов лишился со страху, должно быть, языка: он не отвечает ни одним словом на мой вопрос.

Охотник, по-видимому, хорошо знал, как нужно обращаться с индейцем, по крайней мере пленник бросил на него сердитый взгляд и ответил:

— Токви-Тэй не знает, что такое страх. Он не боится врагов и смерти.

— А между тем можно подумать, что он боится. Храбрый воин, прежде чем перейти к нападению, разрисовывает свое лицо цветами войны. Это честный образ действий, ибо противник тогда, по крайней мере, знает, что ему надо защищаться. Воины же шошонов не были раскрашены, у них были лица мира, а не войны. И тем не менее они напали на белых.

Индеец опустил глаза и угрюмо ответил:

— Черный Олень не был с ними, когда они взяли в плен бледнолицых.

— Это не оправдание. Если бы он был храбрым и честным воином, то он должен был немедленно отпустить пленников, когда их к нему привели.

— Они имели дерзость прийти к Кровавому озеру, они должны умереть.

— Тогда ты тоже умрешь.

— Черный Олень сказал уже тебе, что не боится смерти, он даже желает ее.

— Почему?

— Он попался в плен, он схвачен белым, он похищен из своего собственного вигвама бледнолицым. Он потерял свою честь, он не может жить.

Эти слова он произнес медленно и монотонно, не дрогнув ни одним мускулом, и тем не менее в каждом слове его слышалось горе, граничащее с отчаянием.

— Токви-Тэй действительно заслужил свою участь, но я готов возвратить ему свободу, если он прикажет своим отпустить обоих бледнолицых.

— Токви-Тэй не может жить. Он желает умереть.

— Но ты умрешь без всякой пользы. Несмотря на твою смерть, я освобожу пленных из рук твоих воинов.

— Попробуй! Если Токви-Тэй умрет, то жив еще Мог-Ав, его единственный сын, гордость его души, который отомстит за него.

Едва он произнес эти слова, как в кустах что-то зашелестело, и из-за деревьев вышел Мартин Бауман. Он нагнулся к Разящей Руке и прошептал ему на ухо:

— Виннету прислал меня сказать вам, что пленный часовой не кто иной, как сын вождя.

Известие это оказалось чрезвычайно на руку охотнику. Он отвечал также тихо:

— Пусть Длинный Дэви немедленно принесет его сюда.

Через несколько минут явился Длинный Дэви с пленником на плечах. По приказанию Разящей Руки он посадил его против Токви-Тэя, но даже и тут так велико было самообладание индейца, что у него не вырвалось ни одного звука, ни одного движения изумления. Несмотря на темный цвет кожи, можно было заметить, что при виде сына Токви-Тэй страшно побледнел. Что касается его сына, то он не мог удержаться от восклицания.

— Уф! — воскликнул он. — Токви-Тэй также в плену. Вот будет стон в вигвамах шошонов. Великий Дух отвратил лицо от народа своего.

— Молчи! — закричал ему отец. — Ни одна женщина шошонов не будет оплакивать Токви-Тэя и Мог-Ава, когда они умрут. Где были их уши и глаза, что они дали себя поймать, как маленькие дети? Позор отцу и позор сыну! Но с кровью их прольется и кровь бледнолицых. В руках шошонов уже есть двое белых пленников, и два разведчика уже на пути, чтобы схватить их товарищей.

Тут Разящая Рука прошептал Дэви:

— Приведи всех остальных. Только Виннету пусть пока не

показывается. Я не хочу оскорблять вас, — продолжал затем он, обращаясь к Черному Оленю и его сыну, — вождь шошонов известен, как храбрый воин. Мог-Ав, сын его, пойдет по его следам и будет столь же славным воином. Я возвращаю вам свободу в обмен на свободу белых охотников.

В глазах Мог-Ава мелькнуло нечто вроде радостного изумления. Он так любил жизнь. Но отец его, бросив на него угрожающий взгляд, отвечал:

— Черный Олень и Москит попали без борьбы в руки презренного бледнолицего, они не заслуживают жизни, они хотят умереть. Только смертью смогут они смыть позор, который пал на их головы. Но зато умрут также и белые, попавшие в плен, и те, которые еще попадут...

Он не успел кончить. Взор его испуганно остановился на разведчиках, которых в эту минуту привели Длинный Дэви, Боб и Мартин Бауман.

— Почему Черный Олень замолчал?

Вождь опустил голову и долго безмолвно смотрел перед собой.

— Теперь Токви-Тэй видит, что его надежда на новую победу тщетна, — продолжал Разящая Рука, — и тем не менее я повторяю свое предложение. Я немедленно отпущу вас, если вы дадите мне слово, что белые пленники будут освобождены.

— Нет, мы умрем! — воскликнул вождь.

— Так вы умрете напрасно, потому что мы, несмотря на вашу смерть, все-таки освободим пленников.

— Да, может быть, это вам и удастся, ибо Маниту, по-видимому, оставил нас. Если бы он не поразил нас глухотой и слепотой, то бледнолицым, которые не имеют имен, не удалось бы схватить вождя шошонов. Если Токви-Тэй был бы побежден Нон-Пай-Кламой или другим каким-нибудь знаменитым охотником, то он мог бы еще утешиться. Но вы — собаки, у которых нет хозяина. Я не хочу милости из ваших рук.

— А мы не хотим вашей крови, — отвечал Разящая Рука. — Мы отправились в поход не для того, чтобы истреблять храбрых воинов шошонов, но чтобы наказать собак оглала. Если вы не захотите возвратить свободу нашим товарищам, то мы не последуем вашему примеру. Мы позволяем вам возвратиться в ваши вигвамы.

Он встал, подошел к вождю и развязал ремень, которым тот был связан. Он знал, что затеял рискованную игру, но он был знатоком Запада и его обитателей и был убежден, что выиграет игру.

При виде такого великодушия, вождь потерял все свое самообладание. Образ действий этого белого казался ему совершенно непонятным и бессмысленным. Он возвращал своим врагам свободу, даже не получив взамен свободы своих друзей.

Разящая Рука подошел к Москиту и развязал его.

Черный Олень не мог опомниться от изумления. Рука его невольно потянулась к поясу, за которым торчал нож. Лицо его осветилось какой-то дикой радостью.

— Токви-Тэй умрет, но прежде пошлет вперед душу своего сына.

Выхватив из-за пояса нож, он подскочил к сыну и занес руку, чтобы ударить его в сердце и затем убить себя. Moskit не двинул ни одним членом. Он готов был принять смертоносный удар от руки своего отца.

— Токви-Тэй! — раздался позади вождя чей-то голос.

С поднятой рукой Токви-Тэй обернулся. Перед ним стоял вождь апачей.

Рука шошона опустилась сама собой.

— Виннету!.. — произнес он.

— Разве вождь шошонов считает меня за безымянную собаку?

— Кто смеет сказать это?! — отвечал Черный Олень.

— Разве он не назвал безымянными собаками тех, кто взял его в плен?

Нож выпал из рук шошона: истина начала понемногу открываться ему.

— Так победитель Виннету?

— Нет, не он, а его белый брат. Он показал на Разящую Руку.

— Уф, уф, уф! — вырвалось у Черного Оленя. — У Виннету есть только один белый, которого он называет своим братом. Неужели глаза Черного Оленя имеют удовольствие видеть здесь Нон-Пай-Кламу, самого знаменитого из белых охотников?

— Тот, кто одолел Черного Оленя, не мог быть безымянной собакой! Разве мой краснокожий брат — ночная сова, которую без всякого труда можно поймать в ее собственном гнезде? Брат мой — знаменитый охотник и воин, и тот, кто похитил его из собственного вигвама, должен быть героем, носящим громкое имя.

Шошон ударил себя по лбу и сказал:

— У Токви-Тэя была голова, но в ней не было мыслей.

— Теперь пусть мой брат скажет, должен ли он умереть, когда он знает, что его победитель — Разящая Рука.

— Нет, — без колебаний ответил Черный Олень, — он может жить.

— Да, потому что он доказал, что в груди его бьется не робкое сердце, ибо он не хотел пощады от руки врага. Разящая Рука повалил одним ударом кулака Мог-Ава. Разве это позор для молодого храброго воина?

— Нет, он может жить.

— Разве мой брат не знает, что Разящая Рука и Виннету — друзья всех храбрых краснокожих воинов?

— Да, Токви-Тэй это знает.

— Так пусть он выбирает, будет он нашим братом или врагом? Если он желает быть нашим братом, то его враги будут нашими врагами; если он этого не желает, то мы правда отпустим на свободу его, его сына и разведчиков, но прольется много крови из-за обоих белых пленников, и жены шошонов закроют свои лица и будут петь надгробные причитания в каждом вигваме и у каждого костра. Виннету кончил.

В продолжение нескольких минут царило молчание. Личность и речь апача произвели на индейцев сильное впечатление. Наконец Токви-Тэй наклонился, поднял нож, который у него выпал раньше, воткнул его лезвием в землю по самую рукоятку и сказал:

— Как скрылось острие этого ножа, так пусть исчезнет всякая вражда между сыновьями шошонов и храбрыми воинами, среди которых они теперь находятся.

Затем, вытащив нож из земли и подняв его острием вверх, продолжал:

— И пусть дружба шошонов и их братьев будет подобна этому ножу, и пусть поразит он всех, кто осмелится идти против них. Клянусь!

— Клянусь, клянусь! — раздалось кругом.

— Брат мой не пожалеет о своем выборе, — сказал Разящая Рука, — здесь он видит перед собой Дэви-Хонскэ, знаменитого охотника. Известны ли ему имена бледнолицых пленников?

— Нет.

— Это Джемми-Петатше с Хромым Фрэнком, товарищем Мато-Пока, Грозы Медведей.

— Мато-Пока! — воскликнул с изумлением шошон — Почему они не сказали об этом Черному Оленю? Разве Мато-Пока не брат шошонам? Разве он не спас ему жизнь, когда его преследовали оглала?

— Он спас тебе жизнь? Ну, так знай, что перед тобой Мартин, его сын, и Боб, его верный слуга. Они едут на выручку его, и мы сопровождаем их, ибо Мато-Пока, Гроза Медведей, вместе с пятью товарищами попал в лапы оглала и должен умереть.

Токви-Тэй бросил на землю нож, который держал в руке, наступил на него ногой и воскликнул:

— Как, собаки оглала хотят замучить Мато-Пока? Сколько их?

— Пятьдесят шесть.

— Если бы их было даже тысяча, то все равно они погибнут. Где они?

— Они в горах Желтой реки, там, где находится могила Храброго Бизона.

— Пусть братья мои следуют за мной в лагерь моих воинов. Там мы

выкурим трубку мира и обсудим с воинами вокруг Костра Советов, каким образом скорее всего догнать собак оглала.

Затушив костер, все начали ощупью спускаться обратно, ведя за собой лошадей. Достигнув подножия холма, Токви-Тэй приложил обе руки ко рту и закричал во всю силу своих легких:

— Куп, куп, куп-вака!^[1]

Эхо подхватило этот крик и донесло до ушей шошонов, ибо в ответ слышались громкие голоса.

— Ханг-па?^[2] — раздался громкий окрик из котловины.

— Мог-Ав, Мог-Ав! — отвечал сын вождя.

Шошоны отвечали радостными возгласами, а через минуту вспыхнуло пламя вновь разгоревшегося костра. Шошоны были крайне изумлены, когда увидели Черного Оленя в сопровождении группы белых, но ничем не показали своего удивления. Только старый воин, который заменял Токви-Тэя в его отсутствие, вышел ему навстречу и сказал:

— Токви-Тэй большой колдун, ибо он исчез невидимкой из своей палатки, как исчезает в воздухе слово, когда оно сказано.

— Разве братья мои действительно думали, что Черный Олень исчез бесследно, как дым? — спросил вождь. — Где были их глаза, что они не видели, как это все произошло?

— У воинов шошонов хорошие глаза. Они нашли знак знаменитого белого охотника.

— Мои братья угадали: они видят перед собой Нон-Пан-Кламу, белого охотника, который разит своих врагов одним ударом кулака. А возле него Виннету — великий предводитель апачей. Они пришли выкурить с нами трубку мира. Они хотели освободить белых пленников, которые лежат там, в палатке. Жизнь Черного Оленя была у них в руках, однако они не отняли ее у него. Поэтому пусть воины шошонов развяжут узы пленников. Взамен этого братья мои получают много скальпов сиу-оглала. С рассветом мы отправимся в погоню за ними. А пока пусть воины соберутся вокруг Костра Советов, чтобы обсудить план войны.

Ни один из шошонов не произнес ни слова, хотя известия, только что сообщенные Токви-Тэем, в сильнейшей степени возбудили их любопытство. Некоторые из них молча направились к палатке, где находились пленные, чтобы исполнить приказание вождя. Через несколько минут они вернулись в сопровождении пленных, приближавшихся к костру неверными шагами и прихрамывающих на ходу. Ремни, которыми они были связаны, так глубоко врезались им в тело, что произвели в некоторых

местах застой крови и пройдет много времени, прежде чем восстановится правильное кровообращение.

— Старая бочка, как угораздило тебя сделать такую оплошность? — приветствовал Длинный Дэви своего старого друга. — Только такая лягушка, как ты, может вскочить в пасть к журавлю.

— Затвори свою пасть, — отвечал с досадой толстяк, потирая свои окоченевшие от долгой неподвижности члены. — Разящая Рука может засвидетельствовать, что тут не может быть и речи об оплошности. Мы сдались без сопротивления, потому что это была единственная возможность спасти нашу жизнь. Если бы мы вздумали защищаться, то наверняка погибли бы. Ты бы точно так же поступил на нашем месте, к тому же мы были уверены, что Разящая Рука выручит нас из беды.

— Ну, ну, старина, успокойся! Это была только шутка! Ты ведь знаешь хорошо, как я рад тебя видеть снова на свободе.

— Хорошо! Но своей свободой я обязан, конечно, не тебе. — И обращаясь к Разящей Руке, он продолжал: — Я ни капли не сомневаюсь, что заслуга эта принадлежит вам одному. Жизнь моя отныне принадлежит вам.

Весьма естественно, что Джемми и Фрэнк сгорали от любопытства: каким же это образом товарищам удалось так быстро и без пролития крови положить конец их страданиям? Так как шошоны начали уже собираться вокруг костра на военный совет, то Разящая Рука сообщил им только самое главное, отложив подробный рассказ до более благоприятного случая.

Глава седьмая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФРЭНКА

Длинной тонкой вереницей потянулся отряд шошонов, к которому присоединились наши друзья, по прерии, поросшей высокой, почти в рост человека, травой. Прерия эта простирается от горного хребта Биг-Хорн до того места, где Грейболл-Крик смешивает свои прозрачные воды с водами реки Биг-Хорн. На некотором расстоянии впереди отряда ехали разведчики шошонов. Предосторожность вполне понятная в прерии, где весьма легко было нечаянно натолкнуться на неприятеля, благодаря высокой траве, закрывавшей с головой всадника. Во главе самого отряда находились Разящая Рука, Виннету, Черный Олень, за ними следовали белые вестмены с Вокадэ и Бобом.

К полудню характер местности начал изменяться: трава становилась ниже, изредка начали показываться группы кустарников, а потом отдельные экземпляры красных кедров. Деревья эти любят сырую почву, таким образом их присутствие указывало на близость воды.

У одного из таких деревьев разведчики остановились. Когда отряд приблизился к ним, они начали махать руками, показывая, что нужно ехать осторожнее, и один из них закричал:

— Следы, следы!

Только один Вокадэ, не слушаясь их указаний, продолжал спокойно ехать.

— Вец-то-вэкэ! — закричал ему с неудовольствием один из разведчиков.

Слова эти означали «молодой человек» и в устах разведчика звучали как порицание.

— Вокадэ знает, что он делает. Он знает эти следы, ибо тут есть отпечатки и его ног. На этом месте он стоял лагерем вместе с сиу-оглала, прежде чем они послали его на поиски палаток шошонов. Отсюда они должны были ехать на запад по направлению к реке Биг-Хорн и, по всей вероятности, оставили Вокадэ какой-нибудь знак, по которому он скоро найдет их следы.

После этого объяснения для Вокадэ не имело смысла оставаться здесь дольше. Поэтому отряд снова двинулся в путь.

Солнце стояло как раз над головами путешественников, и жара сделалась почти невыносимой.

Лошади крайне нуждались в отдыхе, но путешественники решили продолжать путь, покуда не достигнут какого-нибудь источника. Дорога начала подниматься в гору, и на горизонте обрисовались очертания гор. На одном из многочисленных поворотов дороги путешественники увидели неподалеку два высоких холма, густо поросших лесом и разделенных друг от друга узкой долиной, орошаемой небольшим ручейком. Всадники остановились, не зная, продолжать ли путь в прежнем направлении или свернуть в ущелье. Разящая Рука внимательно осмотрелся вокруг, будто ища что-то глазами. Наконец он нашел, по-видимому, то, что искал, ибо кивнул перед собой и сказал:

— Дорога наша ведет налево в ущелье.

— Почему? — спросил Длинный Дэви.

— Разве вы не видите там, вот на этой липе, сосновую ветку? Это знак для Вокадэ. Сиу прикрепили ее к липе таким образом, чтобы она показывала на долину. В этом направлении нам и следует искать их следы. Я думаю, что мы найдем еще много таких указаний.

На некотором расстоянии от начала ущелья путешественники решили сделать привал. Всадники спешили и пустили лошадей в траву. Затем, утолив свой голод, все растянулись на земле.

После короткого отдыха путешественники снова сели на лошадей и поехали в прежнем направлении.

Дорога то спускалась в долину, то змеилась среди уступов гор.

Периодически на деревьях попадались оставленные сиу в виде указателей пути знаки.

Под вечер всадники увидели у своих ног долину эллиптической формы, имевшую несколько миль в диаметре и окруженную со всех сторон высокими скалами. В центре ее возвышался конусообразный холм, на вершине которого было помещено грубо изваянное каменное изображение черепахи. Форма долины, характер почвы и масса органических остатков, несомненно, указывали на то, что это место представляло собой дно высохшего озера. Временами путешественникам попадались оставленные сиу для Вокадэ указания, что они пересекли долину, но Разящая Рука, не обращая никакого внимания на эти указания, свернул налево и поехал вдоль утесов.

— Вот ветка, — сказал Токви-Тэй, — указывая на дерево, к стволу которого была прикреплена ветка с другого дерева. — Почему брат мой не следует направлению, указываемому знаком?

Разящая Рука остановил лошадь и отвечал:

— Местность эта мне очень хорошо знакома. Оглала направляются к

могилам своих воинов. Я был уже три раза здесь и могу указать гораздо более короткий путь, чем тот, который они выбрали и который им вовсе неизвестен. Им придется описать большую дугу, к тому же местность, по которой они поедут, чрезвычайно неудобна. Моя же дорога образует прямую линию между этой долиной и целью нашего путешествия, так что весьма возможно, что мы успеем туда раньше сиу, что было бы для нас крайне выгодно.

Давно высохшая речка вливала некогда свои воды в старый бассейн озера. Русло ее было очень узко, и оно так густо поросло растительностью, что только опытный глаз Разящей Руки мог отличить это место. Туда и направил он своего коня. Далее живая изгородь, скрывавшая место, где речка некогда вливалась в озеро, постепенно редела, и бывшее русло обозначалось довольно ясно.

Не доезжая несколько миль до водопада, путники решили сделать привал. Место, которое они выбрали для этой цели, лежало недалеко от небольшого, но глубокого пруда. Вскоре запылали костры, и все общество разбилось на отдельные группы, расположившиеся вокруг огня в ожидании ужина из форели, водившейся во множестве в пруду, коротая время рассказами о приключениях, столь обильных в тревожной жизни обитателей Дикого Запада. В группе белых, которые, конечно, держались все вместе, прежде всего зашла речь об отце Мартина Баумана, ради которого была предпринята экспедиция. Постоянный спутник и друг его Фрэнк рассказал своим новым знакомым немало эпизодов из полной тревожностей жизни знаменитого охотника, из которых спутники могли убедиться, что прозвище Гроза Медведей вполне им заслужено. Затем перешли к другим охотничьим приключениям, в которых главную роль опять-таки играли серые медведи — эти самые страшные враги человека в прериях. При этом описывались их нрав, их приемы, их страшная сила, рассказывались различные случаи чудесных избавлений от объятий этого царя прерий.

Вдруг Фрэнк, все время внимательно следивший за беседой, проговорил:

— Все-таки, я думаю, господа, что никто из вас не был в таком положении, как я.

— Как? — спросил его Джемми. — Вы уже имели дело с медведем?

— Да.

— В таком случае вы должны нам это рассказать.

— С удовольствием, только прошу меня не прерывать! Приключение это произошло в Колорадо. Я в то время скопил небольшую сумму денег и

задумал заняться торговлей. С недурным запасом всяких товаров отправился я к Западу. Дела мои шли хорошо, и, когда я подошел к Арканзасу, я продал не только весь свой товар, но и тележку, в которой его возил. И вот я сидел верхом на лошади с ружьем в руке и с карманами, полными денег. Но назад я не возвратился, а поехал дальше на Запад из любопытства. Колорадо тогда только что стало населяться. Там открыты были в то время большие залежи золота, и народ хлынул туда массами. Но настоящих поселенцев еще не было. Поэтому можете представить себе мое удивление, когда я внезапно встретил на своем пути прекрасную ферму. Особенно много было в ней кленовых деревьев, и в ствол каждого дерева была вделана внизу трубка, из которой капал сок в подставленные сосуды. Надо заметить, что дело было весной, когда готовится кленовый сахар. Вблизи дома стояли громадные, но неглубокие чаны, наполненные собранным уже соком. Прошу обратить внимание на это обстоятельство, так как оно играет немаловажную роль в моем рассказе.

Хозяин фермы был из Норвегии и принял меня радушно. Я так понравился ему и его семье, что меня пригласили остаться у них подольше. Я согласился и помогал им в их занятиях по хозяйству. Они так доверчиво относились ко мне, что оставляли меня часто одного на ферме. Однажды они были приглашены к одному соседу на празднество по случаю постройки нового дома. И вот они всем семейством уехали, оставив меня стеречь ферму. Раньше чем через два дня нельзя было ожидать их возвращения. В этой местности бродило тогда много негодяев, но я их не боялся и сумел бы с ними справиться, кроме, конечно, того случая, когда кто-нибудь напал бы на меня ночью, не предупредив заранее об этом.

Надо заметить, что вблизи дома стояла громадная пихта, все нижние ветки которой были обрублены, а кора содрана хозяином для каких-то надобностей. Понятно, что ствол дерева был совершенно гладок, и требовалась громадная ловкость, чтобы взобраться на дерево.

Я был совершенно один на ферме и от скуки решил чем-нибудь заняться. Предмет, который привлек мое внимание, был глиной. Именно в доме испортился глиняный пол, и между стенными балками, замазанными глиной, образовались трещины. Это надо было исправить, и поэтому хозяин около дома вырыл яму, аршина в четыре длиной и аршина в три шириной. Была ли она глубока, этого я не мог знать, потому что она до краев была наполнена жидкой глиной. Находя, что глина недостаточно плотна, я размешал ее хорошенько, пока не нашел, что она годится для предполагаемых исправлений. Потом я пошел к дому, чтобы сделать себе лопату, необходимую для моей работы. Но только я повернул за угол, как

встретился нос к носу с медведем. Одним прыжком я отскочил в сторону, но он погнался за мной. Я бросился бежать от дома со всех ног и, заметив на пути вышеупомянутую пихту, с быстротой ракеты взобрался на ствол. Но ствол был так гладок, что я не мог достичь ветвей и удержаться было страшно трудно. Медведь полез за мной на дерево.

— А, так это не был серый медведь!

— Мне это было все равно. Я судорожно уцепился за ствол и посмотрел вниз. Медведь медленно и спокойно взбирался на дерево. Всё приключение доставляло ему, кажется, большое удовольствие, так как он нежно ворчал, поднимаясь вверх. Я не мог больше оставаться на прежнем месте и сделал попытку полезть выше. Но только я поднял руку, чтобы исполнить свое намерение, как потерял равновесие и покатился вниз на медведя с такой силой что и он съехал со мной на землю.

Слушатели разразились громким смехом.

— Понятно, — продолжал маленький человек, — мне тогда было не до смеха. Мы с медведем были так оглушены своим падением, что оставались некоторое время неподвижными: он лежал, а я сидел на нем. Но вдруг он вскочил. И я, осознав свое положение, бросился удирать со всех ног. Медведь пустился за мной. Я бежал со скоростью пули, и понятно, когда встретил на своем пути яму с глиной, попал прямо в нее по плечи. Немедленно раздался около меня страшный всплеск, и глина облепила мне голову, оставив открытым правый глаз. Оказалось, что это медведь прыгнул со всего размаху в ту же яму. Несколько секунд смотрели мы друг на друга, оба совершенно покрытые глиной, потом я повернулся направо, а он — налево, оба с целью выйти из неприятного положения. Ему это удалось скорее, чем мне. Я уже боялся, что он, выпрыгнув из ямы, будет сторожить меня, но он, едва выйдя на сухое место, пустился бежать со всех ног, не удостоив меня ни одним взглядом, и скоро скрылся за углом дома.

Я не преминул последовать его примеру и, выбравшись из ямы, побежал к ручейку, протекавшему за домом, где и обмылся. Затем мне захотелось посмотреть, что сделалось с медведем. Я пошел по его следам, будучи почти уверен в том, что медведь убежал с фермы. Но он этого не сделал. Он сидел перед пихтой и усердно облизывался. Дело в том, что медведю на пути попался чан с кленовым соком. Так как у него не хватило ловкости перескочить через чан, то он прямо попал в сладкий сок. Тут он уже забыл о бегстве и, уютно рассевшись под пихтой, принялся оближивать сахаристую жидкость. Он был так погружен в свое занятие, что не заметил меня. Я прокрался в дом, снял со стены ружье и пошел к пихте. Не доходя нескольких шагов до пихты, я прицелился и, попав медведю в сердце,

уложил его на месте.

Фрэнк встал во время рассказа с места и чуть пошевелил камни, лежавшие около него на земле. Из-под камней выбежал маленький зверек и проскользнул в отверстие дуплистого пня, находившегося поблизости. Все это произошло так быстро, что невозможно было определить, к какой породе принадлежал зверек.

Негр Боб вскочил с места, словно наэлектризованный, бросился к пню, в котором исчезло маленькое животное и закричал:

— Боб видел зверя! Боб поймает зверя! Руками поймает!

— Будь осторожен, — заметил Разящая Рука, — ты ведь не знаешь, что это за животное.

— О, Боб видел — это опоссум! Из него выйдет вкусное жаркое!

Взяв в правую руку нож и обнажив левую, он засунул ее в дупло. Но вдруг он испустил страшный крик и неистово замахал правой рукой с ножом, строя страшные гримасы.

— Ой-ой-ой! — вопил он. — Больно, ух как больно!

— Что такое? Разве животное вцепилось зубами в твою руку?

— О, очень, очень вцепилось!

— Вытаскивай в таком случае руку, только скорее!

Разящая Рука вытащил из-за пояса длинный нож и подошел к Бобу. Негр со страшными воплями вытащил свою руку из дупла. Зверь так сильно вцепился в руку, что Боб вытащил и его. Правой рукой он схватил зверя сзади, надеясь, что Разящая Рука употребит в дело свой нож. Но тот быстро отскочил назад и закричал:

— Скунс! Скунс! Спасайтесь! Спасайтесь!

Этим названием обозначается небольшое хищное животное длиной в сорок сантиметров из породы млекопитающих. мех у него черного цвета с двумя белыми полосами, расходящимися по направлению к хвосту и сходящимися на крестце. Оно питается яйцами, мелкими животными, на охоту выходит только ночью, а днем спит в дуплах и ямах. Самое его страшное оружие — это железа, находящаяся у него под хвостом. Отсюда он в минуту опасности выпускает желтую маслянистую жидкость с убийственным запахом. Этот запах остается на вещах, облитых этой жидкостью в течение нескольких месяцев, и кто хоть раз попадет под струю этой страшной жидкости, может очутиться в очень неприятном положении. Кроме того, он рискует на длительное время оказаться совершенно изолированным от человеческого общества.

Понятно, что все бросились бежать от Боба.

— Брось животное на землю! — закричал ему издали Разящая Рука.

Но, несмотря на все усилия, Боб не мог отцепить скунса — с такой силой он вцепился ему в руку.

Мягкосердечному саксонцу стало его жаль, и он решил подойти к негру поближе, совершая этим поистине героический поступок: даже на расстоянии вонь была такой сильной, что захватывало дыхание.

— Протяни мне руку, — сказал он Бобу. Предосторожность была понятна — важно было не замараться жидкостью скунса даже при малейшем движении, ведь саксонец мог тогда подвергнуться участи отверженного...

С трудом освободил он руку Боба, почти разломив челюсти животного.

Боб не помнил себя от радости и, несмотря на рану, побежал к остальному обществу. Но Разящая Рука схватил ружье, прицелился издали в негра и закричал ему:

— Остановись! Или я тебя застрелю!

Негр в ужасе остановился как вкопанный.

— Сбрось платье, — приказал Разящая Рука, — и немедленно сядь в воду, платье же мы сожжем.

Самая чувствительная струнка Боба была задета.

— Как? — завопил он с отчаянием. — Боб должен снять свою прекрасную коленкоровую одежду, и она сгорит? О, я несчастный!

Но Разящая Рука не обращал внимания на его сетования. Он спокойно сказал, зная, что другого средства не имеется:

— Я стреляю: раз... два...

Но прежде чем он сказал «три», Боб скинул свое платье и бросился бежать с платьем в руках к пруду: он предпочитал его утопить, чем отдать на сожжение. Вместо мыла ему дали состав из медвежьего жира и золы и приказали тереть себя этим составом как можно усерднее. И Боб тер, тер без усталости. Только его курчавая голова виднелась из воды, и невозможно было без смеха смотреть на то, какие гримасы он корчил, скаля белые зубы.

Глава восьмая

ИНДЕЙСКАЯ ДУЭЛЬ

После этого происшествия с Бобом все общество вернулось к огню. Так как делать было нечего, то Длинный Дэви обратился к Разящей Руке с просьбой рассказать какое-нибудь из своих приключений.

— Вы столько пережили, — прибавил он, — что стоит вам потрясти рукавом, и оттуда посыпятся приключения сотнями.

Но Разящая Рука не отвечал. Он глубоко вдохнул в себя воздух, как будто хотел в чем-то удостовериться посредством чувства обоняния.

— Да, этот Боб распространяет вокруг себя не совсем-то приятный запах, — заметил Джемми.

— Не потому я вдохнул в себя воздух, — возразил Разящая Рука.

— Что же вы нюхаете?

Но Разящая Рука вместо ответа обратился к Виннету со словами, сказанными на апачском языке:

— Теши-ини!

Это значило: «Смотри в оба!» Так как остальные не понимали апачского языка, то и смысл этих слов остался для них загадочным. Виннету кивнул головой и схватил свое ружье. Разящая Рука сделал то же самое.

Джемми удивленно спросил:

— Что с вами? Вы оба схватились за ружья?

— Дело в том, что я собираюсь рассказать вам о так называемом бедренном выстреле. Слышали ли вы когда-нибудь о нем?

— Бедренный выстрел?.. Это что такое? Нет, мы не знаем...

— Первый раз слышу, — посыпались ответы.

— Так видите ли, я этим именем называю выстрел, при котором ружье поднимают к бедру.

— Но ведь таким образом невозможно целиться! — вскричал Джемми.

— Да, целиться очень трудно, но некоторым охотникам это удается.

— К чему же этот бедренный выстрел, если можно целиться обыкновенным образом? — спросил Джемми.

— То-то и есть, что не всегда это возможно, — возразил Разящая Рука, — например, если вы сидите или лежите на земле и не желаете показать противнику, который вас сторожит, что вы хотите в него стрелять. Представьте себе, например, что вблизи находятся враждебные нам

индейцы, которые имеют намерение на нас напасть. Они высылают своих разведчиков, а те подкрадываются, чтобы узнать наши силы и определить выгоды местоположения для битвы. Эти лазутчики ползут на руках и коленях. Лучшее средство сделать их невредимыми — застрелить.

— Тки-акан,^[3] — шепнул вождь апачей.

— Теши-ши-тки,^[4] — ответил Разящая Рука.

— Таясси,^[5] — шепнул опять апач.

— Что это за секреты у вас? — спросил Длинный Дэви.

— Это ничего, — ответил Разящая Рука, — дело в том, что я — с помощью Виннету — желаю показать вам на деле бедренный выстрел.

— Но ведь нужно видеть лазутчиков! А разве возможно что-нибудь разглядеть в таком мраке? Я, правда, слышал, что некоторые охотники Запада видят глаза подкрадывающихся врагов в темноте, но я этому не верю.

— Видели ли вы когда-нибудь на море, как блестят глаза акулы? Они блестят так ярко, что их легко можно разглядеть во мраке. Всякий другой глаз, не исключая и человеческого, обладает тем же блеском, хотя и не с такой силой. И чем более напрягается зрение, тем сильнее блеск глаз. Например, если бы там, в лесу, находился лазутчик, который бы наблюдал, то я увидел бы его глаза, да и Виннету тоже.

Все сидели, застыв в изумлении.

— Положим, что там действительно находится лазутчик и я вижу, как блестят его глаза. Если я приложусь, чтобы в него выстрелить, как обычно это делаю, то он увидит, что я стреляю, и немедленно скроется. Чтобы этого не случилось, я остаюсь спокойно на месте, потом беру незаметно ружье и поднимаю его до правого бедра, оставаясь в сидячем положении. Затем нужно — как я это сейчас делаю — повернуть голову в другую сторону, как если бы вы смотрели совсем не туда, где находится лазутчик, но не настолько, чтобы его нельзя было видеть, а напротив, нужно иметь возможность хорошо разглядеть врага.

Говоря это, он так и делал. Виннету следовал его примеру.

— Затем левой рукой хватают ствол ружья, чтобы направить его и поддержать тяжесть ружья, затем начинают целиться, стараясь попасть между глаз, и наконец стреляют — вот так!

Выстрел прогремел, и немедленно после него выстрелил Виннету. Оба вскочили и, выхватив ножи, точно пантеры, бросились в чашу леса.

Ни индейцы, ни белые не проронили ни слова. Но все были готовы к бою.

Внезапно показались Разящая Рука и Виннету, оба с ножами в руках и каждый с индейцем на плечах. В молчании подошли они к огню, и Разящая Рука сказал:

— Теперь не время разговаривать. Оба трупа следует положить на резервных лошадей, и мы отправимся в путь. Мы убили двух, но никто не может знать, сколько человек идут за ними. Итак, живо!

У каждого трупа было отверстие во лбу. Таким образом пули попали в лоб, совсем как сказал Виннету. «Таясси».

Скоро кончились все приготовления к отъезду. Огонь был потушен, и весь караван, с Разящей Рукой и Виннету во главе, отправился в путь.

Понятно, негра не оставили в воде. Еле живого от страха, его без всякой одежды посадили на лошадь, она ехала сзади всех, потому что еще до сих пор от него шел нестерпимый запах.

Быстро и бесшумно ехал караван. Уже к рассвету перед всадниками показался узкий проход между высокими, покрытыми густым лесом горами. Там оба всадника остановились и сошли с лошадей. Другие последовали их примеру. Оба трупа были сняты с лошадей и положены на землю. Одеты они были по индейскому обычаю частью в суконное, частью в кожаное платье.

— К какому племени принадлежат они? — спросил Разящая Рука Джемми.

— Гм! — ответил последний. — По их одежде это узнать нельзя. Поищем-ка в карманах!

Но в карманах ничего не нашли.

— Во всяком случае, — заметил Разящая Рука, — они следили за нами, у них были ружья, но не было пороху, это очень подозрительно, ибо указывает, что они принадлежат к отряду, который и выслал их лазутчиками.

Вокадэ, который до сих пор стоял в почтительном отдалении, подошел и сказал:

— Да позволят знаменитые мужи Вокадэ сказать свое слово, хотя он молод и неопытен.

— Говори! — кивнул ему Разящая Рука.

— Вокадэ, — сказал вождь, — знает рубаху одного из индейцев, на ней Вокадэ вырезал свой тотем^[6].

Он поднял полу рубахи мертвого лазутчика и указал на прорез.

— Вокадэ, — продолжал он, — полагает, что оба молодых воина принадлежат к племени апсароков.

— Какой же повод имеет мой брат, — спросил Разящая Рука, —

предполагать это?

— Вокадэ был при том, когда сиу-оглала обокрала апсароков. Мы шли сюда с Лисьего хребта и приблизились к реке Шайенн. Пока мы ехали между горами и рекой, мы выехали на открытое место, откуда увидели множество краснокожих мужей, купавшихся в реке. Тут оглала стали совещаться. Купались апсароки, их враги. Было решено причинить им величайший срам, какой может только иметь место у индейцев, а именно — похитить их лекарственные мешочки. Тогда оглала подъехали к месту, где паслись лошади апсароков, там лежало и их платье, оружие и мешочки. Так как кругом рос высокий кустарник, то оглала подкрались незаметно к месту, где лежали лекарственные мешочки, они взяли их и, кроме того, увезли с собой лошадей, одежду и порох апсароков. Оружие же они оставили. Когда добычу стали делить, то Вокадэ получил эту рубаху. Но он не хотел быть вором, а вырезал на ней свой тотем и бросил ее. Очевидно, апсароки пошли по нашим следам и нашли на дороге эту рубаху, которую и отдали ее владельцу.

— Дело плохо, — возразил Разящая Рука после раздумья, — индеец, у которого украли лекарственный мешочек, проявляет дьявольскую злобу и мстительность при отыскивании его.

Он бросил вопросительный взгляд на Виннету, который до сих пор не произнес ни слова. Эти два человека удивительно понимали друг друга. Прежде чем Разящая Рука сказал слово, Виннету отгадал его мысль и сказал:

— Мой брат прав.

— Итак, мы поедем дальше?

— Да.

— Так не будем терять времени.

Оба трупа были приведены в сидячее положение и обращены лицом на северо-восток, в руки им положили их ружья, затем их прикрыли большими камнями, которые в громадном количестве лежали вокруг. Затем Виннету сказал Разящей Руке:

— Вождь апачей останется здесь сторожить проезд апсароков. Молодой сын Грозы Медведей пусть останется с ним.

Остальные под предводительством Разящей Руки поехали дальше. Через два часа проход между горами сузился до того, что только три всадника могли ехать рядом в этом проходе. Совершенно отвесные скалы поднимались по краям ущелья. Здесь остановился Разящая Рука. Он указал на ущелье и сказал:

— Когда апсароки придут, мы их впустим сюда. Половина из нас под

начальством Токви-Тэя и Виннету (когда он возвратится) останется здесь в засаде и по первому выстрелу ворвется за апсароками в ущелье. Другая же половина станет со мной у выхода из ущелья. Таким образом, враг имеет выбор: или быть убитым наповал, или сдаться нам добровольно.

Токви-Тэй с тридцатью шошонами остался на месте и начал исследовать местность. Оказалось, что можно было чрезвычайно удобно скрыться в лесу, находившемся на стороне от входа в ущелье, чтобы выехать оттуда в случае надобности и не быть замеченными апсароками.

Разящая Рука проехал через ущелье со своим отрядом. Ущелье оказалось очень коротким, так что, стоя при входе, можно было хорошо видеть и выход из него. За ущельем оказалась долина, покрытая обломками скал, между которыми росли гигантские деревья.

Толстый Джемми, утомленный бессонной и тревожной ночью, немедленно растянулся на мху и расположился ко сну. Его заразительному примеру последовали и остальные. Только Разящая Рука бодрствовал, он обошел все ущелье и с удовольствием убедился, что от шошонов с Токви-Тэем не осталось и следа: так хорошо они скрылись. Медленно возвратился он назад и сел у выхода из ущелья. Вдруг послышался топот лошади, и перед ним очутился Мартин Бауман.

— Виннету здесь? — спросил Разящая Рука.

— Да. Он остался около Токви-Тэя, как ты приказал.

— Вы видели апсароков? Сколько их?

— Шестнадцать человек. Во главе их — гигант, человек громадного роста. Он ехал впереди.

— Было ли у них оружие?

— Да. У всех были ружья.

— Хорошо. Передайте Виннету, чтобы он со своим отрядом по данному знаку последовали за апсароками в ущелье не верхом, а пешими. Дело в том, что апсароки на лошадях не могут выстроиться в этом ущелье шире, чем в три лошади, мы же можем построить наших людей, пеших, в ряды по пять человек. Первый ряд будет лежать на земле; второй стоять на коленях; третий ряд будет стоять на ногах, немного согнувшись; четвертый ряд будет стоять прямо. Таким образом, можно будет дать сразу двадцать выстрелов с одной и столько же с другой стороны, со стороны отряда Виннету. Очутясь в таком положении, апсароки, конечно, осажденные с двух сторон в ущелье, сдадутся или погибнут. Однако когда, по мнению Виннету, будут здесь апсароки?

— Через три часа: час пути до ущелья и два часа совещания у гробницы убитых лазутчиков.

— Я так и рассчитывал. Поезжайте теперь назад.

Мартин ускакал. Разящая Рука разбудил своих спутников, сообщил им свой план нападения на врагов и приказал, чтобы в первом ряду стали Дэви, Джемми, Фрэнк, Вокадэ и один из шошонов. Сам он хотел стать впереди с веткой мира для переговоров с врагами.

Часа через два послышался топот лошадей в ущелье.

Разящая Рука, спрятанный со своим отрядом за выступом скалы у выхода из ущелья, позволил им доехать до середины и затем выстрелил из револьвера. Этот выстрел услышал Виннету и немедленно ворвался со своим отрядом в ущелье. В то же время и Разящая Рука появился перед ошеломленными индейцами со своими людьми, и таким образом апсароки оказались между двумя колоннами врагов, принявших быстро вышеописанное положение.

Начальник апсароков был действительно сложен, как Геркулес. Широкие кожаные шаровары были увешаны косами врагов, на широкой груди было у него нечто вроде панциря, который был сшит из скальпов. За поясом торчал длинный нож и громадный томагавк. На голову была накинута шкура кугуара. Лицо его было раскрашено в синий, красный и желтый цвета, а правой рукой он сжимал большое ружье.

Краснокожий немедленно понял, что стоявшие перед ним враги превышают численность его отряда.

— Назад! — закричал он низким голосом.

При этом он повернул лошадь в другую сторону. То же сделали остальные апсароки. Но тут они заметили отряд Виннету и направленные в их сторону дула ружей.

— Обернитесь! — закричал он апсарокам. — Вон там стоит человек, который держит Ветвь Мира в руках. Пусть наши уши слышат, что он скажет.

Затем, обратившись к Разящей Руке, он продолжал:

— Чего хочет бледнолицый? Зачем не пропускает меня и моих воинов?

Разящая Рука ответил:

— Чего хочет краснокожий? Зачем преследует он меня и моих воинов?

— За то, что вы убили моих двух братьев.

— Да, потому что это были наши враги.

— Откуда ты знаешь, что они были врагами вашими?

— Потому что вы потеряли свои лекарства.

— Ты верно сказал. И меня с тех пор не зовут моим именем. Меня зовут Ойт-Е-Ке-Фа-Вакон, то есть Храбрец, который ищет лекарства. Поэтому пропусти нас, или мы вас уьем.

— Нет, этого не будет. Посмотри кругом и ты увидишь, что по моему знаку пятьдесят пуль уложат ваш отряд на месте.

— Это не подобает храбрым мужам, это — дело трусов. Вы заперли нас с двух сторон. Я бы один перебил половину твоих воинов. — И он потряс томагавком в воздухе.

— А я перебил бы всех твоих воинов. Я тебя не боюсь, и еще неизвестно, кто из нас сильнее.

— Хорошо, подожди немного, пока я посоветуюсь со своими воинами. Тогда мы увидим, правду ли ты говоришь.

Он повернулся к своим людям и тихо поговорил с ними. Затем обратился к Разящей Руке и спросил:

— Знаешь ли ты, что такое му-мохва?

— Знаю.

— Хорошо. Пусть четверо борются, по два с каждой стороны. Кто победит, тот пусть оскальпирует и убьет всех своих врагов. Если же в двух парах одолеют представители разных отрядов (то есть один из вас, а другой из нас)) пусть они вступят в борьбу между собой.

Разящая Рука протянул ему свою руку и сказал с улыбкой:

— Я готов. Положи твою руку в мою в знак того, что ты говоришь без шуток.

«Му-мохва» на индейском диалекте значит «рука к дереву». Двух противников привязывают — одного правой, другого левой рукой — к дереву крепкими ремнями.

Ремни эти так укреплены, что противники могут свободно двигаться вокруг дерева. Так как оба противника стоят лицом друг к другу, то один держит оружие в левой руке, другой — в правой. Обыкновенно этот страшный бой кончается смертью одного из противников.

Полунасмешливо-полурадостно вложил гигант свою руку в руку Разящей Руки. Он все равно должен был погибнуть со своим отрядом, а теперь был уверен, что, благодаря своей страшной силе, одержит верх и следовательно, сможет избавиться от опасности.

— Теперь пойдем искать место, где можно было бы бороться. Здесь нет деревьев. Мы пройдем дальше.

Он дал знак Виннету, и апач возвратился со своим отрядом к месту, где он оставил лошадей. Там они сели на лошадей и возвратились в ущелье. Затем все три отряда с апсароками посередине отправились в путь.

Разящая Рука запретил своим людям называть его имя или имя апачского вождя.

Толстый Джемми ехал рядом с Разящей Рукой.

— Послушайте, — сказал он, — вы поступили — как благородный человек, но благородство здесь неуместно. Мы и без того имели в руках этих индейцев теперь же неизвестно, кто кого победит.

— Как? Неужели вы раскаиваетесь, что мы их не перебили? — возразил Разящая Рука. — По-моему, воспользоваться для этого нашим положением, когда они попались в ловушку, было бы для нас срамом. Мы христиане, а не язычники. Кроме того, ведь и мы бы потеряли нескольких людей. Поэтому я согласился на предложение этого знакомого мне индейца.

— Как, вы знакомы с ним?

— Да. На Кротовой горе, мимо которой мы проехали, я встретился один раз с одним из апсарокои, или, как их называют, Вороньих индейцев. Он мне рассказал про своего брата Огненное Сердце.

— Это знаменитый лекарь Вороньих индейцев?

— Он самый. У него не хватает левого уха, которое отрубил ему один индеец из племени сиу.

К Разящей Руке подъехал в это время Виннету и спросил:

— Мой брат убьет Огненное Сердце?

Очевидно, он тоже знал гиганта и был уверен, что Разящая Рука одержит верх.

— Нет, — отвечал тот, — ведь апсароки враги сиу-оглала. Если мы их пощадим, они будут нашими союзниками.

Апач утвердительно кивнул головой.

Между тем все подъехали к входу в долину, на которой росло только одно дерево — громадная липа. Остальное пространство было покрыто травой и кустарником.

— Там! — сказал вождь апсароков, указывая на дерево.

— Хорошо! — кивнул Виннету.

Подъехав к дереву, все соскочили с лошадей и расположились вокруг. Разящая Рука вынул табак из седельного кармана, снял с шеи трубку и хотел закурить. Но вождь апсароков остановил его движением руки и, встав, сказал:

— Бледнолицый еще не определил условий борьбы. Я предлагаю: кто уронит нож, тот может драться кулаком. Кто упадет, тот будет считаться побежденным, будь он мертв или жив. Я сказал.

С этими словами он сел. Разящая Рука вошел в середину круга и сказал:

— Мы согласны на условия апсароков. Пусть все наше оружие и оружие апсароков будет сложено в кучу и пусть оно будет охраняться одним шошоном и одним апсароком, чтобы побежденные не могли

защищаться. А теперь я зажгу трубку мира и пусть, как этот дым, души побежденных отправятся к Великому Духу, чтобы впоследствии прислуживать душам победителей.

Он закурил трубку, затянулся, выпустил дым изо рта к небу, потом к земле, наконец во все четыре стороны и передал ее вождю апсароков. Тот сделал то же самое. Остальные последовали их примеру. Затем трубку воткнули концом в землю и все сложили оружие в этом месте.

Апсарок подошел к дереву, сбросил верхнее платье и сказал:

— Начнем!

Именно теперь можно было видеть, какой страшной силой обладает Ойт-Е-Ке-Фа-Вакон. Мускулы горой вздымались па его руках и груди.

Тогда он дал знак одному из своих воинов, и тот, выйдя вперед, тоже сбросил всю одежду и громко проговорил с гордостью:

— Мое имя Макин-О-Пункрэ — Громовой Удар. Сорок скальпов снял я с врагов. Кто осмелится выйти против меня?

Спокойно и гордо вышел Виннету на середину.

— Я буду бороться. Громовой Удар уже не поразит более никого.

С ненавистью посмотрел на него апсарок и, смерив презрительным взглядом Виннету, отвернулся. Виннету разделся и стал у дерева.

Все образовали широкий круг около липы и смотрели на двух борцов. Апсарок был ниже ростом, но зато шире и крепче сложен, чем стройный вождь апачей. Вороньи индейцы с радостью отметили это. Они не знали, что перед ними знаменитый Виннету.

Тогда подошел к дереву Толстый Джемми. Он держал в руках несколько толстых ремней и сказал, обращаясь к Виннету:

— Вам двоим начинать. Но прежде чем я вас привяжу, пусть все убедятся в том, что оба ремня одинаково крепки.

Ремни пошли из рук в руки и были признаны годными.

Теперь нужно было решить, кто будет привязан к дереву правой, а кто левой рукой. Две травки — одна длинная, а другая короткая — стали жребиями. Виннету попала короткая, и поэтому он был привязан правой рукой к дереву, что, понятно, давало апсароку преимущества в борьбе. Его соплеменники приветствовали этот благоприятный для них результат громким «У-а!» — «очень хорошо, отлично!» Оба противника были так привязаны к дереву, что могли свободно двигаться вокруг него. Оба стояли готовыми, один по одну другой по другую сторону дерева, с ножами в руках.

— Подойди сюда! — закричал апсарок. — Или ты трусишь?

Апач не отвечал. Он обернулся к Разящей Руке и сказал на апачском

языке, которого не понимали остальные:

— Я ему сломаю руку!

Тогда Разящая Рука объявил громко, указывая на Виннету:

— Этот человек не хочет убивать своего врага. Он его победит, не пролив ни капли крови.

На это Громовой Удар отвечал насмешливо:

— Он сошел с ума от испуга. Но недолго осталось ему трусить.

Он подвинулся на шаг — расстояние между ним и Виннету сократилось. Сжав нож в руке, точно хищный зверь, следил он за каждым движением Виннету. Спокойно и бесстрастно смотрел он вдаль, но Разящая Рука видел, что каждый мускул его был готов отразить любой выпад врага.

Апсарок обманулся беззаботным видом Виннету и, как тигр, внезапно прыгнул на него, готовый нанести ему смертельный удар; но быстрее молнии Виннету бросился к нему навстречу и со страшной силой ударил апсарока рукояткой ножа в плечо. Апсарок пошатнулся, и нож вылетел у него из руки. Не давая ему времени опомниться, Виннету отбросил свой нож и, схватив руку апсарока, с такой силой повернул ее, что вывихнул Громовому Удару руку. Затем тотчас же он кулаком ударил противника в живот — тот упал на землю, повиснув на руке у ствола липы.

Несколько секунд лежал апсарок неподвижно, и этого было достаточно для Виннету. Схватить свой нож, разрезать ремни, привязывающие его к дереву, и стать коленом на грудь противника было для него делом одной секунды.

— Признаешь ли ты себя побежденным? — спросил он.

— Зарежь меня, — простонал апсарок и, бросив взгляд страшной ненависти на Виннету, закрыл глаза.

Но Виннету поднялся, перерезал ремни побежденного и сказал:

— Встань! Я тебя не убью.

— Я не могу жить, я побежден!

Тут подошел к нему Ойт-Е-Ке-Фа-Вакон и приказал гневно и презрительно:

— Встань! Ты поступил как мальчишка. Ступай к волкам и живи с ними. Тебе запрещено возвращаться в родной вигвам!

Громовой Удар поднялся и взял свой нож.

— Великий Дух не дал мне победить, — сказал он, — и я не пойду к волкам. У меня есть нож, чтобы окончить свою жизнь, которую я не приму в дар. Но прежде я посмотрю, как ты справишься с врагом.

Он прошел несколько шагов и уселся на траве в стороне от своих. Никто из апсароков не бросил на него взгляда.

Жребий, кинутый между Разящей Рукой и Ойт-Е-Ке-Фа-Ваконом, решил в пользу последнего, именно апсарока привязали левой рукой к дереву, а Разящую Руку — правой.

Разящая Рука был так же хладнокровен, как Виннету.

— Начинай! — сказал апсарок.

Разящая Рука с силой вонзил свой нож в ствол липы и ответил:

— Я отказываюсь от этого оружия. И все же ты будешь побежден при первом ударе. Я начинаю!

Он замахнулся и бросился на гиганта. Тот хотел его ударить ножом, но Разящая Рука молниеносно отскочил назад, и удар попал в воздух. Еще одно внезапное движение Разящей Руки, и его кулак с такой силой ударил противника по виску, что тот, не испустив ни звука, повалился на спину без памяти.

Когда Виннету победил Громовой Удар — апсароки были спокойны; но теперь они дико завывали и, не пытаясь завладеть оружием и не обращаясь в бегство, побрели к месту, где сидел Громовой Удар. Все сели около него, не исключая даже апсарока, сторожившего оружие.

Между тем Разящая Рука перерезал ремни и подошел к Ойт-Е-Ке-Фа-Вакону. Тот в это время открыл глаза и, увидев, что Разящая Рука перерезал его ремни, вскочил на ноги. Он на мгновение застыл в ужасе. Затем он повернулся, чтобы сесть около своих братьев, но его удержал Разящая Рука.

— Скажи своим братьям, — произнес он, — что они наши друзья. Пусть Кантэ-пета возвратится мирно в свой вигвам. И он, и его братья получают новые лекарства.

Краснокожий не мог вымолвить слова от удивления.

— Как? — спросил он наконец. — Ты меня знаешь?

— Да, у тебя ведь не хватает уха: ты Кантэ-пета!

— Откуда ты знаешь, что у Кантэ-пета нет уха?

— От своего брата, с которым я встретился на Кротовой горе.

Тут апсарок совершенно преобразился.

— Как! — воскликнул он. — Если ты говоришь правду, то ты — Нон-Пай-Клама, которого белые называют Разящая Рука?

— Да, я Разящая Рука!

При этом имени все апсароки поднялись с земли. От уныния не осталось и следа.

— Если ты Разящая Рука, — сказал апсарок, — то еще не оставил нас Великий Дух. Быть побежденным тобою — не есть срам. Я буду жить.

— И Громовой Удар будет жить, его победил Виннету — вождь апачей.

Почтительным молчанием ответили на эти слова апсароки.

Виннету подошел к Громовому Удару и сказал:

— Апсароки наши друзья. Мы выкурим с ними трубку мира.

— Да, — подтвердил Разящая Рука, — и мы скажем вам, у кого находятся ваши лекарства. Мы даже проведем вас к похитителям.

— Кто же воры?

— Отряд сиу-оглала, которые направились к горам Желтой реки.

— Как! — воскликнул вождь апсароков. — Это были оглала? О, я узнаю в этом руку Великого Духа! Наконец-то попал я на след врага и отомщу собаке, вождю их! Он отрубил мне ухо! Настал час мщения!

Страшно было смотреть на гиганта. Глаза его сверкали, и он потрясал ножом в воздухе.

— А теперь, — продолжал он, — сядем у Костра Советов. Мы — друзья ваши, и следовать за такими знаменитыми мужами — великая честь для наших воинов!

Таким образом, враги были обращены в друзей и число участников предприятия значительно возросло.

Глава девятая

ПОПАЛИСЬ!

«Сенат и конгресс Соединенных Штатов Америки отдают местность на территории Монтана близ истоков реки Йеллоустон в общественное пользование в качестве парка или увеселительного места. Всем без исключения воспрещается селиться или строиться на означенной местности, и парк должен находиться под контролем и заведованием Министерства внутренних дел».

Так гласит закон, принятый конгрессом 1 марта 1872 года. Закон этот, следствием которого был подарок народу, — подарок, о величии которого никто не подозревал, прошел благодаря профессору Хайдену, который первым исследовал эту страну чудес, носящую теперь название Национального парка.

Бурные реки, величавые Скалистые горы пересекают эту дикую местность, занимающую девять тысяч пятьсот квадратных километров. Чистый горный воздух ее и многочисленные минеральные источники могли бы принести немало пользы страждущему человечеству. Дикие гейзеры гигантскими фонтанами возносятся в облака, стеклянные скалы переливаются всеми цветами радуги.

Тихие прелестные озера, на которых отдыхает глаз наблюдателя, сменяют дикие лощины, леса, долины, усеянные опалами, яшмой, агатами и халцедонами.

В этой дикой местности у истоков реки Йеллоустон горело несколько костров. Общество, как предвидел Разящая Рука, перешло Йеллоустон и на следующее утро собиралось направиться к Огненной реке, где кипели гейзеры, которые индейцы называли Кун-туи-темба (то есть Пасть Ада), и где была могила вождя, которая и являлась целью путешествия.

Последнее подвигалось гораздо скорее, чем можно было предполагать. Хотя цель уже была близка, оставалось еще три дня до полнолуния, и Разящая Рука был убежден, что сиу еще не появлялись здесь.

— Они едва ли еще достигли Кольцовой горы, — заметил он в разговоре, — и мы от них в безопасности.

— А как надо ехать от Кольцовой горы? — спросил Мартин Бауман.

— А вы хотите прокатиться по ней, дружок?

Хотя Мартин Бауман и не заметил испытующего взгляда, которым сопровождался этот вопрос, однако отвечал не без легкого смущения:

— Вы, я думаю, не забыли, что этим путем повезут моего отца. Говорят, этот путь опасен?

— Нисколько, хотя, конечно, есть места, к которым опасно приближаться, как, например, около гейзеров или Великого Каньона. К этому месту не может приблизиться ни одно человеческое существо, под страхом смерти... Там можно задохнуться... Вода в реке, которая течет внизу, по дну пропасти, и сверху, кажется серебряной нитью, масляниста, имеет серный вкус и распространяет невыносимую вонь.

— А где мы завтра будем в это время? — спросил Мартин.

— У верхней части Каньона. Что это вас так беспокоит?

— Я боюсь за отца. Жив ли он еще?

— Разумеется.

— Как знать? Может быть...

— Не бойтесь. Я прекрасно знаю этих краснокожих. Сиу покончат с ним не раньше, чем достигнут могилы вождя. Мне вы можете поверить.

С этими словами Разящая Рука завернулся в одеяло и притворился спящим. Но сквозь полуопущенные ресницы он зорко наблюдал за Мартином, Джемми и Фрэнком, которые о чем-то украдкой перешептывались между собой.

Через некоторое время толстяк поднялся и с беспечным видом медленно направился к лошадям. Разящая Рука встал и, крадучись, последовал за ним. Увидев, что Джемми взнуздal свою лошадь, он быстро приблизился к нему:

— В чем провинилась ваша бедная кобыла, мистер Джемми, что вы не даете ей спокойно пастись?

Застигнутый врасплох, Джемми испуганно обернулся:

— А! Это вы? А я думал, что вы спите!

— А я до сих пор думал, что вы честный малый!

— Тысяча чертей и одна бомба! А теперь?

— Почему вы меня так испугались?

— Вот странно! Очень просто: почему пугается всякий, кого неожиданно окликают ночью?

— Ну, тот плохой охотник! Храбрец не должен шелохнуться, даже если у него над ухом неожиданно прогремел выстрел. Что это вам вздумалось взнуздывать лошадь?

Толстяк попытался скрыть свое смущение под личиной гнева:

— Ну, теперь я не понимаю, почему не могу распоряжаться собственной лошастью?

— Только не тайком!

— Об этом не может быть и речи. Просто некоторые лошади кусаются, и я хочу сберечь свою кобылу, которую и без того три раза зашибли. Грех не велик!

Он отвернулся, чтобы воротиться в бивак. Разящая Рука положил ему руку на плечо:

— Подождите немного, мистер Джемми. Я хотел не оскорбить вас, а лишь предостеречь. Уже одно то, что я делаю это с глазу на глаз, может вам доказать, как я вас ценю!

Джемми передвинул шляпу, поскреб затылок и ответил:

— Сэр! Другому я бы начистил физиономию, но от вас приму предостережение. Ну, договаривайте!

— Хорошо! Что за секреты у вас с сыном охотника?

Джемми ответил лишь после маленькой паузы:

— Секреты? У меня с ним?! Ну, тогда эти секреты так секретны, что я сам про них ничего не знаю!

— Вы вечно шепчетесь!

— Он хочет выучиться по-немецки!

— Для этого нечего шептаться. Я боюсь, что он задумывает какое-нибудь сумасбродство, которое, может быть, делает честь его сыновней любви, но никак не рассудку. Не говорил ли он вам чего?..

— Гм!.. А вам?

— Мне? Нет!..

— Ну, так вам он, очевидно, больше доверяет, чем мне.

— Вы, как кажется, избегаете прямого ответа?

— И не думаю!

— Итак, он вам ничего не доверял, что могло бы касаться предприятия?

— Тысяча чертей! Если человеку вздумается сделать меня поверенным в своих семейных и сердечных делах, то я не имею права передавать их кому бы то ни было!

— Хорошо. То, что вы сейчас сказали, было хоть и грубо, но справедливо. Зато теперь, если случится что-нибудь, то я слагаю с себя всякую ответственность! Поняли?

Он повернулся и ушел в сторону, противоположную биваку. Прогулкой он хотел успокоить гнев, возбужденный в нем поведением Джемми.

Последний поплелся к биваку, ворча себе под нос:

— Чертовски проницательный парнюга! И он, черт побери, прав, но я дал слово молчать и сдержу его. Не надо было мне совсем ввязываться в эту канитель... Да, пустяки! Все хорошо кончится!

Его товарищи между тем снова шептались. Он нерешительно подошел к ним.

— Слушайте, детки! — говорил Дэви. — Я, так и быть, согласен и слова нарушать не буду... Мы только наперед условимся.

— Ладно! Говорите! — отвечал Мартин.

— Мы последуем за сиу с единственной целью: узнать, что сделалось с вашим стариком, верно?

— Да!

— Но не сделаем даже попытки к его освобождению собственными силами?

— Хорошо!

— Ну, тогда я на все согласен. Что, Вокадэ едет с нами?

— Да. Мы с ним так подружились, что он всегда и всюду будет с нами!

Костер потух. Через час, когда Вокадэ поднялся и прошептал: «Пора! Пусть братья мои следуют за мной», Фрэнк, Дэви, Джемми и Мартин собрали оружие и подкрались к лошадям. Густая тропа заглушала топот копыт, но им все-таки не удалось уйти незамеченными. На ночь было поставлено несколько часовых. Один из них, шошон, увидал их.

— Куда едут мои братья? — спросил он.

— Смотри на меня! — сказал Джемми. — Узнаешь?

— Да. Ты Джемми-Петатшэ!

— Ну, так слушай. Разящая Рука посылает нас. Он знает, куда мы едем. Довольно с тебя?

— Бледнолицые — наши друзья и братья. Пусть они выполняют приказ великого воина.

Они отправились дальше. Отсутствие дезертиров осталось незамеченным до утра, когда Разящая Рука увидел, что Мартина Баумана нет в биваке.

С прежним подозрением он стал искать других, и оказалось, что и Джемми, и Фрэнк с Дэви, и Вокадэ исчезли с Мартином. Виннету, несмотря на свою проницательность, не мог понять причины, заставившей беглецов покинуть лагерь.

— Они пошли навстречу сиу, чтобы разузнать о судьбе Грозы Медведей.

— Они с ума сошли! Они выдадут нас и пропадут сами.

— Да что они сделают, если он даже убит? А если он жив, они ему только повредят. Виннету прощает мальчикам, но старые бледнолицые стоят позорного столба и насмешек баб и ребят!

Тут подошел негр Боб, укутанный в старую попону. От бедняги все

еще мерзко пахло...

— Масса ищут масса Мартина?

— Да! А ты знаешь, где он?

— Уехал-укатил к сиу. Он все сказал Бобу для передачи масса.

— Я так и думал. А когда они вернутся?

— Когда они увидят масса Баумана, тогда вернутся к реке Огненные Дыры.

— Ну, что еще? Твой масса Мартин сдурил и, того и гляди, потеряет голову.

— Что? Тогда Боб сейчас же сядет на коня и спасет его! — И Боб уже приготовился бежать.

— Стой! Не дури и ты. А если ты так любишь своего масса, то я, так и быть, возьму тебя с собою. Готовься: мы сейчас едем! — и, обращаясь к Виннету, Разящая Рука продолжал: — Брат же мой будет продолжать поход и будет ожидать меня у Пасти Ада. Со мной поедут пятнадцать воинов из племени апсароков со своим вождем и Мог-Ав с пятнадцатью шошонами. Пусть мой брат вышлет людей для наблюдения, потому что теперь возможно, что сиу прибудут раньше к могиле вождя, чем мы.

Спустя несколько минут, Разящая Рука был уже в пути со своим небольшим отрядом.

Между тем наши беглецы были уже далеко от бивака, Джемми и Дэви были вполне в своей тарелке. Теперь они руководили отчаянным предприятием, от их ловкости и искусства зависел успех дела, между тем как в отряде Разящей Руки в последнее время никому не приходило в голову узнать их мнение, как будто они были новички, мальчишки, а не старые, испытанные охотники.

Они ехали, казалось, по диковинной стране. Гигантские перевороты, происходившие на этой почве, отлили скалы и лаву в причудливые формы. Тут виднелись развалины рыцарского замка, разрушенные башни, остатки подъемного моста, сводчатые ворота. Невдалеке, на голубой синеве, вырисовывался стройный минарет, против него римский амфитеатр, а там причудливая китайская пагода сотнями башенок гордо устремляется к небу... Уже к полудню путешественники заметили силуэт громадного здания. Казалось, это была вилла в итальянском вкусе, окруженная садами и стеной.

— Жилой дом на Йеллоустоне! Это невероятно! — удивился Джемми.

— Ну так что же? Разве на Сан-Бернаре нет гостиницы? — воскликнул Фрэнк.

— Скажите лучше, не видите ли вы человека у ворот?

— Да, вижу. Это, верно, только тень.

— Тень? Вот как?

Они приблизились к зданию и убедились, что это было не дело человеческих рук, а создание природы. Стены его состояли из ослепительно белого полевого шпата. В дверь можно было видеть обширный двор, который скалы делили на множество отдельных частей и по которому струился прозрачный источник.

— Удивительная штука! — заметил Джемми. — Восхитительное местечко для отдыха. Войдем!

— Пожалуй, — согласился Фрэнк. — А тот парень с тенью, он, черт его знает, может, мошенник?

— Какое! Нам просто померещилось! Что ж, можно осмотреть.

И он поскакал, держа наготове карабин, через ворота во двор и там внимательно огляделся.

— Никого! Въезжайте!

Мартин, Дэви и Фрэнк последовали приглашению Джемми. Вокадэ не тронулся с места.

— Чего ждет мой краснокожий брат? — спросил сын Грозы Медведей.

— Разве бледнолицые братья не слышат запах лошадей?

— Еще бы. Но ведь лошади с нами. Других лошадей здесь нет и следов не видно.

— Да, потому что почва состоит из твердого камня. Пусть братья берегутся.

— Зачем? Пойдем, осмотримся.

Все, кроме Вокадэ, последовали за ним в тесном проходе между скалами. Вдруг с оглушительным воем рванулась на них толпа индейцев и в одну минуту окружила их. Длинный, костлявый, но видный дикарь, в уборе вождя, крикнул им:

— Сдавайтесь или мы вас оскальпируем!

Индейцев было не менее пятидесяти. Сопротивление было немислимо.

— Черт возьми! — проворчал Джемми. — Это проклятые сиу, которых мы же выслеживаем! — И обращаясь к вождю, он сказал по-английски: — Зачем нам сдаваться? Краснокожие — друзья и братья бледнолицых.

— Томагавк войны сиу-оглала направлен против бледнолицых. Слезайте и отдайте нам ваше оружие!

Пятьдесят пар глаз были мрачно устремлены на них, и пятьдесят рук держало ножи. Разящая Рука или Виннету не сдались бы, но Длинный Дэви первым слез с лошади. Другие последовали его примеру.

Вокадэ между тем прополз на коленях до входа в пещеру и заглянул в нее. То, что он увидел, поразило его. Он узнал Хон-Пе-Текэ, вождя сиу-оглала. Что было делать? Вернуться к озеру и привезти Разящую Руку? Нет. В его голове промелькнула гениальная мысль: явиться к оглала и обмануть их. А если белые не поймут его намерения и будут противоречить ему? Это было крайне опасно, но он не колебался. Вокадэ въехал во двор.

— Уф! — крикнул он громко и смело. — С каких пор сиу связывают руки своим друзьям? Эти бледнолицые — братья Вокадэ!

Его внезапное появление возбудило всеобщее изумление. Тяжелый Мокасин хмуρο сдвинул брови и спросил:

— С каких пор собаки бледнолицые — братья Вокадэ?

— С тех пор, как они спасли ему жизнь.

Вождь испытующе посмотрел на него:

— Где же пропадал Вокадэ?

— Собаки-шошоны захватили Вокадэ. Эти же четверо бледнолицых отбили его и пришли с ним выкурить трубку мира с вождем сиу.

По губам вождя скользнула насмешливая улыбка.

— Слезай с коня и присоединяйся к бледнолицым. Ты пленник.

— Вокадэ — пленник своих братьев? Что дает право Мокасину осудить воина своего рода?

— Он сам берет это право. Он вождь и может делать что угодно.

Вокадэ поднял своего коня на дыбы. Сиу шарахнулись в сторону. Пользуясь свободой, он взял карабин и сказал:

— С каких пор вожди сиу могут делать все, что хотят? А к чему совет старейшин? Вокадэ молод и неопытен: много воинов лучше него, но он уже убил белого бизона и носит орлиные перья на голове. Он не раб. Он не сдастся в плен и сумеет разделаться с оскорбителем.

Эта гордая речь имела успех. Многие сиу издали одобрительные возгласы. Вождь бросил на них гневный взгляд, сделал знак приверженцам, по которому они заняли вход, и сказал:

— Каждый из сиу — свободен. Но изменник теряет это право.

— Ты считаешь меня изменником? Докажи это! Я выступлю перед собранием воинов с оружием в руках!

— Я докажу. Но обвиняемый должен снять оружие. Если ты прав, ты получишь его обратно. А теперь ты его снимешь. Когда ты ушел от нас, у тебя не было ружья. Кто тебе дал его? Да, бледнолицые купили его предательство. Вокадэ предатель и изменник. Кто опровергнет это из воинов оглала?

Никто не тронулся с места. Вождь продолжал:

— Поэтому слезай с коня и отдай оружие. Оправдайся, и ты получишь его обратно.

Вокадэ понял, что спорить было бы опасно. Он сошел с коня и положил оружие у ног вождя.

Но в ту же минуту он был схвачен, связан и брошен в угол, откуда уже не мог даже переговариваться с бледнолицыми друзьями.

Вождь подошел к охотникам и, приняв приветливый вид, начал:

— Вокадэ, перед тем как нас оставить, совершил проступок. Поэтому он арестован, пока мы не узнаем, имел ли он до этого сношения с вами? Кто вы такие? Джемми гордо обратился к вождю:

— Я Джемми-Петатше, а это — Дэви-Хонскэ.

— Уф! — вырвалось у сиу.

Вождь бросил на них строгий взгляд. Он тоже был поражен тем, что у него в руках эти знаменитые охотники, но не показал и вида.

— Ваши имена мне не знакомы? А эти двое?

Джемми назвал первое пришедшее на ум имя и назвал Фрэнка отцом Мартина.

Вождь насмешливо улыбнулся.

— Следуйте за мной! — приказал он, вводя пленников в заднюю часть двора. Здесь лежали шестеро оборванных, исхудалых бледнолицых, связанных по рукам и ногам.

Вождь остановился и продолжал:

— Здесь лежат наши пленные. Я не знаю их языка, спросите их имена.

Джемми быстро выступил вперед:

— Если здесь есть Бауман, то пусть, ради Бога, не показывает виду, что узнал своего сына, который стоит сзади меня. Мы хотели вас выручить, но попали сами. Назвали ли вы свои имена краснокожим?

Бауман некоторое время молчал, подавляя волнение, а потом с трудом ответил, что их имена известны сиу. Вождь, хотя ничего не понимал, старался не проронить ни одного слова. Но Мартин владел собой настолько, что его лицо, несмотря на сильное волнение, оставалось холодно и равнодушно.

— Ну, знаешь ли ты, кто они такие? — спросил вождь у Джемми.

— Да! Но и ты их знаешь!

— Я думал, что они меня обманывали. Ты и твои спутники останетесь тоже здесь.

По его знаку сиу набросились на пленных и связали их, не забыв предварительно очистить их карманы. После этого вождь удалился, оставив нескольких часовых. Спустя короткий промежуток времени пришел сиу,

развязал одного из пленных и приказал следовать за ним. Несчастный с трудом поднялся и, шатаясь, последовал за ним.

— Куда это его? Чего от него хотят? — спросил Бауман.

— Чего хотят? Измены! — ответил Джемми. — Счастье, право, что я не проговорился при нем об ожидаемой помощи.

Скоро уведенный возвратился и был снова связан. После долгого молчания Гроза Медведей обратился к нему:

— Ну, сэр, что вы все время молчите? Мы просто горим от нетерпения узнать, что с вами было. Где вы были?

— У вождя.

— Я так и думал. Что же он хотел?

— Я вам признаюсь откровенно. Он хотел знать, кто были Мартин и Фрэнк, и я ему сказал.

— Господи! Глупее-то уж вы не могли поступить. Что ж, вам за это обещали свободу?

— Да! Я ее получу, как только узнаю, где все встретились с Вокадэ и нет ли еще белых в окрестностях.

— И вы думаете, что собака краснокожий даст вам свободу?

— Н... нет! Я теперь вижу, что он меня подло обманул.

— Ну, это, по крайней мере, умно. Уж раз вы нам повинились, мы простим вас.

— А если этот краснокожий будет опять вас спрашивать, — вставил Джемми, — то вы так и скажите, что Вокадэ мы спасли от шошонов и проводили его сюда, других же белых нет и в помине, не только белых, даже самих краснокожих мы не видели. Вот и все. Держитесь-ка лучше за нас, оно вернее будет.

Покончив с этим делом, Джемми рассказал обо всем отцу Мартина.

Между тем вождь, призвав лучших воинов, велел привести Вокадэ, по обеим сторонам которого стали по два часовых. Вокадэ был вполне спокоен и равнодушен.

На приказание рассказать все, что с ним произошло, он снова прибегнул к той же сказке, которой он уже так удачно воспользовался. Никто из слушателей не проронил ни слова. Ни недоверия, ни веры в его слова не отражалось на их лицах.

— Кто же были четыре бледнолицых?

Вокадэ сперва назвал Дэви и Джемми, а Мартина назвал сыном Фрэнка.

— А знал Вокадэ, что у Грозы Медведей был сын?

— Нет, — невозмутимо отвечал Вокадэ, поняв, что его дело

проиграно.

Тогда вождь разразился:

— Вокадэ — собака, изменник, лукавый волк! К чему он лжет? Или мы не знаем, что этот пленный — сын его и в нашей власти? Теперь он разделит его участь. Сегодня собрание воинов решит, какой смертью ему умереть. Теперь же пока связать его, да покрепче!

Готовились выступать. Связанного Вокадэ и других пленников привязали к лошадям.

Джемми, видя уныние своего друга, шепнул ему на ухо:

— Потерпите малость, старина! Пусть меня съедят эти краснокожие, если Разящая Рука нас не выручит. А чтобы он до нас добрался, это уже моя забота! Видишь эти кусочки меха? Их я раскидаю по всему пути, да и здесь оставлю. Для него этого достаточно.

Сиу тронулись в путь, следуя по течению реки.

Между тем Разящая Рука был недалеко. С ним ехал сын вождя шошонов и вождь апачей. При виде мнимого здания, он сперва удивился, но потом вспомнил, что он там некогда был.

— Черт побери! — воскликнул он. — Вот множество следов! Здесь прошел целый отряд! Эге! Здание это крайне подозрительно. Окружим его.

И он помчался вперед к воротам.

Скоро он вышел, лицо его было серьезно и задумчиво.

— Наши друзья пойманы сиу и уведены уже час тому назад. Я видел следы их пребывания, — прибавил он, указывая на кусочки меха, которые держал в руках.

— Мы сейчас последуем за ними. Они каждую минуту могут погибнуть. Или это неприятно моим братьям?

— Нет, — отвечал апсарок. — Их вождь — мой враг, и я рад буду скорее захватить его.

На лице его было ясно написано, какая судьба ожидает Тяжелого Мокапина.

Разящая Рука выехал вперед, и отряд потянулся на запад.

Глава десятая

В ДВУХ ШАГАХ ОТ СМЕРТИ

Медленно ехал отряд по следам беглецов. Только Разящая Рука мог различить на каменистой почве следы, оставленные оглала. Через некоторое время почва изменилась, на земле были видны следы копыт.

Ночь застигла путников в их поисках. Полагая (свежие следы!), что оглала недалеко, Разящая Рука запретил зажигать костер, — огонь мог быть замечен оглала. Отряд переночевал поэтому в темноте под открытым небом.

Как только рассвело, отряд поехал дальше; по следам было видно, что оглала не переночевали, а продолжали свой путь и ночью. Очевидно, у них были какие-то причины спешить к Огненной реке.

Следы вели прямо к горам Огненной реки. Затем они подымались по склону. Отряд Разящей Руки должен был въехать на одну из широких гор, окаймлявших берега Огненной реки. Гора была покрыта негустым лесом, который, однако, при приближении к вершине становился все чаще и чаще, так что сквозь деревья ничего нельзя было различить. По мере того как отряд продвигался вперед, отчетливее слышался какой-то странный шум, который перешел наконец в громкий гул, и вдруг путники очутились на опушке леса, у обрыва горы. Чудную картину увидели они. Долина, которая была перед ними, имела не более полумили в ширину. Посередине текла знаменитая Огненная река, названная так по своей теплой воде, которая вливается в нее с окрестных долин, наполненных кипящими гейзерами с вулканическими извержениями. Медленно текли волны реки; вода была грязной, на поверхности виднелись пепел, грязь и беловатая сера. На противоположном берегу круто возвышались горы, но как раз напротив того места, где остановился Разящая Рука со своим отрядом, горы эти отступали назад, образуя обширный полукруг. Чудное видение поражало глаз при взгляде в эту сторону.

Это была террасообразная постройка, до того замысловато и фантастически изукрашенная, что нельзя было оторвать глаз от нее.

Низ ее — широкая терраса — казалось, был сделан из слоновой кости. Самые причудливые украшения окаймляли нижнюю террасу. Она была наполнена водой, и в середине ее возвышалась вторая терраса, сверкающая на солнце, точно расплавленное золото. И подобно тому, как вторая терраса выходила из середины первой, так и третья терраса была заключена во

второй, также наполненной водой. Казалось, эта третья терраса была построена гениальным зодчим из ваты. И между тем из нее подымались еще шесть террас; каждая представляла собой бассейн, наполненный водой; эта вода текла из вышележащих бассейнов в нижние — или в виде тонких струй, водяной пыли, блиставшей на солнце всеми цветами радуги, или же ниспадала в виде тончайшей водяной пелены. Но рядом с этим чудом природы, точно сатана возле ангела, зияла круглая и мрачная яма, окаймленная черным базальтом, вроде насыпи. Яма поражала своими размерами. Это был кратер вулкана, извергавшего расплавленную грязь и пепел.

Между кратером и стройной пирамидой, только что описанной нами, существовала тесная связь. Когда кратер начинал кипеть, и грязь все выше и выше поднималась в нем, тогда и струя воды высоко поднималась из последней террасы; и как только вулкан успокаивался, эта струя в пирамиде исчезала.

Как раз вблизи кратера расположились оглала. Они были так близко от Разящей Руки, что он мог рассмотреть их лица. Лошади бегали вокруг них или лежали на земле, потому что травы на этом проклятом месте не было.

Около ямы находились большие обломки скал. На них-то и сидели пленные, по одному на каждом таком обломке. Их руки и ноги были связаны, и сами они были привязаны к камням.

В то время как Разящая Рука увидел оглала, между ними происходило движение. Они встали со своих мест и расположились по кругу. В середине сел вождь.

Один из сиу подошел к Вокадэ, отвязал его от скалы и повел в круг. Между ним и вождем произошел разговор, которого не слышал Разящая Рука. Но из гневных жестов вождя и спокойствия Вокадэ он заключил, что показания Вокадэ не нравятся оглала.

Затем отвязали Мартина и поставили около Вокадэ. Вождь что-то сказал ему и показал на кратер рукой. В то же время нечеловеческий крик вырвался из груди старика Баумана. Очевидно, вождь сказал нечто ужасное для Мартина.

Действительно, так и было.

Оглала боялись погони и поэтому не переночевали в поле, как это сделал Разящая Рука со своими товарищами. Это было понятно. Но никто из оглала не понимал, зачем вождь их ведет к Огненной реке, чтобы остановиться у кратера.

Лишь по прибытии туда стало ясно, чего добивался вождь оглала.

Прежде всего было решено допросить пленных. Первым, как это видел

Разящая Рука, допросили Вокадэ. Но тот ни в чем не признался. Его показания сводились к тому, что, кроме него и четырех пойманных с ним белых, никто не преследовал оглала, чтобы освободить Грозу Медведей.

— Должно быть, Вокадэ полюбил бледнолицых, — заметил вождь, — если отправился освобождать из плена одного из них.

— Да! — смело возразил Вокадэ. — Один из этих бледнолицых стоит больше, чем сотня оглала.

Вождь издал нечто вроде рычания.

— Знаешь ли ты, — закричал он, — чему ты подвергнешься, собака, за это оскорбление?

— Знаю. Вы меня убьете.

— Да, но со страшными мучениями.

— Я их не боюсь.

— Это мы сейчас увидим. Приведи сына Грозы Медведей! — приказал он.

Мартина поставили рядом с Вокадэ.

— Ты понял, о чем мы говорили? — спросил вождь.

— Да.

— И ты, друг Вокадэ, умрешь сейчас же той же смертью, что и он.

Мартин побледнел.

— И знаешь ли ты, какую смертью вы оба, неразлучные друзья, умрете? — Вождь подошел к краю кратера. — Вот, собака, ваша могила! — продолжал он со злобной радостью. — Через несколько мгновений вы оба отправитесь в преисподнюю.

Этого никто не ожидал. Мартин стоял ни жив ни мертв. Отец его испустил страшный крик отчаяния, который и услышал Разящая Рука.

— Нет, нет! — закричал он. — Меня возьмите, меня! Я искуплю проступок сына своею смертью!

— Ха-ха-ха! — злобно рассмеялся вождь. — Старик, ты не знаешь, что говоришь. Ты бы завыл от ужаса, если бы тебе предстояла смерть, которую я готовлю этим двум собакам. Ты думаешь, я брошу их сразу в кратер? Ты ошибаешься в таком случае! Кипящая грязь вулкана поднимается и опускается равномерно в небольшие промежутки времени, и всегда можно увидеть, когда поднимается грязь в кратере. Мы привяжем пленника и твоего щенка к нашим лассо и будем их держать над пропастью так, чтобы первый прилив кипящей грязи коснулся только их ступней, в следующий раз мы опустим их до колен, а затем будем опускать все ниже и ниже, пока они не сварятся совершенно. А ты, старик, умрешь с остальными пленными у могилы вождей в страшных мучениях.

Бауман делал нечеловеческие усилия, чтобы освободиться от ремней, связывающих его. Безуспешно! Это привело лишь к тому, что к концу страшной речи вождя руки его были залиты кровью.

— А теперь, — продолжал вождь, — привяжите пленных к лошадям, чтобы доставить им удовольствие хорошенько видеть приятное зрелище.

Это приказание было немедленно исполнено, и через минуту все пленные были на лошадях.

— Это ужасно! — прошептал Дэви, обращаясь к Джемми. — Мы виноваты в этом, мы не должны были соглашаться.

— Совершенно верно, и... слушай!

Хриплый крик орла пронесся над долиной, но оглала не обратила на него внимания.

— Это знак Разящей Руки, — прошептал Джемми.

— Да, да, смотри наверх. Видишь, как качается дерево? Там люди!

— Вижу. Но не смотри туда, не то оглала заметят, что мы за чем-то наблюдаем.

И он крикнул по-немецки Мартину Бауману:

— Не унывайте! Помощь близка!

— Джемми! — прошептал опять Дэви. — Можешь ты со связанными руками управлять лошастью с помощью одних ног?

— Да.

— В таком случае... Да смилуется Небо! Помощь придет слишком поздно!

Именно в этот момент почва начала колебаться от сотрясения, и в кратере послышался роковой гул.

Вождь приблизился к краю кратера и смерил своим лассо, как глубоко следовало опустить обоих пленных, затем привязали два лассо к выступам скалы, а другой конец их подвязали под мышки Мартину и Вокадэ.

Когда наступил момент высшего подъема грязи, все отошли от кратера. Остались только двое индейцев, которые должны были опустить связанных пленников в страшное отверстие.

Но где же был Разящая Рука?

Когда он увидел, как Мартина и Вокадэ потащили к кратеру, он разгадал намерения вождя.

— Скорей, — обратился он к индейцам, — выезжайте из лесу, спуститесь в стороне к берегу и переправьтесь, не теряя ни минуты, вброд. Затем с громким воем и криком — не забудьте этого! — нападайте внезапно на оглала. Я же останусь здесь. Живо, живо! Каждая минута дорога!

В одно мгновение шошоны и апсароки исчезли.

Остались только Разящая Рука с Бобом.

— Поднимайся сюда, — приказал он Бобу, — и тряси дерево изо всех сил!

Затем он испустил крик орла, услышанный Дэви и Джемми. Но Боб в изумлении остановился.

— Зачем трясти дерево? — спросил он.

— Чтобы дать знать что мы близко. Индейцы хотят бросить Вокадэ и Мартина в кратер. Надо их спасти.

Негр в ужасе уронил свое ружье. Но затем он выпрямился, глаза его засверкали.

— О! — закричал он. — Боб покажет, как убивать масса Мартина! Боб убьет всех! Сейчас он будет там!

И с быстротой молнии он скрылся из виду, забыв про свое ружье. Напрасно звал его Разящая Рука. Он больше не показывался. Как! Его господина убьют! Нет, Боб не допустит этого!

И он бежал, не помня себя от отчаяния и бешенства. Обежав сбоку гору, он бросился в реку но больно ушибся о подводный сучок.

— О, о! — обрадовался он. — У Боба нет ружья! Но у него есть дубина!

И он с отчаянной силой вырвал сук и поплыл через реку.

Оглала его не заметили. Боб такого же черного цвета, как и земля, был трудно различим на темном фоне гор, поэтому из лесу он вышел совершенно невидимым.

В воде же была видна только одна голова Боба, но так как и вода была грязного цвета, Боба нельзя было заметить.

Охотник остался один. Хладнокровно взял он свой штуцер и прислонил его к дереву, другое же двуствольное ружье — то, с которым он ходил на медведей, — он поднял и прицелился.

Между тем у кратера остались только двое индейцев с пленниками. Кипящая грязь поднималась в кратере, и громкий подземный гул доходил до ушей Разящей Руки.

Вождь поднял руку и приказал:

— Бросить их!

Но что это? Оба индейца не только не исполнили приказания своего вождя, но — даже упали на землю к ногам пленников и не вставали.

Разящая Рука не промахнулся из своей двустволки.

Тяжелая Нога, вождь оглала, подскочил к индейцам и ударил их ногой — они не шевелились. Он схватил одного из них за плечо и приподнял — на него глянули мертвые остекленевшие глаза, во лбу зияла небольшая

рана. То же было и с другим индейцем.

В суеверном ужасе отскочил вождь от трупов. Из-за подземного шума он не слышал выстрелов и не мог объяснить внезапной смерти двух своих людей.

Остальные сиу также подошли к трупам и застыли, охваченные ужасом. Все молчали.

Гул кратера постепенно стих. И вдруг послышался чудовищный рев. Индейцы увидели громадное черное существо с дубиной в руках, надвигающееся на них. С него капала на землю жидкая черная грязь, и все оно было покрыто водорослями и гнилым тростником.

Да, это был Боб. Течение медленное, но сильное, отнесло его в сторону, и он должен был пробираться через болото для того, чтобы попасть на сухой берег.

Индейцы в ужасе отступали перед «чудовищем». Боб, размахивая дубиной, бросился на вождя.

В то же время с другой стороны послышалось страшное завывание. Казалось, сотни голосов захлебывались в диком порыве бешенства. Это был боевой крик индейцев.

Он пробудил оглала от оцепенения. Они схватились за оружие и, оглянувшись, увидели апсароков и шошонов, скакавших на них галопом. В панике оглала не заметили малого количества нападавших. Им показалось, что тысячи неприятелей нападают на них.

— Спасайтесь! Скорее спасайтесь! — кричали они, в ужасе бросаясь к лошадям.

Тогда Джемми стиснул свою лошадь коленями и помчался навстречу победителям. Лошади, на которых сидели Фрэнк и Дэви, поскакали за его конем. Только один старик Бауман не мог справиться со своей лошастью, которая становилась на дыбы.

Боб, как мы упоминали, бросился на вождя и ударил его дубиной так сильно, что тот упал. Но тут Боб увидел лежащего на земле Мартина и, забыв обо всем, бросился к нему.

Между тем вождь встал и вскочил на лошадь, оставшуюся незанятой. Но чтобы бежать, он должен был проехать мимо старика Баумана, который, сидя привязанным к седлу, не мог справиться с лошастью.

Схватить лошадь Баумана под уздцы и увлечь ее за собой было для вождя делом одной секунды. Вождь ускакал, таща за собой лошадь Баумана вместе с несчастным всадником...

Глава одиннадцатая

АДСКАЯ ПАСТЬ

Сиу были уверены, что верхнее течение реки для них открыто. Если бы им удалось достигнуть могилы вождей, то они оказались бы в полной безопасности: местность представлялась достаточно выгодной для защиты от врага. Но они ошиблись в своих расчетах.

Как уже было упомянуто, Разящая Рука приказал Виннету ехать к Пасти Ада со своим отрядом и ждать его там. Вождь апачей выполнил приказание.

К вечеру прибыл он со своим отрядом к Огненной реке, оказавшись немного в стороне от того места, куда приехал Разящая Рука. Он должен был подняться, как и Разящая Рука, на гору, покрытую лесом. Отряд уже подъехал к опушке леса и к краю горы, отвесно спускавшейся в долину Огненной реки.

Вдруг раздался страшный треск. Затем послышалась сильная пальба, будто палили из пушек. Вскоре добавилось сюда и шипение.

— Уф! — воскликнул Токви-Тэй. — Что это?

— Это Адская Пасть, — отвечал Виннету. — Смотрите! Прямо под всадниками гора отвесно опускалась вниз.

На другом берегу они увидели фонтан, вышиною не менее ста футов. Вода в фонтане кипела, и прозрачный пар обволакивал его со всех сторон. Заходящее солнце переливалось в фонтане всеми цветами радуги.

Затем столб воды вдруг упал. Послышался подземный гул; сперва совсем слабый он становился все сильнее и сильнее, и вдруг на месте столба воды появился столб дыма. Наконец раздался оглушительный подземный удар, и из Адской Пасти поднялась черная и вонючая грязь, из которой время от времени вылетали раскаленные камни.

И вдруг этот столб горячей воды исчез. Внизу зияла громадная дыра — Адская Пасть, из которой вырывался страшный визг и стон, точно в глубине ее томились души грешников.

Молча смотрели всадники на это страшное явление природы, ужас и отвращение были написаны на их лицах. Только один Виннету оставался хладнокровным. Знаком приказал он отряду следовать за ним, затем повернул в сторону, и через некоторое время путники очутились перед узкой тропинкой, сбегавшей по отлогому скату в долину.

Отряд спустился вниз и подъехал к реке, вода которой имела здесь

более высокую температуру, чем в других местах своего течения. Благополучно переплыли всадники через реку и, высадившись на берег, подъехали к Адской Пасти. Она была спокойна, и в ее мрачной глубине ничего нельзя было разглядеть.

За Адской Пастью находилось круглое пространство, окаймленное со всех сторон отвесными скалами. Сюда вела узкая тропинка из долины.

Почва этой котловины была покрыта ямами, наполненными грязью и водой. Посередине возвышался небольшой холм. Это и была могила трех вождей, убитых некогда на этом месте Разящей Рукой и погребенных тут же.

Виннету приказал отряду расположиться недалеко от Адской Пасти. Он слез с лошади и, завернувшись в свое одеяло, лег на землю. Остальные последовали его примеру. Токви-Тэй лег около апача.

В молчании прошло несколько часов. Вдруг Виннету поднялся, взял ружье и сказал Токви-Тэю:

— Пусть мои братья останутся здесь. Виннету пойдет на разведку.

Он исчез. Остальные не хотели ложиться спать, пока не узнают результата, и ждали его. Он явился через три часа и заявил:

— Тяжелый Мокасин остановился с людьми у кратера, который называется Чертов Кратер. У него в плену Гроза Медведей со своими пятью спутниками и наши товарищи, покинувшие нас вчера ночью. Завтра утром я пойду с Токви-Тэем на разведку.

Едва забрезжил рассвет, Виннету разбудил Токви-Тэя. Они направились к Чертову Кратеру, который находился на расстоянии мили от того места, где остановился отряд Виннету.

Когда они дошли до того места, откуда был виден лагерь оглала, то остановились, притаившись за выступом скалы; сиу в это время сгоняли лошадей, чтобы вести их к водопою; затем они сели на землю.

Виннету бросил взгляд на горы правого берега, откуда должен был появиться Разящая Рука.

— Уф! — произнес он. — Разящая Рука здесь!

— Где? — спросил Токви-Тэй с удивлением.

— На правом берегу, на горе.

— Я ничего не вижу.

— Разве не видит мой брат стаю ворон, поднявшуюся только что из лесу? Их мог потревожить только Разящая Рука. Я понимаю его план. Он хочет спуститься в долину, переправиться вброд через реку и затем напасть на оглала. Они побегут по направлению к Адской Пасти. Поэтому мы должны быть там и загнать их в котловину, где находятся могилы вождей.

Поторопимся же!

Когда они вернулись и Виннету отдал приказ готовиться к сражению, внезапно вдали послышался страшный гул.

— Это Чертов Кратер подает свой голос, — сказал Виннету, — сейчас ему ответит Адская Пасть.

Через некоторое время извержение Чертового Кратера прекратилось, но зато пришла в действие Адская Пасть. Как и вчера, сначала поднялся громадный столб горячей воды, окруженный на далекое расстояние паром. Это явилось для отряда Виннету, находившегося за этим столбом, отличным прикрытием, так как их не было видно. Тогда Виннету отъехал в сторону, где пар не скрывал дали, и увидел бегущих в беспорядке и охваченных смертельным ужасом сиу.

Он немедленно отдал приказание загнать сиу в котловину.

Когда они уже были близко, Виннету издал боевой клич, который повторили шошоны. Сиу поняли, что проход между Адской Пастью и рекой заперт, и помчались, как желал Виннету, к могиле вождей.

Вдруг возникла скачущая во весь опор группа всадников, состоявшая из краснокожих. В центре ее находились вождь оглала и Бауман.

Как мы уже упоминали, сиу обратились в бегство, а Боб бросился разрезать ремни, которыми были связаны Вокадэ, Мартин и Фрэнк. Это ему удалось. Внезапно Фрэнк увидел, что вождь увозит старика Баумана. Быстрее молнии погнался он за ними.

Увидев это, Дэви и Джемми тоже подъехали к Бобу и, после того как он разрезал их ремни, устремились за вождем оглала.

За ними поскакал и Разящая Рука.

Лошадь Фрэнка была не из хороших скакунов, но он так бил ее томагавком, что она обогнала всех и поравнялась с лошадью вождя. Тут Фрэнк замахнулся на него томагавком, но вождь рукой отпарировал удар, так что Фрэнк уронил свое оружие на землю.

Однако Фрэнк не растерялся. Он быстро вскочил в седло сзади вождя и изо всей силы обхватил его руками, лишив индейца возможности свободно действовать.

Вождь заревел от ярости и постарался высвободиться из объятий Фрэнка, но тщетно. Фрэнк, точно железными обручами, обхватил его.

В это время Джемми подъехал к Бауману и разрезал связывающие его путы. Бауман тогда попробовал выдернуть узду своей лошади из руки вождя, но у него не хватило на это сил.

Длинный Дэви нагнал наконец вождя. Но только он протянул руки, чтобы схватить его и сбросить с седла, как вдруг раздался страшный удар.

Земля заколебалась. Лошади закусили удила и помчались вперед. Джемми и Гроза Медведей были сброшены с лошадей. Двое индейцев, увидя это, остановились и, соскочив с лошадей, бросились на них. Но Разящая Рука был уже близко.

Он остановил лошадь, сошел с нее и, подбежав, оглушил обоих индейцев двумя ударами своего ружья.

В это время лошадь вождя, на которой находился и Фрэнк, напуганная взрывом, резко ринулась в сторону от других лошадей, поскакавших в котловину, и помчалась к реке. Не помня себя от страха, она круто остановилась лишь на обрывистом берегу, так что оба всадника полетели через ее голову в реку.

Сначала в реке ничего не было видно, и Виннету, подскакавший с несколькими шошонами, хотел было уже плыть на помощь Фрэнку, как вдруг на поверхности воды показался сам Фрэнк, тащивший за волосы вождя сиу, который был без сознания, — так силен был удар о воду. Фрэнк же, оказавшийся на вожде при падении, отделался легким испугом.

В это время подъехал и Разящая Рука. Общими усилиями они помогли Фрэнку вместе с добычей выбраться на берег, где Виннету и Разящая Рука горячо пожали ему руку, приветствуя как храброго и верного человека. Сюда же подъехал и старик Бауман, и тогда произошла трогательная сцена: и господин, и слуга, обнявшись, плакали от радости.

Во время этой сцены появился Мартин. Трудно описать сцену свидания между отцом и сыном!

Между тем вождя подняли и унесли в проход из долины в котловину, где стояли шошоны и апсароки. Отсюда было видно, что сиу собрались в глубине котловины и совещаются.

Разящая Рука велел привести вождя в чувство. Затем он обратился к нему со следующими словами:

— Слушай! Твои люди и ты сам в наших руках. Хочешь спасти себя и их? Тогда повинуйся нам и слушай, что тебе прикажут!

Краснокожий презрительно посмотрел на Разящую Руку и сплюнул.

— Старая баба! — прошипел он.

Если бы другой был на месте Разящей Руки, индейцу было бы недобровать, но Разящая Рука только улыбнулся.

— Мой брат, кажется, потерял рассудок, — сказал он спокойно. — Мне жаль его.

Это было оскорблением еще худшим. Индеец вскочил, он был вне себя от ярости.

— Тысяча собак! — воскликнул он. — Я не говорю с хромоногими

волками!

— Как? Разве Разящая Рука, который говорит с тобою, и Виннету, вождь апачей, стоящий около меня, — волки?

— Уф! — только и мог произнести ошеломленный вождь.

Но больше он ничего не успел сказать. Раздался страшный удар, и земля заходила ходуном. Из ям, находившихся в котловине и около нее, внезапно появились целые столбы расплавленной массы, которая тут же падала на землю. Почти не находилось места, где можно было стоять. Воздух наполнился удушливыми парами.

До вражды ли теперь! Каждый думал только о своем спасении. Лошади заметались, причем многие из них попадали в ямы с кипящей жидкостью. Все в ужасе бросались с места на место, отыскивая, где бы можно было спастись от текущей повсюду расплавленной массы.

Тяжелый Мокасин, вождь сиу, почувствовав себя свободным, решил бежать и стал приводить свой план в исполнение. Испустив боевой клич, он направился к долине.

Но Мартин следил за ним. Мысль, что он преследует мучителя своего отца, окрыляла его в погоне. Вождь направился к скалам, окружавшим котловину, так как выход в долину оказался невозможным: там стояли шошоны.

Внезапно он увидел подобие лестницы, вырубленной в скале, и направился по ступенькам вверх. Но Мартин не отставал. На середине лестницы он догнал вождя. Оба сцепились. Вождь был утомлен волнением, борьбой с Фрэнком на лошади и в воде и не мог долго сопротивляться сильному юноше. Его нога подвернулась, и при подземном громе и под вой оглала, видевших эту сцену, он скатился вниз, прямо в зияющее отверстие ямы, наполненной кипящей массой черного цвета.

В это же время извержение внезапно прекратилось. Воздух сразу очистился, и можно было различить фигуру Мартина, спускавшегося со скалы. Наконец, он сошел в долину, и восторгам не было конца. Все наперебой поздравляли его, а Боб от радости проливал обильные слезы.

Разящая Рука обратился к присутствующим со следующими словами:

— Господа, сиу в наших руках. Они не посмеют сопротивляться после всего происшедшего, особенно если узнают, что имеют дело с Разящей Рукой и с Виннету. Вы останетесь здесь, а мы с Виннету пойдем к ним.

И он пошел к могиле. Виннету последовал за ним. Вскоре после их ухода Джемми решил склонить присутствующих к примирению, зная, что едва ли индейцы останутся довольны, если им не удастся перебить попавших в западню сиу. Он упомянул о могуществе племени сиу, которое

поднимается как один человек, чтобы отомстить за смерть братьев.

— Вспомните, — закончил он, — что и шошоны, и апсароки были нашими врагами, а теперь вы, после того как мы подарили вам жизнь, наши братья!

Эта речь произвела впечатление на индейцев. А из бледнолицых никто, даже старик Бауман, не желал врагам смерти.

И Разящая Рука, и Виннету добились успеха. Их сторонники были немало удивлены, увидев, что они идут обратно с целой толпой оглала, угрюмо следующих за обоими друзьями. Дойдя до места стоянки бледнолицых, они сложили в кучу свое оружие и медленно удалились на свое прежнее место. Этим они показывали, что не желают сопротивляться.

Когда Джемми рассказал Разящей Руке о своем успехе, последний с благодарностью пожал ему руку. Он не ожидал этого. Потом он обратился к оглала и крикнул им:

— Я обещал вам подарить жизнь, а теперь дарю еще больше: можете взять свое оружие и лошадей. Мы вместе будем поминать мертвых на могиле. Отныне мы братья!

Трудно описать восторг оглала. Они бросились к Разящей Руке, наперебой благодаря его.

Лошадей скоро нашли неподалеку от ущелья. Затем привезли трупы двух убитых Разящей Рукой оглала и погребли их у могилы вождей.

День прошел в торжествах в честь умерших. Затем все — старые и новые друзья — покинули роковую долину и вошли в лес, где и расположились на отдых.

Всю ночь горели костры в лесу, и при их свете все весело вспоминали о недавних приключениях. Фрэнк пришел в такое благодушное настроение, что предложил Джемми выпить с ним на брудершафт, что, конечно, было с удовольствием исполнено.

Глава двенадцатая

ПРОКЛЯТЫЙ ОБРАГ

Сиу-оглала, апсароки и шошоны, сделавшись друзьями белых, вместе с тем становились братьями и между собой. Племенная вражда, разделявшая индейские племена и служившая одной из важнейших причин их вымирания, теперь должна была забыться навеки. Разящая Рука, видимо, как раз и преследовал эту цель. Входило ли достижение этой цели в план его дальнейших действий? Был ли им создан наконец этот план? Принадлежит ли он к числу тех людей, которых влекут к себе прерии и полные величия пустыни Дикого Запада — как последнее убежище от человеческого общества, ставшего для них почему-либо невыносимым, или же он явился сюда, храня в душе какие-нибудь заветные мечты и планы?

Кто мог ответить на этот вопрос?

В прериях Запада имя Разящей Руки пользовалось, как мы видели, громкой славой. Его не только любили, но и уважали. Его знали все, но даже его лучший друг, вождь Виннету, не мог сказать, что его удерживало вдали от цивилизованного общества. Впрочем, индейцу не пришло бы и в голову задавать своему другу подобные вопросы, для краснокожего вождя немислима никакая другая жизнь, кроме жизни под открытым небом, в привольных бесконечных пустынях, — жизнь, полная опасностей и приключений.

Множество белых, испытавших эту жизнь, не возвращались в цивилизованное общество. Но то были люди без всякого образования, обладавшие лишь широкой натурой и твердым характером.

Разящая Рука был, несомненно, человек образованный. Неужели его никогда не влекло в среду себе подобных, и жизнь среди дикарей и грубых авантюристов могла его удовлетворять?

Едва ли. По крайней мере, взглянув на него, когда он, несмотря на свою железную натуру, утомленный событиями последних дней, сидел около костра, разложенного индейцами, — можно было смело сказать, что этот человек не чувствует себя ни довольным, ни счастливым. Наоборот, в выражении его глаз светилась нескрываемая тоска, а мужественное лицо становилось печальным.

Все остальные его спутники, спасенные благодаря ему, были веселы. Даже всегда сдержанные и спокойные индейцы поддались всеобщему веселью.

Виннету один хранил суровый вид. Он слушал беспечную болтовню бледнолицых, но не принимал в ней участия.

— У великого вождя, — обратился к нему Толстый Джемми, — должно быть много воспоминаний. Отчего он не поделится ими со своими братьями?

— Воин не для того совершает подвиги, чтобы рассказывать о них! — произнес Виннету.

— Напротив, подвиги героев поучают юношей, — заметил Бауман.

— Так пусть Гроза Медведей расскажет, откуда он получил такое прозвище.

Бауман улыбнулся.

— Расскажите, Бауман, в самом деле — это должно быть интересно! — заметил Разящая Рука.

Его желание было поддержано всеми.

— Извольте, — согласился Бауман, — хотя и должен вас предупредить, что это прозвище присвоено за весьма сомнительный подвиг. Около двадцати пяти лет тому назад я гостил в вигваме одного апачского вождя. В то время я был сильнее, выносливее и, конечно, проворнее, чем теперь. Я участвовал в охотах, которые проводили мои друзья-индейцы, и слыл за искусного стрелка. Однажды, когда мы только что возвратились с большой и удачной охоты, нам сообщили, что в наше отсутствие двое из самых отважных юношей, оставшихся для охраны деревни, были растерзаны двумя медведями, бродившими около селения. Так как для охраны было оставлено всего шесть воинов, то остальные четверо не сочли себя вправе бросить селение и идти на поиски зверей. Сами мы и наши лошади были страшно утомлены, поэтому было решено отложить охоту до утра. На эту охоту, которая вместе с тем была и мстью за павших, должны были отправиться лучшие охотники, потому что предприятие было чрезвычайно трудным и опасным. Ночью, когда деревня заснула, я потихоньку встал, взял свой карабин и направился к горам, в которых, по общему мнению, скрывались звери. С первыми лучами рассвета я подходил уже к подножию холмов. Чтобы лучше рассмотреть местность, я решил взобраться на гигантский дуб. Снизу на громадном дереве не было ни сучка, так что влезть на него было довольно трудно. Чтобы карабин не стеснял моих движений, я оставил его у подножия дуба и, цепляясь руками и ногами, полез наверх. Прошло с полчаса, прежде чем я добрался до первой ветки и, сев на нее верхом, посмотрел вниз. Какой же ужас охватил меня, когда я увидел у подножия дерева двух огромных черных медведей, старательно обнюхивающих мое ружье! — Бауман

остановился.

— Воин не должен выпускать ружье из рук, — поучительно заметил Виннету.

— Теперь и я держусь этого правила, — отвечал Бауман, — но тогда я был еще новичком. Обнюхав мое ружье, медведи заворчали и осторожно друг за другом стали взбираться на дерево. Положение мое было критическим: в руках у меня был только охотничий нож, позиция моя была крайне неудобна — нечего было и думать о бегстве. Ползком я пробрался почти до конца толстой полусохшей ветки и с ужасом наблюдал, как мои страшные враги с глухим ворчанием поднимались все выше и выше, осторожно цепляясь за кору своими крепкими ногтями. Я уже считал себя погибшим, как вдруг неожиданная мысль пришла мне в голову. Я поспешно схватил свой рог с порохом и пополз к началу ветки, к тому месту, где она прикреплялась к стволу, и здесь высыпал почти все содержимое моей пороховницы. Возвратившись на свое старое место, к концу сука, я насыпал пороховую дорожку и, приготовив трут, стал ожидать своих врагов. Оба достигли моей ветки почти в одно и то же время. Но лишь только лапы их попали на ветку, как я высек искру. Раздался страшный удар, который чуть не сбросил меня самого. С диким ревом опаленные, пораженные медведи полетели вниз с высоты около пятидесяти футов. Соскользнуть с дерева было для меня делом двух минут. Когда я спустился вниз, то оба медведя, ошеломленные страшным ударом, лежали без движения. — Бауман замолчал.

— Что же, отец, — нетерпеливо заметил Мартин, — ты, конечно, убил их?

— Нет!..

— Почему же?

— Я разрезал мое лассо и крепко связал их. Затем я улегся в тени дерева и стал ожидать своих друзей-апачей. Медведи между тем очнулись. Я от души смеялся, видя фокусы, которые они проделывали, чтобы освободиться от пут. Но их усилия были тщетны, а дикий рев, которым они наполняли окрестности, должен был направить ко мне моих друзей. Они наконец прибыли — и надо было видеть их изумление при виде этой картины! Благодаря этому случаю за мной утвердилось прозвище Гроза Медведей. Предоставляю вам судить, насколько справедливо я им пользуюсь!..

— Мой брат, — заметил Виннету, — носит еще другое прозвище — Истребитель Жизни...

— Да, потом мне случалось охотиться как следует. Однако пора

отдохнуть — наших рассказов не переслушаешь всех...

Через час лагерь уже спал крепким сном. Несмотря на заключенный союз, каждое из индейских племен, по обычаю, расположилось отдельно друг от друга. Ближе всех к Пасти Ада раскинулся бивак сиу-оглала. Огнедышащая гора рокотала не умолкая, так что вблизи нельзя было разобрать человеческого голоса. Временами, когда из жерла вулкана со свистом и грохотом вылетала масса грязи и пара, земля содрогалась.

Но всем было знакомо это явление, и никто, за исключением Разящей Руки, не придавал ему никакого значения. Опытному охотнику казалось на этот раз, что вулкан чересчур неспокоен. Он с вниманием прислушивался к его тяжелым вздохам и клочкотанию и все больше и больше убеждался в том, что готовится сильное извержение.

Он встал со своего места и подошел к Виннету.

— Ты слышишь, — спросил он тихо, — как клоочет гора?

— Слышу! — отвечал удивленный вождь.

— Сегодня она чересчур неспокойна.

Индеец несколько минут внимательно прислушивался.

— Мой брат прав, — отвечал он, — Злой Дух сегодня дышит сильно. Но чего опасается Разящая Рука?

— Я боюсь извержения... Видишь ли...

Охотник не успел закончить: раздался адский грохот, земля содрогнулась, из жерла вулкана вырвалось ослепительное пламя... Подножие горы заколебалось, и вместе с прорвавшимся на новом месте потоком лавы тучи камней полетели вверх.

Среди адского грохота раздались крики ужаса и вопли раненых. Лагерь пришел в смятение. В панике индейцы бросились бежать во все стороны, громко крича:

— Макаду!.. Макаду!.. Злой Дух выходит из земли!.. Спасайтесь!..

Тщетно белые старались успокоить своих союзников — в общем смятении их никто не слышал.

Беспорядочное бегство продолжалось более двух часов, пока наконец беглецам не удалось выбраться из горных ущелий на равнину.

Разящая Рука и Виинету тотчас позаботились разложить большой костер, чтобы указать разбежавшимся воинам сборный пункт.

Мало-помалу стали собираться дрожащие от ужаса, все еще не пришедшие в себя индейцы и молча рассаживаться около костра. Но многих не хватало — особенно сильно пострадали оглала, бивак которых приходился как раз на место взрыва, после которого открылся новый кратер.

Оглала, видимо, волновались: они считали, что подверглись наказанию за то, что подружились с врагами, умертвившими их вождей. Сам Белый Сокол, заступивший место Мокапина, казался смущенным этой мыслью.

Когда все немного успокоились, вожди индейцев и белые охотники собрались на совет около костра.

По обыкновению, зажженный каллумет переходил из рук в руки, пока не обошел всех.

Тогда Разящая Рука — как самый знаменитый из всех воинов — заговорил первым.

— Великий Дух, — сказал он, — милостив к нам: он позволил нам спастись от ужасной гибели.

Охотник замолчал, ожидая, какое действие произведут его слова.

— Великий Дух — Вокаду, — произнес Сокол, — позволил Злому Духу — Макаду — погубить многих из оглалов. Великий Дух сердит на своих детей-сиу.

Остальные вожди оглала молчали, видимо, согласные с Белым Соколом.

— Что хочет сказать Белый Сокол? — спросил Виннету.

— Вокаду недоволен тем, что оглала забыли месть и вступили в союз с человеком, от руки которого пали их вожди, — пояснил вождь сиу.

— Белый Сокол ошибается, — возразил Разящая Рука, — Великий Дух не сердится на оглала — иначе все бы они были истреблены.

— Великий Дух негодует! — утверждал вождь. — Смотри и слушай!

Он указал рукой по направлению к горам, откуда доносился неумолкаемый рев вулкана. Массы пепла застилали небо и не пропускали ни одного луча солнца, уже поднявшегося над горизонтом. Как почти всегда бывает при больших извержениях, со всех сторон собирались тяжелые тучи, изредка сверкала молния и грохот ее смешивался с ревом вулкана. Горы клубились и окутывались паром. Воздух, удушливый, несмотря на свежесть утра, был насыщен серными испарениями, а само восходящее солнце сквозь дымку мельчайшего пепла казалось кроваво-красным. Ни малейшего ветерка не проносилось в прерии, не раздавалось ни одного звука пробуждающейся обыкновенно вместе с утром жизни.

Картина была и величественной, и подавляющей. Костер потухал. Молнии сверкали все чаще и чаще, раскаты грома звучали все ближе.

Сиу, собравшись вместе, смотрели с нетерпением на своего вождя, видимо, желая как можно скорее расстаться с людьми, союз с которыми грозил им гибелью.

— Все ли воины думают так же, как их вождь? — спросил Разящая

Рука.

— Все! — отвечал Белый Сокол.

При этом ответе Разящая Рука встал и отправился к индейцам сиу.

Все пошли за ним.

— Воины! — сказал охотник. — От моей руки погибли трое из славнейших ваших вождей. Вы думаете, что Великий Дух требует за них мщения, что он позволил Макаду вредить вам, так как вы заключили союз со мною и моими друзьями? Так ли думают воины сиу?

— Так, так! — раздался единодушный ответ слушавших эту речь индейцев.

— Воины оглала ошибаются! — воскликнул Разящая Рука. — Великий Дух не хочет мщения.

— Чем докажет это бледнолицый охотник? — спросил один из старейших сиу.

— Пусть Великий Дух сам объявит свою волю!

— Как узнать волю Великого Духа? — спросил Сокол.

— Великий Дух говорит! — торжественно произнес охотник. — Слышите его голос?

В то же время сверкнула молния, и страшный удар грома потряс почву.

Индейцы благоговейно поникли головами.

— Пусть, — продолжал Разящая Рука, — Белый Сокол вместе со мной пойдет к горам. Вы видите место, куда беспрестанно попадают молнии?

— Разящая Рука говорит о Проклятом овраге! — в ужасе воскликнул вождь оглала.

— Да! Мы станем там оба — друг против друга. Если Великий Дух требует отмщения за ваших вождей, павших от моей руки, то пусть он поразит меня ударом молнии. Если же жертвой падет Белый Сокол, то вы, все сиу-оглала, должны поклясться в вечной дружбе мне, моим товарищам, шошонам и апсарокам. Я сказал.

Сиу отошли и стали совещаться. Прошло минут десять, пока Белый Сокол не выступил вперед.

— Пойдем! — сказал он.

Разящая Рука и вождь сиу пошли вперед. За ними шли охотники и индейцы.

Между тем гроза была уже во всей силе: молнии одна за другой озаряли небо, гром гремел беспрерывно, дождь лил как из ведра.

Оба противника первыми дошли до спуска в Проклятый овраг.

У подножия гор раскинулась глубокая, широкая балка с почти отвесными, крутыми берегами. Дно этой балки представляло ровную,

сухую долину, лишенную почти всякой растительности, так как почва состояла исключительно из железняка и серного колчедана.

Благодаря этому молния притягивалась дном балки с чрезвычайной силой, и во время грозы никто не мог безнаказанно спуститься на дно.

Это свойство и снискало Проклятому оврагу его страшное прозвище. Суеверные люди были уверены, что дно оврага служит жилищем Макаду — Злого Духа.

Когда все собрались на берегу оврага, Разящая Рука первым начал спускаться, за ним шел Белый Сокол. Охотники и индейцы следили за ним с замиранием сердца. Только один Виннету был спокоен: он знал своего друга и не сомневался, что тот выйдет победителем из любого испытания.

Грозовая туча еще не заволокла овраг. В полутьме, освещаемой отблеском молнии, видно было, как две человеческие фигуры, то прыгая с уступа на уступ, то цепляясь за камни и пробираясь почти ползком, быстро спускались вниз.

Вот наконец первый прыгнул на дно и выйдя на открытое место, стал, скрестив на груди руки. Это был Разящая Рука.

Вслед за ним спустился и Белый Сокол и стал шагах в десяти от своего противника.

— Не понимаю, — пробормотал Толстый Джемми, — какая охота по пустякам подвергать себя нешуточной опасности.

— Не бойтесь, — заметил по-немецки Бауман — Гроза Медведей, — я знаю секрет Разящей Руки: хотя он и подвергается опасности, но несравненно меньшей, чем Белый Сокол... Кроме того, молния, попадающая в Проклятый овраг, никогда не убивает насмерть, она только оглушает. Однако представление сейчас начнется...

Действительно, туча надвинулась уже на самый овраг. Внизу стало совсем темно, как внезапно ослепительный свет охватил со всех сторон группу людей, стоявшую на берегу балки, и саму балку; осветил панораму гор, и дышащий огнем вулкан, и фигуры двух противников, стоявших друг против друга.

Страшный грохот гудел не переставая. Дно балки горело в огне, но фигуры двух людей по-прежнему неподвижно стояли на своих местах.

Запах серы становился все резче. Под этот грохот и гул оглала затянули заунывную песню, восхвалявшую подвиги их вождя и просившую о помощи ему в трудной борьбе.

Но вот песня внезапно смолкла, и дикий рев прорвался сквозь стон и рев бури: воины сиу увидели, как при одном из ударов молнии вождь пал на землю.

Однако никто из них не решился броситься к нему на помощь и спуститься на дно страшной балки.

Тогда Джемми и Дэви, переглянувшись между собой, стали быстро спускаться с крутого обрыва.

Со дна оврага, навстречу им, уже поднимался бесстрашный охотник, неся на руках тело вождя.

Через несколько минут он уже был на берегу.

— Воины оглала! — раздался громкий голос его, слышный, несмотря на рев бури. — Белый Сокол жив. Великий Дух не хочет ничьей гибели — он хочет только показать вам, что вы ошибаетесь.

С этими словами он положил тело индейца на землю и с помощью Баумана стал растирать его, а потом засыпать землей. Оглала, пораженные ужасом, не могли его остановить.

Все тело Белого Сокола, за исключением головы, было уже засыпано. Тогда Разящая Рука встал и отошел.

— Вождь скоро очнется! — утвердительно произнес он.

Действительно, прошло пять минут, и Белый Сокол пошевелился, а затем поднялся и сел.

Оглала приблизились к нему с радостными криками.

— Он прав, — проговорил индеец, указывая на Разящую Руку, — Великий Дух не хочет мщенья!

Как бы в подтверждение его слов, грохот вулкана внезапно стих — Адская Пасть закрылась.

— Вождь говорит правду! — прошептали сиу.

— Теперь, — предложил Разящая Рука, — мы можем пройти в ущелье, чтобы взять и погresti трупы воинов, павших жертвой нашей неосторожности. Опасности нет, так как извержение кончилось, а гроза нам не помешает.

Все молча двинулись за охотником. В обыкновенное время можно было бы дойти до подножия вулкана в течение часа, но теперь на это ушло более двух часов.

По ущелью приходилось пробираться с осторожностью, так как местами оно было совершенно залито лавой.

У самого подножия вулкана, полузакрытого обломками скал, лежали трупы сиу.

Молча оглала собрали тела своих братьев, и процессия двинулась обратно.

Несмотря на то, что извержение прекратилось, никто из индейцев не захотел располагаться лагерем около гор. Идти поэтому пришлось целый

день, прежде чем удалось выбрать удобное место для остановки.

Глава тринадцатая

ИСТОРИЯ РАЗЯЩЕЙ РУКИ

На другой день с самого утра началась церемония погребения павших оглала, ведь подвиги каждого воина должны были быть прославлены в длинной песне...

Был уже полдень, когда вожди индейцев и охотники собрались на совет.

Во время неожиданной катастрофы погибло много лошадей, а еще больше — разбежалось. Во всем отряде осталось всего двенадцать всадников.

Прежде чем думать о возвращении, надо было позаботиться о приобретении лошадей.

После того как была выкурена обычная трубка совета, Виннету сказал: — Брат мой Разящая Рука собрал вместе шошонов, апсароков, оглала и белых охотников. Чего он хочет?

— Я не хочу ничего теперь, — сказал Разящая Рука, — но я хочу только, чтобы шошоны, апсароки и оглала не вырывали томагавк войны и, когда придет время, действовали бы вместе.

— Так что, великому охотнику ничего не надо теперь от своих краснокожих братьев? — поинтересовался Токви-Тэй.

— Ничего.

Наступило минутное молчание.

— Тогда, — начал Виннету, — ничто не удерживает нас вместе.

— Правда, — сказал Разящая Рука.

— Но прежде необходимо разыскать лошадей! — воскликнул Мартин. Индейцы неодобрительно посмотрели на молодого человека, вступившего без приглашения вождей в их разговор.

— Не думает ли брат мой, что мы слепы и не видим этого? — заметил Токви-Тэй.

Сконфуженный Мартин замолчал.

— Что думает Разящая Рука? — продолжал Токви-Тэй.

— наших лошадей искать бесполезно, — отвечал охотник, — дождь смыл все следы.

Индейцы наклонили головы в знак согласия.

— Не лучше ли поискать табун? — продолжал Разящая Рука. — Как думают вожди?

— Брат мой рассудил хорошо! — сказал Виннету.

— Табун можно найти скоро, — подтвердил Белый Сокол.

— Тогда не будем терять времени. Все, у кого есть лошади, отправятся вместе со мной. Остальные будут ждать нас здесь.

Через полчаса после этого решения двенадцать всадников под предводительством Разящей Руки удалились в прерию.

Мустанги, или дикие лошади, по очень долго державшемуся мнению, считались родоначальниками наших европейских лошадей.

Однако за последнее время пришли к заключению, что европейская и американская порода развивались самостоятельно и что скорее европейская лошадь может считаться прародительницей мустанга.

Мустанги в диком состоянии живут стадами. Это животное отличается замечательной выносливостью и быстротой. В прирученном состоянии мустанг отчасти теряет эти свойства, а потому догнать дикого мустанга на обыкновенной лошади, несущей еще на себе и всадника, представляется почти невозможным.

Охота на мустангов поэтому требует особой осмотрительности, находчивости и ловкости.

Для поимки мустангов употребляется лассо, которым индейцы и охотники прерий владеют с большим мастерством.

Небольшой отряд Разящей Руки, углубившись в прерию, раскинулся широкой лентой так, что всадник от всадника находился на расстоянии более полумили. Эта цепь, захватывающая таким образом более шести миль, двигалась вперед в одном направлении.

Прошло три часа, когда один из крайних всадников издал условный сигнал, показывающий, что им замечен табун диких лошадей. Через несколько минут охотники стянулись и собрались вместе.

Местность была совершенно открытая, ровная, кое-где поросшая отдельными деревьями, и только вдали, почти на самом горизонте, возвышалась высокая, плоская, как бы выросшая из земли скала.

Табун находился в милях четырех, и надо было обладать поразительной остротой зрения, свойственной индейцам и охотникам, чтобы рассмотреть его с этого расстояния.

— Табун большой, — заметил Виннету.

— Виннету думает, что нам не удастся захватить его цепью? — спросил Разящая Рука.

— Мы можем воспользоваться Скалой Уединения! — произнес Виннету.

Разящая Рука тотчас понял, на что намекал Виннету. Оставив на месте

трех всадников, он с остальными двинулся в обход и через час езды был позади скалы, скрытой от глаз табуна.

Между тем трое оставшихся охотников, выждав время, разделились и, образовав полукруг, стали подбираться к табуну так, чтобы, спугнув его, направить к скале.

Лошади, с подветренной стороны, долгое время не замечали приближения людей. Когда же те с громкими криками устремились вперед, мустанги шарахнулись и, направляемые с разных сторон охотниками, бросились в сторону скалы, за которой скрывалась другая партия под начальством Разящей Руки.

Как только мустанги поравнялись со скалой, охотники с лассо бросились им наперерез. Испуганные лошади, обгоняя друг друга, неслись по равнине, преследуемые охотниками. Главная задача охотников состояла в том, чтобы отбить от стада мустангов и переловить их поодиночке. За каждой отбитой от табуна лошадей гнались два охотника, из которых один мчался за ней, а второй старался заехать ей наперерез.

Тщетно дикий конь старался скрыться от преследователей: куда бы он ни направлялся — всюду встречал охотника, и ловко пущенное лассо наконец обвивалось вокруг его шеи.

Покрытый пеной, дрожащий, обессиленный и полузадушенный, он падал и становился пленником человека.

Через три часа охоты было переловлено около тридцати лошадей.

Теперь предстояла еще одна трудная задача — объездить диких животных и приручить их.

Необыкновенная привычка охотников и индейцев к верховой езде делала эту задачу сравнительно легкой: на связанного мустанга накладывалась уздечка из волос, всадник вспрыгивал на спину лошади, путы с нее сбрасывались. Освобожденная лошадь, почувствовав на своей спине непривычную тяжесть, сначала прилагала всевозможные усилия, чтобы ее сбросить.

Но всадник держался крепко; мустанг, чувствуя, что все его усилия бесполезны, закусывал удила и, обезумев от страха и злобы, бросался в бесконечную прерию.

После трех-четырёх часов бешеной скачки он уже не сопротивлялся человеку и вполне подчинялся его воле.

Через день объезженные лошади были уже в лагере. Тогда на новую охоту выехало уже не двенадцать, а сорок человек, и уже через день весь отряд был снабжен великолепными лошадьми.

Соединенный отряд шошонов, апсароков, сиу и белых охотников

заклучил свои совместные действия общей охотой на бизонов.

После этой удачной охоты отряд разделился, и каждое из племен направилось к своей хижине.

Белых охотников Разящая Рука удержал при себе.

— Господа, — сказал он, — многие из нас скитаются по прерии, не имея определенной цели, подчиняясь лишь одному желанию — пользоваться раздольем пустыни. Но есть между нами и такие, которые ушли в пустыню не по своей воле — их отделили от людского общества несчастья, заставили удалиться в пустыню горе и человеческая несправедливость. Здесь, в жизни, полной тревог и лишений, они стремятся к тому, чтобы устроить свое счастье и, если возможно, возвратиться к людскому обществу, увидеть и облегчить участь дорогих для них людей...

Разящая Рука остановился, видимо, охваченный тяжелыми воспоминаниями.

Его слова произвели впечатление и на охотников; в их воображении встали картины давно забытой родины, лица близких людей.

— У нас не принято в прерии, — сказал старик Бауман, — спрашивать людей о их прошлом, но, действительно, многие из нас пришли сюда в силу особых несчастий, оторвавших их от человеческого общества, к числу таких людей принадлежу и я. Но я уже состарился в прерии, мне нет охоты на склоне лет менять свои привычки, я задохнусь в городе. Но у меня есть сын...

— Отец, — прервал его Мартин, — неужели ты думаешь, что я оставлю тебя? Я вырос в пустыне, сроднился с ней...

— Я знаю это, — сказал Бауман, бросая на сына взгляд, полный любви, — но я не могу допустить, чтобы ты всю жизнь провел вдали от людей. Я мучаюсь тем, что не могу дать тебе возможности получить образование, познакомиться с жизнью человеческого общества. Ты должен побывать в городах, учиться, узнать жизнь, и тогда выбирай, что больше придется тебе по душе — возвращайся ко мне или же оставайся там... Не спорь со мною — это необходимо для моего спокойствия. Иначе я не закрою спокойно глаза, когда придет мой час... — Бауман замолчал.

— Ваш отец говорит правду, — сказал Разящая Рука, — он не может принять на себя тяжелой ответственности, связанной с решением оставить вас навеки вдали от людей. Он прав, предоставляя вам самому решить этот вопрос. Но являться в город молодому юноше, не имеющему средств, значит сделаться жертвой борьбы за существование. Вам придется только мечтать об образовании, но не получить его, так как весь ваш труд и все

ваши силы уйдут на добывание куска хлеба насущного — да и то будет хорошо, если вам удастся его добыть. Следовательно, прежде чем думать о возвращении в город, вам необходимо запастись этими средствами. Пока же, как я думаю, их у вас нет.

При этих словах Разящая Рука вопросительно взглянул на Баумана.

Старый охотник с грустью опустил голову.

— Все мое богатство, — сказал он, — заключается в нескольких медвежьих и бобровых шкурах, да необходимых принадлежностях охоты и домашнего хозяйства. Мысль о том, что я ничего не могу дать своему сыну, мучает меня и лишает покоя.

— Значит, я не ошибся, — заметил Разящая Рука, — думаю, что и кое-кто другой не прочь возвратиться в родные места, хотя бы для того, чтобы помочь близким людям.

При этих словах Толстый Джемми и Длинный Дэви покраснели.

— Но и для этого, — продолжал Разящая Рука, — тоже нужны средства — без них ничего нельзя сделать, нужны деньги...

Виннету, все время внимательно слушавший разговор, первый раз в жизни, вероятно, выдал свое волнение.

Он положил руку на плечо своего друга и сказал голосом, полным печали и тревоги:

— Разве великий охотник хочет покинуть своего брата? Он хочет оставить пустыню, в которой живет Великий Дух, и идти к лживым людям...

— Пусть не думает мой друг, — взволнованно отвечал охотник, — что я навсегда хочу его покинуть. Я возвращусь к нему, я люблю пустыню, где действительно человек бывает наедине с Великим Духом. Но я должен посетить места моей далекой, моей милой родины — там в ожидании меня томятся и страдают дорогие мне люди. Мой брат согласится со мной, когда он выслушает меня и узнает историю моей жизни. Я думаю, что и другие мои друзья не откажутся узнать, что привело меня в пустыню и почему я стремлюсь возможно скорее вернуться, хоть на время, на мою родину.

Предложение Разящей Руки было встречено с восторгом. Излагая свою жизнь, Разящая Рука мог быть уверен, что он найдет внимательных и способных оценить его слушателей. Несмотря на низкую степень, а иногда и полное отсутствие образования, люди пустыни отличаются тонким пониманием человеческого сердца. Они честны и искренни, как дети природы, а постоянное уединение заставляет их предаваться самоуглублению, наблюдать за всякими движениями души.

Несколько минут Разящая Рука молчал, очевидно предаваясь

воспоминаниям и собираясь с мыслями.

— На берегу чудного Рейна, — начал он, — в далекой теперь от меня Германии, лежит поместье Зоммерфест. Обвитый плющом и виноградом, утопающий в зелени красивый домик готической архитектуры кокетливо высится на берегу величественной реки и виден на много миль кругом. Виноградники и фруктовый сад уступами спускаются к Рейну и манят к себе усталого путника. Возделанные огороженные поля окружают дом и служат предметом восторженного удивления для соседних земледельцев; нигде в округе не было таких чудных жатв, как в Зоммерфесте, образцовый порядок имения славился далеко кругом. Этим Зоммерфест был обязан своему хозяину, неумоимо, с утра до вечера заботившемуся о том, чтобы в хорошеньком домике жилось весело и беззаботно. Когда при закате он, усталый, возвращался домой, его встречали любимая жена и веселый смех и ласки двух маленьких детей, еще издали замечавших его приближение. Трудовая и радостная жизнь текла в Зоммерфесте, и это местечко вместе с его обитателями, казалось, благословил сам Бог...

Охотник умолк, снова охваченный близкими, дорогими ему воспоминаниями.

Все остальные слушали его, со вниманием ловя каждое слово и хорошо понимая, какие чувства пробуждаются в душе их товарища.

— Казалось, — с тяжелым вздохом продолжал охотник, — такая счастливая жизнь должна была продолжаться долгие годы. Кому могли повредить хорошие, добрые, трудолюбивые люди, никому не делавшие зла и никогда не забывающие, что не хлебом единым жив будет человек?.. Но — увы! — людская алчность, зависть, людская злоба нарушили этот покой, внесли горе в мирный уголок и разрушили его счастье... Теперь в веселом домике нет уже прежних обитателей — они скитаются по свету, бесприютные и беспризорные... Но горе тем, кто довел их до этого, — настанет и для них час возмездия!

При этих словах охотник сделал угрожающий жест рукой и глаза его сверкнули.

— Прежде чем я расскажу вам, — продолжал он, немного успокоившись, — какое горе стряслось над зоммерфестской семьей, мне надо познакомить вас с некоторыми необходимыми подробностями. Семья владельца Зоммерфеста, как вы уже знаете, состояла из него самого, его жены и двух детей — мальчика шести лет и девочки четырех лет. Имение Зоммерфест не всегда находилось в таком блестящем состоянии, как я описывал вам: прежде оно составляло часть обширного соседнего поместья графов Кюннау. Громадные поля, пастбища и богатые виноградники

принадлежали роду графов Кюннау, но единственный представитель этого рода — старый бездетный граф Альберт Кюннау — не занимался хозяйством, и имение, в течение многих лет лишенное надзора и забот хозяина, пришло в запустение: поля заросли, сады повымерзли, виноградники засохли. Но старому графу не было до этого никакого дела: в доходах он не нуждался, наследником его был дальний родственник — двоюродный племянник, слухи о беспутной жизни которого постоянно доходили до графа. Мало того, что старик сам не занимался хозяйством, — он даже за последние годы, когда кончился срок контрактов, отказал фермерам в аренде, и прилежавшие к ним поля запустели и стояли необработанными.

Трудно было сказать, что именно заставляло графа действовать таким образом. Одни говорили, что он не хотел работать для наследника, которого считал нестоящим человеком, другие же уверяли, что под старость граф, и прежде отличавшийся замкнутым, уединенным образом жизни, сделался и вовсе человеконенавистником и никому из людей не желал ничего, кроме зла. С этим последним мнением нельзя, однако, согласиться, так как старый граф Кюннау умел быть щедрым и даже великодушным. По крайней мере, таким он явился по отношению к одному своему дальнему родственнику — человек этот никак не мог рассчитывать на то, что родство с графом принесет ему какую-нибудь пользу или выгоду.

Этот молодой человек, сын бедных родителей, имевших много детей, рос и воспитывался вдали от замка, в деревне, где отец его был пастором. Отец хотел сделать из него лицо духовного звания, но его собственным призванием было земледелие. С ранних детских лет он увлекался жизнью земледельца, так как любил природу, как он любит теперь и ту природу, которой не видишь в городах и удаление от которой портит человека. Отец уступил его желаниям, но не мог дать ему средств для того, чтобы поступить в какую-нибудь высшую сельскохозяйственную школу и получить нужную подготовку для предстоящей деятельности. Но молодой юноша решил пробиваться собственными силами и — благодарение Богу! — это ему удалось. Несмотря на тяжелые лишения, он окончил курс в сельскохозяйственном институте, побывал во Франции, изъездил Германию и везде старался практикой дополнить свои знания.

Когда он счел себя вполне подготовленным, он стал приискивать клочок земли, на котором мог бы приложить свои знания. Ему не хотелось поступать в управляющие, хотя он получал много предложений подобного рода. Его заветной мечтой было приобрести хотя бы небольшой, но свой участок.

Случай помог ему в этом: старый граф, как оказалось, с интересом следивший за его успехами, предложил ему в аренду Зоммерфест, приобретенный много лет тому назад и не составляющий родовых земель Кюннау.

Граф обещал — если молодому человеку удастся хорошо наладить хозяйство — продать ему Зоммерфест за сравнительно низкую цену и рассрочить уплату.

Молодой человек с восторгом принял это предложение; в течение короткого срока ему удалось сделать Зоммерфест цветущим уголком земли. Он заботился о нем, считая его своей собственностью, — и не без основания: делая ежегодно взносы, он уплатил графу почти всю сумму, оставшись должен всего несколько сот талеров.

В течение этих лет из молодого человека он сделался уже семьянином. Жизнь ему улыбалась, и будущее было обеспечено.

Но тут стряслось неожиданное горе: старый граф внезапно умер, так и не составив обещанного завещания. У фиктивного владельца Зоммерфеста не было никаких документов на владение — он даже не брал от старого графа расписок об уплате денег...

Остальное понятно: новый владелец замка, хотя ему было отлично известно положение дел, не захотел признать его прав. Имение было отнято, и он очутился с семьей без всяких средств...

— И этот вероломный человек, о котором говорит мой брат, — прервал рассказ Виннету, — еще жив?

Гнев проглядывал в каждой черте лица краснокожего вождя. Он, видимо, хорошо понимал, как и все остальные, про какого молодого человека рассказывает его друг.

— Да, он жив, — отвечал охотник, — и даже счастлив. Закон прерий, который гласит «око за око, зуб за зуб», не применим в цивилизованном обществе. Но злодей, укравший чужое состояние и разрушивший счастье семьи, явился косвенной причиной еще большего горя. Изгнанный законом владелец Зоммерфеста, в один день лишившийся состояния, скопленного годами путем неустанного труда, не мог примириться со своим положением: он начал процесс и, несмотря на многие предоставленные им доказательства, не только проиграл его, но и принужден был заплатить своему противнику крупную сумму за судебные издержки.

Богатый граф не постыдился взять эти деньги, и несчастный человек был лишен последних крох...

Это переполнило чашу его терпения. Доведенный до отчаяния, он отправился к графу, надеясь личным объяснением уладить дело. Но

надежды его не сбылись, и это объяснение кончилось роковым образом: насмешки графа довершили дело, и обезумевший от горя, разоренный графом человек, под влиянием минутного раздражения, выстрелил в него из револьвера.

— Он был прав! — проговорил Виннету.

— Нет, вождь, он был не прав, потому что за его проступок пришлось страдать его семье. Счастье еще, что выстрел его не был смертельным...

— Как? — вскричал Виннету. — Он промахнулся?

Удивление краснокожего вождя было так искренне и так наивно, что Разящая Рука и все остальные не могли не улыбнуться.

— В то время этот человек еще не был знаменитым охотником прерий, каким он сделался впоследствии, — отвечал Разящая Рука, — и потом, в то время он не владел собой... Его судили — и осудили. Он отбыл тяжелое наказание. На своей родине ему было уже трудно найти себе какое-нибудь занятие. Он поехал в Америку — и вот с тех пор ищет здесь счастья, которого не мог найти в родной стране... Его семья ждет его...

Охотник замолчал.

Слушатели с участием смотрели на этого могучего, не знавшего страха человека.

Вождь апачей, уже сумевший скрыть свое волнение под маской обычного равнодушия, пытливо взглянул на своего друга и сказал:

— Брат мой знает, где теперь этот человек?

— Вождь видит его перед собой, — отвечал охотник.

— Тогда почему брат мой не привезет сюда свою жену и детей? В деревне апачей у них будет свой вигвам.

— Я не могу решиться оторвать их от людей: жена моя не перенесет тяжелой жизни пустыни, дети мои вырастут дикарями.

— Но что же удерживает моего брата здесь, а пустыне? Отчего он не возвратится к своему очагу?

— Он должен сначала приобрести средства.

— Средства? — переспросил вождь.

— Да.

— Мой брат хочет сказать, что ему нужно золото?

— Да, вождь, если хочешь, то так.

— Я дам моему брату золото.

Взоры всех с изумлением обратились на вождя.

— Да, — продолжал тот, — Виннету знает место, где лежит золото, много золота.

— Виннету знает такое место?

— Знает. От вождя к вождю племени апачей переходит эта тайна.

— Почему же вождь не воспользовался этим до сих пор? — воскликнул Мартин.

— На что послужит золото воинам и охотникам? Из него нельзя выковать оружие, оно годится только на женские украшения!..

В тоне краснокожего слышалось нескрываемое презрение.

— Но к чему же было делать из этого тайну? — допытывался Мартин.

— Земля апачей свободна, — произнес вождь, — белые не селятся на ней, и она обильна дичью. Золото привлечет белых, и племя апачей погибнет, как погибли уже многие другие племена краснокожих.

— Благодарю моего брата, — растроганным голосом сказал охотник, — и принимаю его предложение.

— Но брат мой должен обещать, а все бледнолицые охотники поклясться, что они никому другому не откроют этой тайны; что, когда они возьмут столько золота, сколько им надо, они уйдут и забудут о месте, в котором были.

Требование вождя было исполнено.

— Завтра мы выступаем в путь, — сказал он, — ведь дорога не близкая.

— Но прежде мы должны запастись необходимыми инструментами, — заметил Бауман.

— Отец мой может спокойно ехать, — отвечал вождь. — Там есть все, что надо для добывания золота.

— Как?! — вскричал Разящая Рука. — Разве мои братья апачи занимались когда-нибудь добыванием золота?

— Нет. Но земля, о которой я говорю, досталась апачам от их предков. В давние времена, когда наши пустыни не видели еще ни одного белого, жило могучее племя. Их дома были лучше, чем дома белых...

— Может ли такое быть? — перебил вождя Мартин. Виннету вспыхнул и окинул юношу горделивым взглядом.

— Язык Виннету не знает лжи! — сказал он угрожающим тоном.

— Я не хотел оскорбить тебя, — сконфуженно проговорил юноша.

— Сын твой — молодой человек, ему следует слушать старших! — заметил вождь.

— Мой сын не хотел обидеть знаменитого предводителя апачей! — постарался успокоить краснокожего Бауман.

— Виннету знает это: кто оскорбит Виннету, тот уже не увидит восходящего солнца. — Вождь помолчал с минуту. — То было мудрое племя, — продолжал он, — оно умело добывать золото. Из него

приготовляли посуду и украшения для своих жен. Пришли белые и увидели золото. Белые любят золото, и мудрому могучему племени пришлось удовлетворять алчность пришельцев. Но никто из них не захотел открыть белым место, где лежит золото, так как это место находится внутри страны. Тогда наступили воины и смуты. Белые победили и истребили краснокожих, но те не открыли страны, в которую стремились белые. Золото, послужившее причиной их гибели, было ими проклято. С тех пор индейские женщины не носят золотых украшений.

— Каким же образом, — спросил Разящая Рука, — вождям апачей удалось узнать тайну?

— Вожди апачей, — с гордостью произнес Виннету, — потомки вождей исчезнувшего племени. Виннету — старший из вождей апачей. Тайна известна только ему. Завтра он поведет белых к проклятому месту. Они найдут там золото. Да не послужит оно их гибели.

Вождь встал.

— У меня был другой план, который я хотел предложить вам, — обратился Разящая Рука к охотникам;— но теперь нам остается только принять предложение Виннету и благодарить его. Согласны ли вы следовать за мной?

— Согласны! — раздался единодушный ответ.

— Помните же, что тайна вождя должна быть свято соблюдена!..

Но об этом нечего было и напоминать, так как сохранение тайны было, очевидно, в интересах каждого из участников новой экспедиции.

— А не знаете ли вы, куда именно нас поведет вождь? — вполголоса спросил Мартин Разящую Руку.

— Этого никто не знает, кроме него самого!

— Но можно спросить у него?

— Ни в коем случае! Индейцы вообще подозрительны, как вы уже имели случай убедиться. Кроме того, подобный вопрос был бы совершенно неуместен и с точки зрения индейского этикета. Виннету мог бы подумать, что мы ему не доверяем.

— О! — воскликнул молодой человек. — Разве можно не доверять ему?.. Во всяком случае, я очень рад — не столько ожидаемому золоту, сколько тому, что нам предстоит, как я думаю, множество всевозможных приключений!

— Дай только Бог, чтобы эти приключения благополучно кончились! — серьезным тоном заметил охотник.

Действительно, никто в прериях, собираясь в какую-нибудь экспедицию, не может поручиться, что она кончится благополучно. Тем

более что в данном случае предстояло сравнительно долгое пребывание среди безлюдной, дикой и никому не знакомой пустыни.

Конечно, опасения могли быть, — но разве о них думали теперь отважные путешественники? С рассветом следующего дня бодро и весело пустились они в неизвестный путь под предводительством Виннету и Разящей Руки.

Часть II
ЗОЛОТЫЕ ПРИИСКИ БОБРОВОЙ РЕКИ

Глава первая

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Темная ночь покрывала равнины прерии. Южное небо горело звездами — огненными, блестящими почти на черном небе. Дневные звуки, которыми живет прерия, сменились оригинальным, не лишенным гармонии хором, доказывающим, что и после захода солнца пустыня дышит жизнью.

Огненная точка зажглась на ровной открытой местности, мерцая и переливаясь в обманчивой дали и представляясь одной из ярких звезд, склонившихся к горизонту. Но опытный путешественник сразу определил бы, что это огонь костра, разложенного охотниками прерии. Вокруг этого костра расположились уже знакомые нам охотники: они спали чутким, тревожным сном.

Около костра виднелась фигура часового. Он медленно ходил между спящих и время от времени останавливался, опираясь на ружье, задумчиво вглядывался во тьму ночи и напряженно прислушивался к каждому доносившемуся до него звуку.

По первому взгляду на стройную, характерную фигуру человека, в ней можно было угадать знаменитого охотника Запада — Разящую Руку.

Экспедиция уже пятые сутки находилась в пути и приближалась к цели. Горделивые уступы Кордильеров красовались перед путешественниками уже двое суток, с каждой пройденной милей все яснее и яснее выказывая и свои увенчанные белоснежным покровом вершины, и прихотливые очертания горных склонов.

Чем ближе становилась цель путешествия, тем большее возбуждение овладевало охотниками: могущественная сила золота оказывала свое воздействие. Каждый уже строил планы и мечтал о будущем богатстве.

Только один невозмутимый краснокожий вождь оставался безучастным свидетелем волнений, переживаемых его спутниками. Весь он как нельзя более подходил к окружающей обстановке, как бы составлявшей фон, на котором вырисовывалась его величавая фигура.

Снисходительное отношение, с которым он смотрел на тревоги и ожидания своих спутников, невольно проглядывало в нем и смешивалось с удивлением, которое возбуждали в нем эти тревоги. Шумные города, в которых люди бьются из-за куска хлеба, где они интригуют, завидуют, волнуются; где взгляд встречает повсюду только кирпичные стены и грудь дышит только прокопченный, смешанный с дымом воздух, — все это

было знакомо краснокожему вождю. Он бывал в этих городах, когда ему приходилось ходить к белым с тем, чтобы хлопотать за своих братьев и подписывать всегда нарушаемые договоры; и теперь он не мог без трепета вспоминать о том ужасе, который постоянно испытывал в этих городах, — он задыхался и, оглушенный, подавленный, уничтоженный, не знал, как выбраться на свободу и вдохнуть воздух родной пустыни.

И из-за чего бьются, враждуют и страдают эти белые?

Из-за кусочков желтого, ни к чему не пригодного металла? Странно, непостижимо для вождя...

И те самые люди, которых он знал и уважал, из которых одного он считал героем, достойным вечно охотиться в прериях Великого Духа, — как они сразу изменились, едва он повел их за этим проклятым золотом! Даже он, его брат, и тот изменил свое поведение достойного мужа при мысли о золоте!

И теперь среди величественной красоты ночи краснокожий вождь, не меняя своего положения, устремил взгляд на своего друга. О чем он думает?.. О своей семье, родных полях?.. Да, ему нужно золото, и, нарушая заветы своих предков-вождей, Виннету не делает ничего позорного... Но зачем же эти белые так устроили свою жизнь, что она ничего не стоит для того, кто не обладает этим презренным металлом, женской игрушкой!

Вождь вздохнул.

Как ни тих был вздох Виннету, он заставил охотника обернуться.

Виннету встал и подошел к нему.

— Пусть мой брат ляжет, — проговорил он на языке апачей, — его час прошел.

— Я чувствую близость человека, — тихо сказал охотник.

Виннету не удивился столь странным словам: у человека пустыни, привыкшего к вечному уединению, развиваются странные способности — он действительно может чувствовать происходящее, не видя и не слыша ничего. С особой отчетливостью он ощущает приближение чужого человека, пусть тот и находится очень далеко. Ночью же эта способность проявляется с еще большей силой.

Не ответив ни слова, вождь замер в той же позе, что и охотник, как бы стараясь проникнуть в мертвую предрассветную тишину и уловить никому не слышные звуки.

Прошло минуты три.

— Мой брат прав, — прошептал Виннету. — Кто-то есть в пустыне.

Он вернулся к костру и дотронулся до плеча спавшего Дэви. Охотник тотчас же вскочил на ноги.

— Пусть мой брат смотрит хорошенько! — проговорил вождь.

Сам он вернулся к Разящей Руке, и оба они неслышно скрылись в прерии.

На смену черноте ночи пришли предрассветные сумерки. Звезды побледнели. Красноватые, мерцающие полосы протянулись на восток. В этом дрожащем и призрачном полусвете все предметы приняли обманчивые, странные очертания.

Разящая Рука и Виннету быстро и бесшумно продвигались вперед, руководствуясь своим чутьем. Изредка, как бы замирая, они приостанавливались на секунду.

— Близо, — прошептал вождь.

Разящая Рука молча сделал знак своему другу. Тот отделился от него и пошел вправо. Выждав минуту, охотник пошел вперед, держа наготове свой страшный карабин.

— Не понимаю, — пробормотал он, пройдя несколько шагов, и остановился.

Теперь, несмотря на утренние сумерки, он ясно видел следы человека. Впрочем, следы эти были так заметны, что мимо них не прошел бы и менее опытный человек.

Было очевидно, что их оставил человек, совсем не знакомый с условиями, всеми соблюдаемыми в пустынях Запада. Ни один охотник, а тем более индеец, не решился бы так беспечно указывать всякому желающему путь, по которому он прошел. Именно это обстоятельство и привело в недоумение Разящую Руку.

— Новичок, — решил он, взглядываясь в следы, — положительно новичок... Во всяком случае, он где-то близко! — проговорил он через минуту.

Его пронизательный взгляд тотчас отметил шагах в двустах, под уединенным деревом, фигуру спящего человека. Одновременно он различил и приближающегося с другой стороны вождя апачей.

Через минуту оба они стояли перед закутанным в одеяло человеком.

Возле него лежал красивый штуцер, но достать его одним движением руки было бы трудно в случае внезапной тревоги.

— Лошадь там! — прошептал индеец, показывая на восток.

— Сэр! — окликнул Разящая Рука спящего. Тот не откликнулся.

Даже Виннету не смог скрыть своего удивления.

— Уф! — проговорил он. — Бледнолицый, кажется, мертв.

— Нет, он дышит! — отвечал охотник.

Как бы в подтверждение этих слов человек отвернулся и еще плотнее

натянул на голову одеяло, видимо обеспокоенный предрассветным холодком.

Разящая Рука дотронулся до спящего рукой. Тот не шевелился.

— Да проснитесь же, сэр! — крикнул он, встряхивая его.

Тот быстро вскочил на ноги и, видимо, удивленный, но совсем не испуганный появлением незнакомых ему людей, с любопытством уставился на обоих.

Перед охотниками стоял юноша, почти еще мальчик, на вид не старше семнадцати лет, несмотря на высокий рост и крепкое сложение.

Серая куртка с зелеными кантами плотно охватывала его стройный стан. Панталоны из лосиной кожи были вправлены в высокие штиблеты, черные волосы, спутанные во сне, спускались на высокий лоб и обрамляли красивое, свежее лицо. В руке он держал черную тирольскую шляпу с пером.

— Однако, сэр, — проговорил Разящая Рука, — вы довольно крепко спите.

— Устал! — рассмеялся юноша, переводя взгляд на индейца. — Он мирный? — наивно спросил он.

— Мирный, — не мог не улыбнуться охотник. — Но скажите мне, пожалуйста, кто пустил вас в прерию?

— Пустил? Меня? Я поехал сам, сэр!

— И давно вы едете?

— Двадцать восьмой день.

— И вы до сих пор не ограблены и не оскальпированы?

— О, сэр, это ведь только в романах описываются подобные ужасы! Кроме того, я вооружен.

— Хорошо же вы пользуетесь своим оружием! Где оно?

Юноша вспыхнул и поднял с земли ружье.

— Раз вы до сих пор еще живы, скажите: куда же вы направляетесь?

— К горам, сэр, к истокам Бобровой реки!

При этих словах индейский вождь сделал шаг вперед.

— Откуда моему сыну известно о существовании этой реки? — спросил он резким тоном.

— Виноват, сэр, я бы не хотел этого говорить.

Виннету быстро произнес несколько слов по-апачски, после чего Разящая Рука с удивлением и любопытством посмотрел на юношу.

— Ну, сэр, — сказал он, — так как мы едем в одно место, то не угодно ли вам присоединиться к нам?

— Благодарю вас, сэр, с удовольствием. Меня зовут Вильям Кребс.

Охотник пожал протянутую ему руку.

— Я известен в пустыне под именем Разящей Руки, — сказал он, — иногда меня называют Олдом^[7], хотя, как видите, я еще не стар... А это мой друг, вождь апачей Виннету.

Юноша пожал руку и вождю.

— Очень рад, сэр, — сказал он, — мне рассказывали много ужасов про апачей!..

— Апачи великие воины, — произнес Виннету, — они не обижают беззащитных.

— Теперь, сэр Кребс, собирайтесь — нам пора присоединиться к нашим товарищам.

— Разве вы не одни?

— Нет... Наш бивак недалеко отсюда... Неужели вы не заметили нашего костра?

— Нет, сэр, я так устал и так крепко спал... Я сейчас, сэр...

Вильям свистнул.

Послышался конский топот, и через несколько секунд перед юношей стоял чудесный арабский конь белоснежной масти.

— Как до сих пор не украли у вас эту чудную лошадь? — удивился Разящая Рука.

— О, сэр, Блекки никому не дается, кроме меня, — отвечал юноша, лаская животное и проворно накладывая седло, — он загрызет всякого, кто только осмелится до него дотронуться. Уверяю вас, что он разбудил бы меня, если бы вы подошли ко мне с дурными намерениями.

Виннету кивнул головой.

— Он заметил меня, когда я подходил, — сказал он, — умная лошадь все время следила за мной. Она понимает, какой человек злой, а какой нет...

— Скажите, Вильям, — спросил Разящая Рука, — что это у вас за инструменты?

С этими словами он указал на кожаные пакеты, которые Кребс прикреплял к седлу.

— Здесь, сэр Олд, мотыги, лопата, топор и прибор для промывки золота.

— Где же мой сын думает копать золото? — спросил Виннету.

— На Бобровой реке.

Олд и Виннету снова обменялись несколькими фразами на апачском языке, после чего охотник сказал, качая головой:

— Ну, во всяком случае, я бы не советовал вам говорить об этом

каждому встречному: это может привести вас к дурным последствиям.

— О, сэр, я очень хорошо чувствую людей. Кроме того, ваши имена уже знакомы — вдали от этих мест их произносили с уважением. Я от души рад этой встрече.

— Мой сын сказал хорошо! — одобрил Виннету.

— Идемте же, — предложил Олд.

Солнце уже поднялось над горизонтом. Дальние горные цепи курились в прозрачной дымке. Прерия ожила. Мириады насекомых оглашали ее разнообразным стрекотанием, а сверху неслись всевозможные звуки, издаваемые представителями пернатого царства.

Вдали, около горевшего костра, на котором варился кофе, виднелась группа охотников.

Появление нового спутника вызвало немалое удивление, но по обычаю никто не задавал никаких вопросов.

Разящая Рука назвал своих товарищей по именам, или, скорее, прозвищам, приобретенным ими во время жизни в прериях, и представил им юного золотоискателя.

— С каким удовольствием я выпью кофе! — воскликнул Вильям.

— Разве вам давно не приходилось его пить? — поинтересовался Бауман.

— Мне не советовали раскладывать костер, — отвечал Кребс, — чтобы не привлекать чьего-либо внимания, поэтому и кофе приходилось пить очень редко.

Виннету, несмотря на свое обычное самообладание, с трудом скрывал любопытство, которое вселял в него новый компаньон предприятия, и внимательно следил за ним во время завтрака.

Разящая Рука один из всех прекрасно понимал, чем вызвано любопытство апачского вождя. Ему самому чрезвычайно хотелось узнать, откуда Вильяму Кребсу известна тайна апачского вождя. Несомненно, что Вильям Кребс знает о золотых россыпях Бобровой реки, что, как он и сам говорил, являлось целью его путешествия.

Но если тайна известна Кребсу, значит она могла быть известна и другим людям?!

Выяснить этот чрезвычайно важный вопрос, по мнению Олда, было необходимо: в городах западных штатов всегда полно всевозможных авантюристов, не брезгующих никакими средствами для наживы. Если молодой человек говорил о своем предприятии, если, собираясь в экспедицию, он не проявил должной осторожности, — надо ожидать, что по его следам идет шайка отчаянных негодяев. Подобная встреча гораздо

опаснее, чем возможность столкновения с индейцами: авантюристы лучше вооружены, отважнее их и, главное, неразборчивы в средствах...

Весьма понятно, почему подобная шайка, знающая о цели поездки молодого человека, не только не нападала на него до сих пор, но даже и охраняла его: если бы Вильям Кребс погиб, вместе с ним погибла бы и его тайна! Этим в глазах Разящей Руки объяснилось и то загадочное обстоятельство, что с неопытным и беспечным человеком до сих пор не случилось никакого несчастья, — он был под бдительным надзором.

Итак, выяснить это обстоятельство было совершенно необходимо.

Как только отряд тронулся в путь, Олд подъехал к вождю.

— Надо остерегаться! — сказал он.

Виннету осадил лошадь, и оба они незаметно удалились от своих товарищей.

— Что хочет сказать Разящая Рука? — спросил вождь.

— Молодой человек неосторожен.

Виннету наклонил голову в знак согласия.

— Он едет из города, по дороге он проезжал много селений и мог проговориться о цели своего путешествия.

Виннету кинул на охотника тревожный взгляд:

— Пусть мой брат говорит!..

— В селениях и городах много дурных людей — они могут следить за молодым человеком и, вероятно, следят. Надо быть осторожными.

Вождь подумал с минуту.

— Как думает мой брат, — спросил он, — откуда молодому юноше могла стать известна великая тайна апачских вождей?

— Я сам думал об этом; он, видимо, не хочет признаться...

— Почему?

— Может быть, он связан словом.

— Слово надо хранить.

— Что же скажет мой брат?

— Виннету и Разящая Рука будут осторожны.

— Говорить ли об этом другим?

— Нет.

— Так же думаю и я.

— Но пусть мой брат поговорит с молодым человеком.

— Хорошо.

— Пусть он постарается узнать, как вел себя молодой человек дорогой.

— Хорошо.

— Разящая Рука поедет впереди. Виннету останется сзади.

Олд поехал вперед и догнал отряд.

Вильям Кребс, как и следовало ожидать, быстрее всего сошелся с сыном старого Баумана — Мартином. Оба юноши ехали рядом и вели оживленный разговор. Великолепная лошадь Вильяма вызывала всеобщее удивление.

— У меня хорошая лошадь, — сказал Олд, подъезжая к ним, — но, мне кажется, она никак не идет в сравнение с вашей.

— Еще не было коня выносливее, быстрее и умнее моего Блекки! — отвечал юноша, глядя лошадь по шее.

Благородное животное повернуло голову и взглянуло на своего хозяина, как бы понимая, что речь идет о нем.

— Не будет ли нескромным узнать, где вы могли достать такую красавицу?

— Я сам воспитал ее.

— В Америке чистокровные арабские лошади очень редки.

— Она привезена из Европы.

— Кто же ее привез?

— Конечно, я.

— Значит, вы не американец?

— Я англичанин.

— Простите, но я все-таки удивляюсь, как могли решиться родители пустить вас одного, неопытного и молодого, в такой опасный путь.

— Мои родители в Англии! — с грустью произнес юноша.

— А вы ищете счастья в Америке?

— Богатства!

— На что оно вам?

— Мне — оно не нужно.

— Если вы приехали в Америку без всяких средств, то как вы могли перевезти и свою лошадь?

— Это она меня перевезла.

— Она?!

— Да.

— Я не понимаю вас.

— Ничего нет проще: мой Блекки и в Англии считался знаменитейшей лошадью. Когда мой отец внезапно потерял все состояние надо было подумать о продаже Блекки...

— Продать такую лошадь?..

— Что же было делать? — с грустью отвечал Вильям. — Один из нью-

йоркских богачей предложил за нее двадцать тысяч долларов...

— Целое состояние!

— Для меня и моих родителей эта цифра очень ничтожна!

— Неужели ваши требования так велики? — воскликнул изумленный охотник. — С этими деньгами можно было бы начать дело...

— Да, но, во-первых, для этого надо было продать Блекки, а во-вторых, мой отец...

Юноша остановился.

— Не продолжайте, если вам это неприятно...

— Нет, ничего. Мой отец вел обширную торговлю. Неожиданное несчастье привело его к банкротству... Прежде чем начать новое дело, ему надо заплатить старые долги...

— Понимаю!

— Таким образом, двадцать тысяч долларов не помогли бы нам. Но я считаю — и кредиторы моего отца признали это, — что Блекки моя личная собственность. Продав его, я этими деньгами мог бы обеспечить всю семью. Разлука была неминуема, но я сам решил доставить моего друга в Нью-Йорк. Когда я привел его к новому владельцу, Блекки проявил такое отчаяние...

— В чем же оно выразилось?

— Когда я простился с ним, он бросился за мной и не хотел уходить... Справиться с ним не было возможности... Тогда мистер Пейс предложил мне уплатить стоимость переезда и оставить лошадь себе. Этого я сделать не мог. Он согласился ждать и, кроме того, — дал мне тысячу долларов. Пятьсот из них я отослал домой, а с остальными мы с Блекки едем отыскивать наше богатство и счастье.

— Но почему пришло вам в голову отыскивать золото в долине Бобровой реки?

— Я учился в Горной школе. Мои собственные теоретические заключения навели меня на мысль о том, что в этой местности должно быть золото, но, кроме того, я совершенно случайно узнал одну легенду, по которой в первые времена нашествия испанцев в Америку они истребили одно из племен ацтеков, не желавших открыть им места, где они добывали золото. Это племя отличалось сравнительно высокой культурой и обитало по течению Бобровой реки. Может быть, я ошибаюсь...

— Нет, — с живостью прервал его Олд, — вы не ошибаетесь: вождь Виннету — потомок древних вождей исчезнувшего племени, ему известны упоминаемые вами золотые россыпи, и он ведет нас туда...

— Тем лучше! — воскликнул Кребс.

- Да, но не догадается ли кто о цели нашего путешествия?
- Я не скрывался, но не говорил, куда еду.
- Во время пути вы не заметили ничего подозрительного?
- Нет, хотя Блекки временами беспокоился.
- Дурной знак! — пробормотал Олд, отъезжая в сторону.

Глава вторая

ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Вечером Виннету не явился к тому времени, когда путешественники обычно располагались на ночлег.

Все встревожились, не исключая и Разящей Руки. Он не опасался, что апачский вождь попал в руки врагов, но его отсутствие говорило о том, что он напал на след неприятеля.

Около полуночи, когда, за исключением часового, все спали, раздалось легкое ржание.

Разящая Рука проснулся, в тот же момент Вильям Кребс вскочил на ноги с невероятной быстротой.

— Блекки дает сигнал! — проговорил он.

— Вероятно, он чувствует приближение Виннету.

— Нет, о Виннету он не стал бы предупреждать.

Через секунду около костра появилась и сама лошадь.

— Что, Блекки, — говорил Вильям, — ты чуешь что-нибудь?

Умная лошадь повернула голову и тихо заржала.

— Там, Блекки!

Снова раздалось тихое ржание.

— Она указывает нам направление, откуда приближается опасность.

— Может быть, гризли спустился с гор? — вопросительно произнес

Разящая Рука.

— Нет, тогда бы Блекки ржал громко, я хорошо знаю — это он дает знать о приближении человека.

— Тогда стойте спокойно! — воскликнул Олд и скрылся во мраке.

Как только охотник исчез, Вильям взнуздal своего коня и замер в ожидании.

Прошло не более получаса, как где-то неподалеку прогремел выстрел. Спавший бивак проснулся в одну секунду; охотники с карабинами в руках готовы были встретить опасность.

— Берегитесь! — крикнул Кребс, вскакивая на лошадь. С быстротой молнии он скрылся в том направлении, откуда раздался выстрел.

Дэви и Джемми также последовали за молодым человеком.

Но в это время около костра, как из-под земли, выросла фигура Разящей Руки. По-видимому охотник нес на плечах труп.

— Ну, — проговорил он, бросив его на землю, — право не знаю, что за

враги преследуют нас. По крайней мере, убив одного из них и едва отбившись от других, я все-таки не понял, с кем имел дело.

Бауман нагнулся над лежащим на земле трупом. Все остальные окружили его с любопытством.

— Какое несчастье! — воскликнул старый охотник. — Вы убили павиана!

— Павиана! — воскликнули Джемми и Дэви.

— Так что же это такое? — с удивлением произнес Олд.

— А то, — со страхом сказал Бауман, — что теперь мы нажили себе смертельных врагов. По крайней мере, много ли их?

— Как только я отошел от костра, то сразу почувствовал, что впереди, вблизи от меня, находятся какие-то существа. Присутствие индейцев я чувствую безошибочно, но на этот раз я понимал, что имею дело вовсе не с индейцами. В это время я заметил впереди две светящиеся точки. Вскинуть ружье, выстрелить и броситься вперед было для меня делом одной секунды. В результате выстрела я не сомневался. Я схватил сраженного врага и поднял его. Но в то же мгновение в меня вцепились десятки рук. Над ухом моим раздался какой-то нечеловеческий хохот, шипение, какие-то странные звуки. Вы знаете, я сильный человек. Однако и мне было чрезвычайно трудно стряхнуть с себя врагов. Каждую секунду я ожидал, что в бок мне вонзится нож. Я бросился вперед. Нападавшие проводили меня хохотом и шипением... Теперь скажите: какой опасности можно ожидать от этих злосчастных зверей?..

С этими словами охотник указал на распростертое тело большой обезьяны.

— Вы не бывали в этой местности? — спросил Бауман.

— Нет.

— Так вы не знакомы с обычаями американского павиана. Он живет родами, состоящими из нескольких семейств. Во главе каждого семейства стоит старик, а во главе всего рода-племени — родоначальник. Павианы в высшей степени сообразительны и понятливы. Они все стоят друг за друга: достаточно кому-нибудь из них попасть в опасное положение, как все бросаются на выручку. При этом они действуют весьма осторожно, по заранее обдуманному плану. Если погибнет один из павианов — все остальные мстят за него жестоко. Вы убили, по-видимому, родоначальника...

Бауман повернул голову обезьяны и указал на седые волосы, окаймлявшие ее лицо.

— Теперь, — продолжал он, — нам надо ожидать мести со стороны

всего племени.

— Да что же павианы могут нам сделать? — воскликнул с еще большим изумлением Разящая Рука.

— Они будут мстить нам на каждом шагу, поведут против нас продуманную войну. Я начинаю даже беспокоиться, не видя нашего молодого спутника.

— Кого?

— Вильяма, который ускакал, услышав ваш выстрел.

— С его лошастью нечего бояться...

— Не говорите — вы не знаете павианов!

В эту минуту издали донесся топот.

— Вильям возвращается! — вскричал Олд.

Через секунду перед ними появилась белая лошадь. Всадника на ней не было.

Остановившись перед охотниками, она вытянула голову и жалобно заржала.

— Я предчувствовал это! — пробормотал Бауман, подходя к ней и тщательно ее осматривая.

На белой шерсти скакуна виднелась кровь.

— Когти павианов! — воскликнул Бауман.

— Пфефферкорн, Кронерс и вы, Бауман, пойдете немедленно со мной! — решил Олд.

— Позвольте, куда же мы пойдём? — остановил его старый Бауман.

— Разыскивать Вильяма!

— Где?

— Мы найдем следы павианов!

— Наверное.

— Тогда в чем же дело?

— Ночью мы напрасно подвергнем себя опасности.

— Я и ночью вижу так же хорошо, как и днем.

— Павиан — особенный враг. Его вы можете и не увидеть. Кроме того, Вильям или убит, или в плену...

— Тогда мы освободим его...

— Открытой силой этого нельзя сделать: при открытом нападении павианы его немедленно убьют.

— Мы употребим хитрость.

— Павианы живут в горах. Теперь они направляются домой. Настигнуть их очень трудно. Мы захватим их в своих жилищах. Поверьте мне, что, если молодой человек в плену, ему не причинят особенного вреда.

А то, что он в плену и не убит, — в этом я абсолютно уверен.

— Почему?

— Если бы он был убит, его лошадь не ушла бы от его тупа. Она прибежала просить у нас помощи.

Как бы в подтверждение этих слов, благородный конь снова жалобно заржал.

— Дождемся Виннету, — предложил Бауман, — он, наверное, будет к утру...

— Едва ли, — усомнился Олд, — но вам о нем нечего беспокоиться: он найдет наши следы.

— Разве с ним не может случиться ничего дурного?

— Виннету сумеет избежать опасности.

— Как жаль, что его нет сейчас с нами, — ведь местность в горах ему хорошо знакома, и он был бы просто незаменим при преследовании обезьян.

— Придется обойтись без него. Вам знакома эта местность?

— Мне случалось охотиться в предгорьях, но по течению Бобровой реки — не доводилось.

— Не беда, лишь бы юноша был жив...

Охотники, опечаленные неожиданным и необыкновенным исчезновением юноши — такого искреннего и симпатичного, — с нетерпением ожидали рассвета.

С первыми лучами солнца они уже были в пути, быстро продвигаясь в направлении гор.

Глава третья

В РУКАХ ОБЕЗЬЯН

Вильям Кребс, вскочив на лошадь, во весь опор устремился туда, откуда прогремел выстрел Разящей Руки. Блекки отлично понял намерение своего хозяина и в несколько секунд уже был далеко от бивака. С этого расстояния огонь костра казался еле заметной точкой...

Вильям, сжимая в руках винтовку и бросив поводья, целиком положился на своего умного коня.

Топот копыт резко отдавался в тишине. Вильям напрягал слух, стараясь уловить хоть малейший звук.

Внезапно в нескольких шагах впереди раздалась чей-то хохот, свист и шипенье.

Вильям инстинктивно схватил и дернул повод. Блекки остановился как вкопанный.

Взяв карабин наизготовку, юноша тихо окликнул Олда.

Внезапно он почувствовал, как его конь взвился на дыбы. В то же мгновение чьи-то цепкие руки обхватили его сзади.

Блекки бился, окруженный толпой каких-то странных человекообразных существ, нападавших на него с хохотом и визгом.

Ценой невероятных усилий Вильям тщетно пытался избавиться от охвативших его тисков. Он не обладал силой Разящей Руки — участь его была решена...

В следующее мгновение он почувствовал, как его стащили с коня и бросили па землю. Мохнатые, когтистые лапы вцепились ему в горло, и он сразу же потерял сознание.

Когда он начал приходить в себя, ему показалось, что чьи-то руки крепко обхватили его и кладут на чье-то плечо. Затем он отчетливо осознал, что его быстро несут вперед.

Вильям сделал резкое движение.

Существо, несущее его, приостановилось и недовольно заворчало. Тут же юноша почувствовал, как его обхватили со всех сторон, взяли за руки и за ноги и опять быстро понесли вперед.

Время от времени вокруг него раздавалось глухое ворчание, как будто между собой перекликались несколько человек.

«Очевидно, я в плену, — подумал молодой человек, — но почему я не связан?»

Он пригляделся к бежавшим около него фигурам. Их странная походка поразила его: все шли очень быстро, временами нагибаясь и опираясь длинными руками о землю.

«Да это же обезьяны!» — чуть не воскликнул он.

Действительно, чем больше юноша приглядывался к этим странным существам, тем больше убеждался в том, что попал в руки американских человекоподобных обезьян — павианов.

Вильям читал и слышал, что эти крупные обезьяны живут правильно устроенными обществами, что они похищают людей — особенно маленьких детей, но до сих пор не верил этому и, во всяком случае, был уверен, что, схватив человека, павианы немедленно его убивают.

Убьют ли они и его?

Если это входило в их намерения, то почему же они не убили его до сих пор?

Куда они несут его? Очевидно, в свои постоянные жилища.

Но если это так, то ему суждено сделаться их пленником, Конечно, не надолго: неужели взрослый человек не перехитрит животных и не сумеет вырваться от них?

Нет, он не допустит этого!

Положение его стало казаться ему теперь скорее смешным, чем трагичным, он не только надеялся на собственные силы, но и был уверен, что его новые друзья очень скоро начнут его разыскивать.

Но что случилось с Разящей Рукой?

Очевидно, он стрелял по обезьянам. Не находится ли и он у них в плену?

Эта мысль показалась ему невероятной. Как только он попал на Запад, то сразу услышал рассказ о Разящей Руке, которого все считают самым опытным и сильным охотником прерий. Нет с ним не могло случиться ничего такого...

Теперь Вильям уже был уверен в своем скорейшем избавлении: если Разящая Рука находился на свободе, то он сумеет освободить неопытного юношу, которого, видимо, принял под свое покровительство и который попал в опасность, бросившись к нему же на помощь.

...Начинало светать.

Вильям теперь совершенно отчетливо различал фигуры обезьян, бежавших по сторонам от него.

Они то припрыгивали, то быстро бежали, опираясь руками о землю, то шли прямо — как люди. Глухое ворчание раздавалось со всех сторон, причем теперь Вильям заметил, что изменился характер этого ворчания, —

обезьяны будто переговаривались между собой.

Как убедился Вильям, так и оказалось на самом деле. Когда несшая его обезьяна остановилась и заворчала, вокруг тотчас собралась целая толпа павианов. Гримасничая и жестикулируя, обезьяны начали свой быстрый и непонятный разговор. Затем две из них отделились от толпы и сменили тех, что несли Вильяма. В течение всего пути это повторилось несколько раз.

Обращение обезьян не отличалось нежностью: все тело молодого человека горело и ныло от боли. Временами, равномерно укачиваемый, он впадал в забытие.

Когда же он приходил в себя, то снова по сторонам и впереди от себя видел кривляющиеся и скачущие фигуры.

Ему захотелось есть и пить.

Как долго продолжится это необыкновенное путешествие? Где находится жилище павианов?

Судя по солнцу, было уже больше полудня. Обезьяны передвигались чрезвычайно быстро, и Вильям подумал, что они, видимо, прошли не менее тридцати миль, чего не в состоянии был бы проделать без отдыха даже самый выносливый и сильный человек.

Местность уже резко изменилась: вместо равнины — кругом горы, обрывистые ущелья. Дорога становилась все тяжелее и тяжелее, и павианы двигались все медленнее. Там, где проносили юношу, вряд ли когда-нибудь удавалось ступить человеку...

Иногда, в самых трудных переходах, на помощь обезьянам-носильщикам приходили еще два или три павиана. Обезьяны, видимо, хорошо понимали, что их пленник пришел в себя, — с той минуты, как юноша открыл глаза, некоторые из них вели себя довольно бесцеременно: подходили к нему, наклонялись к его лицу, строили разные гримасы, дотрагивались до его глаз, хватали за нос, дергали за волосы.

Понятно, что выражение подобного любопытства не доставляло удовольствия молодому человеку. Впрочем, очевидно, это вызывало раздражение и негодование и у несших его обезьян — они тотчас же начинали недовольно ворчать и визжать.

Переход через горы продолжался уже более трех часов. Вскоре бесплодные каменистые скаты гор и кряжи сменились покрытыми растительностью холмами, раскинутыми по долине, со всех сторон обнесенной неприступными скалами, круто обрывавшимися книзу и не представлявшими ни малейшего уступа.

На холмах, раскинутых в долине, виднелись группы деревьев, в центре долины серебрилось небольшое озерко: от него извиистой лентой

протянулся и скрылся в зеленой траве прозрачный ручеек.

Прыгая по крутым уступам, цепляясь и карабкаясь, вся стая обезьян, вместе со своей живой ношей, спустилась в долину.

Здесь Вильяма поставили на ноги, и ему пришлось быть свидетелем любопытнейшей и едва ли кем-то виденной сцены.

Как только прибывшие обезьяны вместе с юношей очутились в долине, навстречу им со всех сторон тут же стали сбегаться их собратья. Через минуту-другую вокруг молодого человека толпилось уже более трехсот павианов.

Прибывшие, насколько можно было судить по их оживленной жестикуляции и временами переходившему в визг ворчанию, видимо, о чем-то сообщали остававшимся дома павианам.

Внезапно раздался дикий, оглушительный вой — завывали все; кривляясь и гримасничая, обезьяны прыгали вокруг Вильяма.

Он долго не мог понять, что могло возбудить такое волнение среди животных.

Но вот толпа затихла, раздалась, и к Вильяму приблизились несколько павианов, впереди них, опираясь на толстую палку, шла громадного роста полуседающая обезьяна.

Остановившись против молодого человека, она несколько секунд пристально рассматривала его, глухо ворча и скаля желтые полуобгрызенные клыки.

На каждое ее ворчание толпа отвечала тихим повизгиванием.

Внезапно громадный павиан издал несколько резких гортанных звуков. В ответ ему раздался пронзительный вой.

Несколько обезьян набросились на оглушенного Вильяма. Инстинктивным движением он выхватил из-за пояса уцелевший при нем охотничий нож. Но руки его сразу же оказались стиснутыми, нож выпал на землю.

Его схватили и понесли.

Голова юноши закружилась, из пересохшего горла вырвался хриплый крик, в глазах помутнело. Он смутно сознавал, как его бросили на землю и впихнули в какое-то узкое отверстие.

Когда он открыл глаза, вокруг него царил непроглядная тьма, и только слабый, едва заметный луч падал откуда-то сверху...

Глава четвертая

НА ФЕРМЕ У ХЕЛЬМЕРСА

К ручью подъехали два человека — белый и негр. Первый поражал оригинальностью костюма. На нем были индейские сапоги, кожаные штаны и когда-то синий, а теперь совершенно выцветший фрак, с ярко начищенными медными пуговицами. Длинные полы фрака, наподобие крыльев птицы, спускались по бокам лошади. На голове была черная шляпа, украшенная искусственными страусовыми перьями. На плече висела двустволка, нож и два револьвера торчали за поясом, и тут же были прикреплены несколько сумок, вероятно предназначенных для разной мелочи, но теперь совершенно пустых.

Черный был одет не менее оригинально: на ногах у него были мокасины и кожаные ботфорты с огромными отворотами, которые находили друг на друга и таким образом могли свободно заменять седло. Верхняя же часть туалета состояла из французского офицерского драгунского мундира, который был слишком мал для его атлетической фигуры и оставлял открытой широкую нагую грудь. Его шею повязывал яркий клетчатый платок, а черная блестящая курчавая голова была обнажена.

Под ними были прекрасные лошади. Несмотря на длинный путь, который они проделали, лошади ступали бодро, как будто всего несколько часов назад отправились в дорогу.

Берега ручья были покрыты сочной травой, но только на небольшом расстоянии — дальше растительность становилась все суше и суше.

— Плохая местность, — сказал белый. — Не правда ли, Боб, на севере было лучше?

— Да, — отвечал тот, — вы правы, господин Фрэнк, мне здесь совсем не нравится, хоть бы скорей прийти в Хельмерс-Хоум, а то я голоден, как кит, который глотает дома.

— Кит не может проглотить дома: его горло слишком узко, — пояснил Фрэнк негру.

— А как далеко теперь до Хельмерс-Хоум? — спросил тот.

— Этого я точно не знаю, но по описанию, которое мы получили сегодня утром, мы должны уже быть близко к цели. Смотри, кажется, едет всадник?

Боб приложил руку к глазам, посмотрел направо через ручей и

ответил:

— Да, это всадник, маленький человек на большой лошади. Он едет в нашу сторону.

Всадник, который действительно приближался, казалось их совсем не замечал.

— Удивительный чудак, — ворчал Фрэнк, — здесь, на Диком Западе, так хорошо встретить человека, а он и не думает ехать нам навстречу. Или он враг человечества, или у него недобрые намерения.

— Давайте позовем его, — предложил Боб.

— Давай, — согласился Фрэнк.

Боб приложил обе руки ко рту и закричал во все горло:

— Хэлло! Хэлло! Остановись!

Голос негра был способен разбудить мертвого. Всадник осадил лошадь, и оба путника направились к нему.

Когда они приблизились, то увидели, что это был вовсе не маленький человек, а почти еще мальчик. Его одежда была вся из бизоньей кожи, на голове широкополая шляпа, а на поясе красный шерстяной шарф, за ним — нож и два пистолета в серебряной оправе. По обеим сторонам седла были прикреплены куски кожи для защиты ног от стрел.

Лицо его сильно загорело. С левой стороны лба шел кровавый рубец — прямо к правому глазу. Это придавало юноше особенно воинственный вид. Он не производил впечатления молодого неопытного человека. На лошади он сидел гордо и прямо.

Фрэнк поздоровался и спросил, знаком ли он с местностью и знает ли Хельмерс-Хоум?

Тот отвечал, что сам туда едет, и, предложив следовать за ним, ударил свою лошадь и поскакал в сторону от ручья, по направлению к югу. Наши путники пустились следом.

— А мы хотели ехать по течению! — заметил Фрэнк.

— Вы все равно прибыли бы в Хельмерс-Хоум, но часа через два, тогда как теперь мы будем там через три четверти часа.

— Как хорошо, что мы тебя встретили! А не знаешь ли ты владельца этой страны?

— Даже очень хорошо.

— Что он за человек?

— Если у вас дурные намерения, то лучше поверните обратно.

— Почему?

— Он очень проникателен.

— В таком случае нам нечего его бояться!

— Если вы храбрые люди, то он, напротив, будет готов на всякие услуги.

— Я слышал, что он ведет торговлю?

— Да, но не в корыстных целях, а лишь для западных племен, живущих в дружбе с ним. Он привозит в свою страну все, что требуется для охотника, и продает по самым низким ценам. Но кто ему не понравится, не найдет ничего и за большие деньги.

— Так он большой оригинал?

— Нет, но он старается обезопасить себя от западных племен. Впрочем, я не стану его описывать, вы с ним сами познакомитесь. Скажу только одно, это вас крайне удивит и насмешит: он коренной немец.

— Вот выдумал! — вскричал Фрэнк. — Чему же тут смеяться? В сущности, я должен был догадаться, что он немец, так как только немец может назвать свою страну Хельмерс-Хоум. Ты далеко от него живешь?

— Нет, у меня нет владений, я свободен как птица.

— Значит, одинокий бедняк?

— Да!

— Ты так молод и у тебя нет родителей?

— Есть, но в Англии.

— Но имя у тебя есть?

— Да, конечно: меня зовут Блади-Фор.

— Но это означает «кровавый случай»?

— Совершенно верно: я выдержал страшное нападение и один из всех остался в живых.

— Что же с тобой случилось?

— Я освободил однажды, вместе с двумя друзьями, из плена у павианов одного молодого человека по имени Кребс. Он шел вместе с другими отыскивать золотые прииски Бобровой реки и попал в лапы к обезьянам. Мы пошли на соединение с его людьми, но по дороге на нас напали разбойники — уцелел я один...

— А что же золотые прииски?

— По слухам, экспедиция по дороге натолкнулась на алмазные россыпи и отказалась идти к приискам, так как тайна их местонахождения принадлежала индейцам.

— Но ты знаешь убийц?

— Нет. Хельмерс нашел меня под кактусом в бесчувственном состоянии и взял к себе домой. Я целый месяц лежал в забытьи и когда пришел в себя, то положительно ничего не помнил. Только момент нападения я помню ясно и был бы счастлив, если бы этого никогда не было

— страстная жажда мести не гнала бы меня тогда в ужасные пустыни.

— Но почему же тебя назвали Блади-Фор?

— Потому что я был найден весь в крови.

— А родители твои англичане?

— Да. Хельмерс относился ко мне как родной отец, но ничто не могло удержать меня на месте: я рвался на волю, как сокол, у которого хищники растерзали родителей и который гонится по кровавым следам, пока не натолкнется на убийц. Его верный глаз ему не изменит, и он их узнает. Пусть они в сто раз сильнее его, пусть это ему будет стоить жизни, но он ни перед чем не остановится, и его смерть вместе с тем будет и их смертью.

Он заскрежетал зубами и так потянул повод своей лошади, что она высоко подпрыгнула.

— Так твой шрам на лбу остался еще с того времени? — спросил Фрэнк.

— Да, — ответил он мрачно. — Но лучше не будем говорить об этом. Я слишком расстраиваюсь и могу ускакать прочь, оставив вас одних отыскивать Хельмерс-Хоум.

— Да, поговорим лучше о его владельце. Кем он был там, в другой стране?

— Чиновником лесного ведомства. Кажется, главным лесничим.

— Как? — вскричал Фрэнк. — Точно так же, как и я?

— Ты тоже? Это счастливое совпадение.

— Да, я тоже был лесничим. Но почему он оставил это прекрасное место?

— Его патрон был очень гордый и упрямый человек, так что они не могли ужиться, и когда Хельмерс уходил, то получил плохие рекомендации, не позволяющие найти другое место, и он предпочел отправиться подальше. Вот мы скоро опять выйдем к ручью и вступим в лес, за которым находятся владения Хельмерса. До сих пор ты расспрашивал меня, а теперь я позволю себе задать тебе один вопрос. Этого храброго негра не зовут ли Слайдинг-Боб?

Боб так и подпрыгнул в седле.

— О! Зачем господин Блади-Фор бранит храброго Боба?

— Я не хотел тебя обидеть, но я предполагал, что я твой друг.

— Но почему же вы называете меня именем, которое мне дали индейцы за то, что я все время выпадал из седла, но теперь я умею ездить верхом и скачу, как черт.

Как бы в подтверждение своих слов, он дал шпоры лошади и умчался вперед.

— Как? Ты знаешь Боба? — изумился в свою очередь Фрэнк.

— Я знаю и тебя, — отвечал юноша.

— Как же меня зовут?

— Хоббл-Фрэнк.

— Совершенно верно. Но как ты узнал это?

— Как же не знать таких знаменитостей, как вы! Мне говорил о вас мой старый знакомый Якоб Пфефферкорн, которого называют Толстый Джемми. Он рассказал мне все о вашем путешествии, и, когда ты упомянул о том, что был лесничим, я сразу понял, с кем говорю.

— Значит, теперь ты не сомневаешься в том, что я настоящий немец?

— Этого мало. Ты, кроме того, еще и добрый, и удивительно храбрый человек.

— Как видно, толстяк меня не плохо рекомендовал!

— Еще бы! Разве он мог оклеветать своего храброго Фрэнка?

— Да, могу сказать, что мы с ним лучшие друзья на всю жизнь. Но вот возвращается Боб, и мы подъезжаем к роще.

— Затем, — сказал Блади-Фор, — надо перепрыгнуть ручей и ехать прямо между деревьями.

Они довольно скоро миновали рощу и выехали в открытое поле, засеянное картофелем. Местами попадались холмы с более плодородной песчаной почвой. Ручей протекал мимо жилого дома, за которым находились конюшни и разные хозяйственные постройки.

Дом был каменный, одноэтажный, хотя и с двух сторон над фронтоном и возвышались маленькие башенки. У входа росли два высоких тенистых дерева, под которыми стояло несколько столов и скамеек. На одной из них сидел пожилой человек с трубкой во рту. Это был высокий, широкоплечий мужчина с загорелым лицом и большой окладистой бородой. Настоящий западный человек, на которого достаточно посмотреть, чтобы сказать, что его руки не привыкли быть без работы.

Когда он узнал провожавшего путешественников юношу, то встал ему навстречу и издали закричал:

— Наконец-то, Блади-Фор, ты возвратился! Есть новости.

— Откуда? — спросил тот.

— Оттуда. — И он показал на запад.

— Какие? Хорошие?

— Не беспокойся. Кажется, Джемми опять взят в плен.

Это известие так поразило молодого человека, что он спрыгнул с лошади и сразу же бросился к бородатому:

— Ну, рассказывай же скорее!

— Говорить-то немного, но прежде все-таки представь меня прибывшим джентльменам.

— И это недолго. Ты — Хельмерс, владелец этой фермы, а это мои друзья: Хоббл-Фрэнк и Слайдинг-Боб, они тебя разыскивали, чтобы что-нибудь купить.

— Но прежде чем иметь с ними дело, я должен их узнать поближе.

— Ты можешь их свободно принять, ведь я уже сказал тебе, что это мои друзья.

— Если это не было сказано из простой любезности, то я весьма рад видеть у себя твоих друзей.

Он подал Фрэнку и негру руку и пригласил их сесть.

— Прежде всего надо позаботиться о лошадях. Вы прекрасно знаете, что это первый долг западного человека. Вы когда собираетесь опять в путь? — сказал хозяин.

— Мы ждем еще одного товарища, и, видимо, это задержит нас на несколько дней.

— В таком случае отведите лошадей за дом и позовите негра Геркулеса. Он с удовольствием вам услужит.

Они последовали его совету. Хельмерс проводил их взглядом и, качая головой, произнес:

— Удивительных оригиналов ты привез с собой.

— Не сомневайся в них и успокойся. Для этого тебе достаточно будет узнать, что это хорошие знакомые Разящей Руки, его-то они здесь и ожидают.

— Неужели Разящая Рука едет сюда?

— Совершенно верно.

— Откуда ты это знаешь?

— От Толстого Джемми Пфэфферкорна.

— И того ты видел? Я хотел бы еще раз с ним встретиться.

— Это удовольствие ты скоро получишь, так как он принадлежит к той компании, которую эти двое здесь будут поджидать.

Хельмерс закурил трубку, затянулся несколько раз и вскричал с сияющим от радости лицом:

— Вот приятное известие! И Толстый Джемми! Это и радость и честь, которую я сумею оценить!

— Теперь расскажи мне: что случилось там, в прерии?

— Конечно, преступление, — ответил Хельмерс. — Скажи, сколько времени ты не был у меня?

— Почти две недели.

— Значит, ты не видел у меня и четыре семьи, которые были у меня и хотели пройти в Льяно. По они оттуда не возвращались. Траппер Уэльс приехал оттуда, они должны были его встретить.

— Сваи были в порядке?

— В том-то и дело, что нет, и он наверняка погиб бы, если бы за двадцать лет не изучил хорошо пустыню.

— Где же он теперь?

— Он теперь отдыхает наверху, в маленькой комнате. Исхудал и страшно устал, даже ничего не ел, чтобы поскорее уснуть.

— К сожалению, я должен его разбудить и многое ему рассказать.

Молодой человек заторопился и исчез в дверях дома. Хельмерс опустилсся опять на свое место и продолжал курить трубку, бурча себе под нос:

— Толстый Джемми! Гм!.. И даже Олд — Разящая Рука! Гм... Приедет целое общество! Гм!.. Я хотел бы рассказать об этом моей Бербхен...

Он вскочил, чтобы пойти сообщить жене свою радость, но остался на месте, так как из-за угла показался Фрэнк.

— Что же, сударь, нашли вы негра? — спросил он.

— Да, — ответил Фрэнк. — С ним остался Боб, и я поручил им лошадей. Прежде всего, я должен вам сказать, что я счастлив встретить здесь коллегу.

— Коллегу? — переспросил Хельмерс. — Но где же?

— Здесь. Я говорю, собственно, лично о вас. Блади-Фор сказал мне, что вы были лесничим, а так как я тоже изучал лесоводство, то мы с вами коллеги. Моя родина — Саксония.

— Как? Следовательно, вы немец? Почему же вы говорите по-английски? (Разговор происходил все время на английском языке.)

Они перешли на свой родной язык, и Фрэнк заговорил о том, где он родился, о том, как хорошо на родине и какой прекрасный народ немцы. Он оживился, говорил много и быстро. И, что удивительно, как только он заговорил по-немецки, в нем проснулось сознание собственного достоинства, так что хозяину ничего не оставалось, как слушать и то и дело пожимать ему руку. Наконец он выбрал удобную минуту, чтобы остановить своего собеседника и принести из дома пиво и две кружки, которые он и поставил перед гостем.

— Пиво! Это восхитительно! — вскричал Фрэнк. — Это мне нравится. Я не знал, что здесь употребляют этот незаменимый напиток.

— Вы забываете — там, где появится немец, там будет и пиво, а нас здесь немало!

Он наполнил кружки и чокнулся с Фрэнком, приглашая его выпить. За пивом гость еще больше оживился и болтал без умолку. Наконец, он спросил:

— А куда же пропал добрейший Блади-Фор?

— Он пошел навестить моего гостя, чтобы узнать у него кое-что. Где же вы с ним встретились?

— Возле ручья, это примерно час езды отсюда.

— Я полагал, что вы были вместе гораздо дольше.

— Это совершенно лишнее. Видимо, есть во мне нечто привлекательное настолько, что я очень быстро приобретаю друзей. Молодой человек уже рассказал мне свою историю. Я ему весьма симпатизирую и думаю, что наша дружба будет для него залогом настоящего счастья. Между прочим, не знаете ли вы его ближе?

— Если он уже рассказал вам свою жизнь, то нет.

— Собственно, чем он живет?

Хельмерс отвечал уклончиво. Фрэнк опять перевел разговор на прежнюю тему, много говорил о своих знаниях и, наконец, поднявшись с места, стал декламировать стихи. И вероятно, еще долго продолжал бы это занятие, если бы не обратил внимание на хозяина. Тот едва сдерживался от смеха, хотя и старался этого не показывать.

— Кажется, стихи не производят на вас никакого впечатления, — огорченно заметил Фрэнк, — у вас совсем не поэтическая натура.

— Я все время удивляюсь, как вы можете так хорошо помнить стихи?

— Это не трудно: я запоминаю, что читаю, а если и забуду, то прибавлю свое.

— Вы сами поэт?

— Почти что так...

— Я вам бесконечно завидую. Однажды мне захотелось написать поздравительные стихи, я просидел два дня и так ничего и не придумал.

В это время возвратился от траппера сильно озабоченный Блади-Фор и сообщил, что в пути убито много народу.

— Как? Убиты люди? Когда же? — вскричал Фрэнк.

— Это неизвестно. Восемь дней тому назад они вышли отсюда и до сих пор еще не прибыли в пустыню. Вероятно, они утонули.

— Но может быть, они пошли в другую сторону?

— Этого-то я и опасуюсь. Здесь можно пройти только по одному пути, и он так же опасен, как в Сахаре или Гоби.

— В Льяно нет ни колодцев, ни оазисов, к тому же нет и верблюдов, хорошо переносящих жажду. Это и составляет всю опасность, в сущности,

незначительного пути, который несравненно меньше азиатской или африканской пустыни. Здесь нет устроенных дорог, и единственный путь, по которому можно проехать; обозначен кольями. Кто потеряет из виду эти колья, обречен на голодную смерть...

— В таком случае не надо упускать из виду колья, — сказал Хельмерс.

— Да, но иногда злоумышленники специально переставляют колья, и путешественники погибают.

— Но разве нельзя возвратиться обратно, когда уже станет ясно, что путь, отмеченный кольями, ложный?

— Тогда уже поздно — они не в состоянии вынести обратного пути и погибают, а разбойники, выжидавшие их смерти, попросту обирают их трупы и скрываются.

Хельмерс хотел что-то возразить, но его внимание привлекло появление нового лица, вышедшего из-за дома. Это был высокий и очень худой человек с цилиндром на голове. Одет он был в черный суконный костюм. Бледное исхудалое лицо вместе с темным одеянием говорили о его духовном происхождении. Он не спеша подошел, дотронулся рукой до шляпы и поклонился присутствующим:

— Если я не ошибаюсь, то попал к господину Хельмерсу?

— Если вам известно мое имя, то позвольте узнать и ваше, — сказал Хельмерс.

— Я Тобиас Буртон, миссионер святых последних дней.

— Следовательно, мормон? Они именно так себя называют. Вы слишком заносчивы и горды, а так как я скромный человек и с вашим образом мыслей ничего общего не имею, то будет самое лучшее, если вы ваши скромные миссионерские шаги направите в другую сторону — и прямо сейчас!

Это были довольно резкие и оскорбительные слова, однако миссионер невозмутимо возразил:

— Вы ошибаетесь, если предполагаете, что я намерен обращаться здешнего хозяина в свою веру. Я хотел бы только просить у вас разрешения отдохнуть и утолить свой голод и жажду.

— В таком случае вы можете получить все, что вам нужно, причем, конечно, за все заплатите. Надеюсь, у вас есть с собой деньги?

И он окинул незнакомца строгим, презрительным взглядом.

Мормон поднял глаза к небу, вздохнул и произнес:

— Правда, я не награжден богатствами этого грешного мира, но заплатить за еду, питье и ночлег я могу. Конечно, я не предвидел подобного расхода, так как слышал, что Хельмерс в высшей степени гостеприимен.

— Да? Это кто же вам сообщил?

— Я прямо из Тэйлорсвилла.

— Вам сказали правду, но забыли сказать, что я оказываю бесплатное гостеприимство лишь приятным мне людям.

— Значит, ко мне это не относится?

— Ни в коем случае.

— Но ведь я вам ничего дурного не сделал!

— Все может быть! Но простите меня, сударь, при взгляде на вашу физиономию мне уже делается противно.

Мормон и тут не смутился и со смиренным видом произнес:

— В этом мире участь всех праведников остается неоцененною. Не моя вина, что мой вид вам не нравится. Это уже дело ваше.

— Признаюсь, если бы кто-нибудь сказал мне то, что выслушали вы, он бы неизбежно испробовал силу моей руки. Надо иметь слишком мало самолюбия, чтобы оставаться при этом совершенно спокойным. Собственно говоря, я ничего не имею против вашего лица, но уверен — сами с собой вы совершенно иной, и лицемерие ваше очень противно. Кроме того, мне еще и другое в вас не нравится.

— Могу я полюбопытствовать, что именно?

— Я и сам вам это скажу. Мне очень неприятно то обстоятельство, что вы явились именно из Тэйлорсвилла.

— Разве у вас есть там враги?

— Ни единого. Однако, скажите, куда вы направляетесь?

— В Престон.

— Насколько мне известно, ближайшая дорога туда идет вовсе не мимо меня.

— Да, но я слышал о вас столько хорошего, что жаждал с вами познакомиться.

— Где же ваша лошадь?

— У меня нет лошади.

— Вот как? Не думаете ли вы, что я вам поверил? Вы где-нибудь поблизости спрятали лошадь. Вряд ли причины такой таинственности благовидны.

Пришелец уверял, что он никогда в жизни не сидел в седле и идет пешком, но Хельмерс продолжал настаивать на своем.

— Не старайтесь меня уверить в невозможном. В нашей стране даже женщины и дети ездят верхом. Наконец, ваш безукоризненно чистый костюм доказывает, что вы не шли пешком. Ведь ночью шел дождь, и, значит, ваши сапоги должны были быть в грязи. Да к тому же я вижу на них

следы шпор.

— Эти сапоги я купил по случаю.

— Почему же дыры, где были прикреплены шпоры, совершенно не засорены? Или вам доставляет удовольствие каждый день их сверлить?

Мормон хотел еще что-то возразить, но Хельмерс вскочил со своего места, ударил его рукой по плечу, так, что тот едва устоял на ногах, и сказал:

— Перестаньте врать. Мне, в сущности, все равно, даже если бы вы прибыли на коньках. Да вот, кстати, и доказательства вашей правдивости. — И он потянул за кончик шнурка, свисавшего из кармана, и вытащил оттуда шпоры. — В другой раз прячьте получше, — добавил он. — А теперь, если вы в состоянии заплатить, то еду и питье я вам дам, но только уходите поскорее, так как на ночлег я оставляю людей, не возбуждающих у меня никаких подозрений.

Он подошел к окну, сказал там несколько слов вполголоса и возвратился на свое место, не обращая больше никакого внимания на незнакомца. А тот сел у ближайшего стола, положил бывший с ним узелок и, сложив руки, с оскорбленным видом стал ожидать, пока ему подадут, то и дело покачивая головой.

Хоббл-Фрэнк с любопытством следил за происходящим разговором, но как только он кончился, перестал обращать на мормона внимание.

Блади-Фор же с самого появления незнакомца не спускал с него внимательных глаз. Он тер себе лоб, как бы желая что-то припомнить, а затем сел напротив мормона, стараясь его лучше рассмотреть, и, казалось, погрузился в размышления.

Из дому вышла пожилая женщина и принесла большой кусок жареного мяса и хлеба.

— Это моя жена, — сказал Хельмерс Фрэнку по-немецки.

— Несказанно рад с вами познакомиться, дорогая госпожа Хельмерс, — обратился тот к женщине, пожимая ее руку. — Я так давно не говорил с дамой по-немецки. Вероятно, ваша колыбель качалась на волнах родного Рейна или Эльбы?

— Насколько мне известно, у нас на родине нет странного обычая ставить колыбель на воду, но что касается моего происхождения, то я действительно природная немка.

— О, сударыня, поймите мои слова как поэтическое сравнение — не более!

Он заговорил о поэзии, о своем высоком призвании и говорил так быстро и много, что бедная женщина не знала, что делать, и вопросительно

взглянула на мужа.

— Это мой коллега, добрый и высокоталантливый человек. Его ждет блестящее будущее, — объяснил он жене. — Однако принеси ему еще пива!

Она взяла стакан, ушла в дом и вскоре возвратилась оттуда с пивом, а также с виски для мормона. В это время вошел негр Боб.

— Я уже справился с лошадьми и тоже попросил бы выпить и закусить, — сказал он.

Взгляд его упал на «святого» отца; он несколько секунд рассматривал его и наконец воскликнул:

— Кого я вижу? Это же господин Уэллер, который украл у господина Баумана все его деньги!

Мормон вскочил со своего места и испуганно уставился на Боба. Однако быстро овладел собой и сказал:

— Я положительно не понимаю, что говорит этот негр. Он, вероятно, не в своем уме.

— Кажется, он говорит совершенно ясно, — сказал Хельмерс, — что вы обокрали его хозяина, известного Баумана, и называет вас Уэллером.

— Меня зовут не Уэллер, а Буртон, и, вероятно, он принимает меня за кого-то другого.

— Я принимаю вас за того, кто вы есть. Могу доказать, что вы обворовали моего господина, — внешность вашу я прекрасно запомнил и сейчас же расправлюсь с вами по-своему!

С этими словами Боб бросился на него, и, вероятно, «святому» пришлось бы совсем плохо, не вступись за него хозяин:

— Боб, оставьте его в покое; я не могу позволить у себя такой произвольной расправы. Вас же, — обратился он к мормону, — попрошу поскорее избавить нас от своего присутствия, и если я как-нибудь встречу вас невдалеке отсюда качающимися на одном из деревьев, то, признаться, не буду сильно поражен...

Все замолчали. Мормон возвратился на свое место и с видимым спокойствием пытался продолжать свой обед. Боб не спускал с него глаз. Блади-Фор также продолжал следить за каждым его движением, очевидно, занятый своими мыслями.

Глава пятая

УДИВИТЕЛЬНЫЙ БЛАДИ-ФОР

Теперь все общество настолько занялось едой, что разговор совсем не клеился, хотя Фрэнк и пытался несколько раз его начать.

— Вот, господин Хельмерс, к вам едет еще один гость, — сказал он вдруг, увидев приближающегося всадника.

Хозяин посмотрел на вновь прибывшего и с радостью воскликнул:

— О! Я узнаю его, это очень хороший и надежный человек и к тому же прекрасный фокусник! С его талантом он у себя в Германии приобрел бы большую известность, и удивительно, что он странствует здесь, на Диком Западе. Я всегда рад его видеть.

Тот, о ком шла речь, уже подъехал к дому и слез с лошади. Это был маленький коренастый человечек с небольшим горбом. Полное, гладко выбритое лицо его было весьма симпатичным, хотя на левой щеке резко выделялся шрам. Один глаз его был синий, а другой черный. Высокие сапоги, кожаные штаны и синяя блуза составляли его костюм. Из-за кожаного пояса торчали револьвер и нож, на лоб была надвинута большая шляпа. Он подошел к хозяину, протянул ему обе руки и сказал:

— Здравствуй, дорогой господин Хельмерс. Найдется ли у тебя для меня место, за которое, впрочем, я ничего не заплачу?

Говоря это, он вопросительно взглянул на присутствующих.

— Для тебя, — ответил хозяин, — у меня всегда есть место, а сегодня ты еще и встретишь приятное общество.

— Нисколько не сомневаюсь. Нашего Блади-Фора я уже знаю; этот маленький господин во фраке тоже кажется симпатичным, о негре я вовсе не беспокоюсь и, наконец, третий, — при этом он очень недружелюбно взглянул на мормона, — его я тоже постараюсь узнать.

Было очевидно, что и он настороженно отнесся к «святому».

— Садись и скажи, что ты хочешь поесть? — пригласил хозяин.

— Угости меня жареной курицей!

— Вот это будет затруднительно, так как работницы нет дома и некому курицу ощипать.

— А этого и не надо!

— Что же, ты хочешь есть ее с перьями?

— Как видно, ты меня плохо знаешь, если считаешь, что я не справлюсь с таким пустяком.

Он прицелился в одну из бегавших неподалеку кур; после того как она упала, все перья с нее моментально облетели!

Присутствующие были поражены, а фокусник объяснил, что это всего лишь ловкость: он выбрал молодую курицу и зарядил пистолет мелкой дробью, так что она как бы обрила птицу.

Честно говоря, объяснение не внесло никакой ясности, оставив слушателей в полном недоумении, но им пришлось удовлетвориться, так как фокусник оставил при себе тайну этого ловкого номера.

Он подошел к столу, и хозяин представил ему гостей.

— Эти два джентльмена почти не знакомы мне, но они друзья Разящей Руки и как раз поджидают его здесь.

— Неужели? Как вовремя я приехал — мне давно хотелось увидеть Разящую Руку!

— Кроме того, тебе должно быть приятно, что этот господин — немец. Его зовут Фрэнк.

— Фрэнк? — прервал тот Хельмерса. — Быть может, сам Хоббл-Фрэнк?

— Поразительно! — воскликнул маленький саксонец. — Откуда вы знаете мое имя?

— Вас не должно это удивлять. Прежде, правда, многие подвиги на Диком Западе оставались незамеченными, но теперь все из ряда вон выходящее моментально становится известным. О вашем путешествии знает уже вся страна, и ваши имена также небезызвестны; ваша скромность же еще более увеличивает ваши подвиги. Мне бы хотелось быть с вами в дружбе.

При этом он протянул руку, которую Фрэнк слегка отстранил.

— Нет, — ответил он, — я смотрю на дружбу слишком серьезно, чтобы принять ваше предложение, хотя могу сказать, что вы найдете во мне знающего и опытного человека, и, если вам понадобятся какие-нибудь сведения по философии, истории или поэзии — весьма рад буду быть полезным.

Затем он впал в свойственный ему хвастливый тон и кончил тем, что продекламировал несколько стихотворений.

— О, да вы поэт, — сказал Фред (так звали молодого фокусника). — Ваши знания тем более удивительны для меня, ведь я едва помню то, что проходил в гимназии...

— Почему же вы не пополните своих знаний?

— Во всяком случае, теперь я не могу это сделать — меня задерживает на Диком Западе очень серьезная задача: я должен отыскать здесь одну

личность...

— Нельзя ли узнать: какую?

— Нет. Это моя тайна.

— Очень жаль. Я бы мог быть вам полезным, так как на днях встречусь с людьми, которые знают здесь каждый уголок. Это Разящая Рука, и Толстый Джемми, и Длинный Дэви, и Виннету, который...

— Виннету? — перебил его Фред. — Впрочем, понятно, что вы его знаете, ведь он также совершал подвиги. Где же вы с ним встретитесь?

— Это знает только Разящая Рука. Вероятно, по ту сторону Льяно-Эстакадо.

— Тогда и я его увижу, так как приглашен одним обществом провожать их в Эль-Пасо: они хотят сделать хорошее дело в Аризоне.

— Это не насчет ли алмазов? — спросил Хельмерс.

— Совершенно верно. У них есть с собой большие деньги.

— Неужели ты веришь в эти алмазы?

— Уверен, что это вымысел.

Действительно, в то время распространился слух, что в Аризоне обнаружены алмазы, и многие золотопромышленники, даже из Калифорнии, отправлялись туда в надежде обогатиться. Возникали акционерные общества, и комиссионеры разъезжали повсюду с пробами, но в конце концов небольшая компания купцов скрылась с собранными деньгами, и обманутые акционеры возвратились ни с чем. Хотя иные и до сих пор считают, что в Аризоне есть алмазы.

— Какое ваше мнение по этому поводу, господин Фрэнк? — спросил Фред.

— Меня весьма радует, — ответил тот, весьма польщенный, — что вы обращаетесь ко мне с таким доверием. Конечно, это прекрасный случай, когда бы я мог блеснуть своими познаниями в области минералогии, рассказать вам, что такое алмаз и еще очень и очень многое по этому поводу, но меня это совсем не интересует. Да и каждый благоразумный человек не должен придавать значение алмазам. Ведь мы — немцы, и каждый из нас носит в груди драгоценный камень; это — верное немецкое сердце, его воспевали многие поэты.

— Совершенно верно, — согласился Хельмерс, — что такое алмаз? Вздор. Да и те люди, которых ты будешь провожать, очень глупы, если дают понять, что у них с собой так много денег. Лучше бы они с этими деньгами сидели дома. С деньгами, особенно в нашей стране, надо быть очень осторожным!

— Завтра к вечеру они будут здесь, и я специально поторопился, чтобы

до их прихода воспользоваться твоим приятным обществом.

— Сколько же их?

— Всего шесть. Некоторые из Нового Орлеана — они мечтают вернуться великими богачами и держат себя так надменно! Но меня это не касается, мне будет заплачено, а больше ничего и не надо.

— Найдут ли они ко мне дорогу?

— Еще бы! Я так хорошо им всё объяснил, что ошибиться просто невозможно!

— Что случилось, Боб? — спросил хозяин внезапно вскочившего со своего места негра.

Надо сказать, что на протяжении всего разговора и негр и Блади-Фор следили за мормоном. Он делал вид, что совсем не понимает немецкой речи. Когда же заговорили об алмазах и о людях, ожидаемых Фредом и везущих с собой деньги, он стал заметно вслушиваться и, вероятно, решил воспользоваться сумерками — потянулся за своим узелком, желая незаметно исчезнуть. Но Боб был слишком внимателен, чтобы не заметить этого движения, и с шумом вскочил со своего места. На вопрос Хельмерса он ответил:

— Вор хотел убежать, но я не допущу этого.

С этими словами он сел рядом с мормоном.

— Пускай себе этот чужак бежит, — заметил Хельмерс, — он, кажется, не стоит нашего внимания.

— Вы совершенно правы: он-то не стоит, но деньги, которые он украл, стоят, и я его отсюда не выпущу!

— Кто же это, однако? — спросил Фред вполголоса.

— Он мне с первой минуты не понравился. У него вид волка, шныряющего невдалеке от овчарни. Если мне не изменяет память, я видел его при обстоятельствах, не говорящих в его пользу.

Хельмерс объяснил, что имеет Боб против этого незнакомца, и добавил:

— Блади-Фор тоже, кажется, сильно заинтересован этим субъектом.

— Да, — откликнулся молодой человек, — этот «святой» сделал когда-то мне что-то весьма неприятное.

— Что же именно?

— Вот в том-то и дело, что сколько я не ломаю себе голову, никак не могу вспомнить. Как будто я видел дурной сон, подробности которого совершенно улетучились из моей памяти.

— Мне это совсем непонятно. Как можно знать, что человек сделал вам зло, и не помнить, какое именно? Однако пойдёмте в дом, здесь уже

совсем темно, — поднялся хозяин.

— Нет, — сказал Блади-Фор, — этому господину туда нельзя, а я боюсь упустить его из виду.

— Во всяком случае, я позабочусь о каком-нибудь свете, а то он, пожалуй, и на самом деле улизнет отсюда.

С этими словами Хельмерс ушел и вернулся с двумя лампами. Это были большие медные чайники, из отверстий которых торчали толстые светильники без стекол. Света было немного, но вполне достаточно для небольшого пространства, где размещалось наше общество. В то время, когда Хельмерс подносил лампы к деревьям, послышались шаги, и он подумал, что возвращается его рабочий. Когда же вновь прибывший попал в полосу света, то присутствующие увидели высокого, черноглазого плотного человека с окладистой бородой. Одет он был по-мексикански. Из-за пояса высывалась рукоятка ножа и два пистолета, а в руке незнакомец держал винтовку в тяжелой серебряной оправе.

Как только взгляд его упал на мормона, он незаметно мигнул ему — очевидно, это был знак.

Гость поздоровался и сказал:

— Вечер с бенгальским освещением! Очевидно, хозяин здесь человек поэтичный. Нельзя ли мне отдохнуть с вами четверть часа и чего-нибудь выпить, если здесь вообще можно что-нибудь достать?

— Присядьте, сударь. Что вам угодно? — спросил Хельмерс. — Пива или водки?

— Я ничего не смыслю в вашем немецком пойле; дайте мне крепкой водки, только побольше. Понятно?

Вид и тон его речи обличали человека, который никому не позволит с собой шутить.

Хельмерс встал, чтобы принести водки, и указал незнакомцу на скамью, где они все сидели.

— Благодарю, — ответил тот, — я не хочу так тесниться и предпочту общество того господина, который сидит один.

Он прислонил свое оружие к дереву и сел рядом с мормоном. Они поклонились друг другу как совершенно незнакомые люди.

Хельмерс ушел в дом, а остальные стеснялись слишком открыто проявлять свое любопытство и наблюдать за незнакомцем, поэтому ему оказалось совсем нетрудно перекинуться со «святым» несколькими словами.

— Почему ты не пришел? Ты же знаешь, что мы ждем известий? — заговорил он по-английски.

— Меня не выпускают отсюда.

— Кто?

— Этот проклятый негр не спускает с меня глаз! Он утверждает, что я обокрал его хозяина, и хочет меня убить!

— Ну, первое, может быть, и так, а на последнее уж он пусть не рассчитывает, если не хочет, чтобы его черную физиономию раскрасили кровью. Есть здесь что-нибудь новое?

— Да. Шесть охотников за алмазами хотят переправиться через Льяно.

— Черт возьми! Это очень приятно. Мы заглянем в их карман. С последней несчастной компании совсем нечего было взять. Однако тише... Хельмерс идет сюда.

Хельмерс подошел с большой пивной кружкой, наполненной виски, и проговорил:

— Пейте на здоровье! Вы, вероятно, долго ехали верхом!

— Верхом? Черт возьми! У вас, верно, нет глаз или уж слишком их много, если вы видите даже то, чего нет! Для этого прежде всего нужно иметь лошадь.

— Несомненно.

— Где же в таком случае моя лошадь?

— Во всяком случае, там, где вы ее оставили. Это уже ваше, а не мое дело.

— Что же, я оставлю свою лошадь за тридцать миль, чтобы выпить у вас ни к черту не годного виски?

— Если оно вам не нравится, можете не допивать его, другого у меня нет. Я все же останусь при своем мнении — вы не пришли пешком.

— Не стоит обо мне так беспокоиться!

— Да, но я всегда беспокоюсь о тех, кто находится у меня.

— Что же, вы меня боитесь?

— Ну, посмотрел бы я на человека, которого испугается Хельмерс!

— Это мне нравится! Так вот я хотел бы переночевать в вашем доме.

— Для вас у меня нет места.

— Вот как! Почему же?

— Потому что вы сами просили меня о вас не беспокоиться.

— Не бежать же мне теперь, ночью, к вашему соседу, туда я смогу добраться только завтра после полудня!

— Можете ночевать под открытым небом — ночь тепла, земля вам будет мягкой постелью, а небо покрывалом.

— Значит — вы меня гоните?

— Да, сударь, кто желает быть моим гостем, должен быть несколько

повежливее, чем вы.

— Как вам угодно. Я найду место, где провести ночь, но перед тем, как уснуть, подумаю, что вам скажу, когда нам случится встретиться.

— Не забудьте подумать и о том, что я могу ответить.

— Это что — угроза?

— О нет! Пока меня не трогают, я очень миролюбивый человек.

— И я бы вам это посоветовал. Вы живете так близко от Льяно, что лучше всего быть осторожным и по возможности жить в мире с людьми, а то когда-нибудь Дух Льяно найдет дорогу и к вам.

— А вы когда-нибудь его видели?

— Нет. Но кто не знает, что он показывается гордым людям и отправляет их на тот свет?

— Я не стану вам противоречить, быть может, что все, кого нашли в Льяно убитыми Духом ударом в лоб, и были гордецы, но верно и то, что все они были убийцы и разбойники.

— Вы полагаете? И можете доказать?

— Достаточно и того, что при всех убитых не находили никаких вещей и денег.

— Ну, во всяком случае, я бы вам посоветовал быть полюбезнее со своими посетителями, не то и вас когда-нибудь найдут с пробитым лбом в Льяно!

— Милостивый государь! — вскричал Хельмерс. — Скажите еще слово — и я вас убью! Я не убийца, а честный человек. Скорее это можно подумать про вас, человека, который прячет свою лошадь, чтобы осмотреть окрестности. Вы сегодня уже второй, который врет, что он пришел пешком. Быть может, ваши лошади стоят где-то вместе, а еще вернее, что там есть еще несколько всадников и они ждут от вас вестей. Эту ночь я буду оберегать свой дом, а ранним утром пойду осмотрю свои владения. И я почти уверен, что найду ваших прекрасных лошадей.

Незнакомец поднял обе руки и прошипел:

— Если ты хочешь сказать что-то против моей чести, то повтори еще раз, и я убью тебя.

Блади-Фор вначале не обратил внимания на этого человека, но при его последних словах, взглянув на него, быстро вскочил с места. Взгляд его упал на винтовку незнакомца. В момент его лицо преобразилось. Он схватился за рукоятку своего ножа.

— Что тебе нужно, мальчишка? — закричал тот.

— Я хочу ответить тебе за Хельмерса, — сказал юноша спокойно. — Да, ты разбойник и убийца. Берегись Духа Льяно, так как он каждому

убийце дарит пулю в лоб.

— Мальчишка, в уме ли ты? Да я раздавлю тебя одним движением руки!

— Ну, это ты оставь! С Блади-Фором не так-то легко справиться! Ты поражен, что мальчик осмеливается тебе сказать это? Ты — убийца, и так как Дух Льяно отсутствует, я заменю его. Молись, ибо сейчас ты предстанешь перед судом Всевышнего.

Эти слова молодого человека, еще почти ребенка, произвели необыкновенное впечатление на присутствующих. Совсем не таким он казался до сих пор. Перед ними стоял юноша — гордый, взволнованный, с грозно поднятой рукой; его глаза сверкали и во всех чертах лица сквозила непоколебимая решительность. Бичом правосудия казался он теперь.

Незнакомец, не теряя присутствия духа, вскричал:

— Он в самом деле сумасшедший! Блоха хочет проглотить льва! Это неслыханно! Ну-ка повтори еще раз, что я убийца!

— Не бранись! Что я сказал — истина. Чье ружье там, у дерева?

— Конечно, мое.

— С каких пор оно твое?

— Уже более двадцати лет.

Несмотря на свою заносчивость, он и не думал оставлять слова юноши без ответа.

— И ты можешь доказать это?

— Как же я это докажу. Быть может, ты представишь доказательства противного?

— Да, эта винтовка принадлежала господину Родригесу Пинто из Цедар-Брове. Он был полгода назад здесь с женой и детьми в гостях, но домой не возвратился. Их трупы были найдены в Льяно, но преступники ушли от ответа. Это оружие принадлежит ему и было тогда с ним. Если бы ты сказал, что купил его у кого-нибудь, можно было бы еще сомневаться, но ты утверждаешь, что оно принадлежит тебе уже двадцать лет, а потому ясно, что именно ты и есть их убийца!

— Собака! — прохрипел незнакомец. — Докажи, что это не моя собственность, или я задушю тебя.

— Сию минуту.

Юноша взял ружье и нажал на маленькую серебряную пластинку на ложе. Пластинка отскочила, и под ней оказалась другая такая же пластинка с вырезанным на ней именем.

— Вот неопровержимые доказательства того, что этот человек убийца, — обратился он к присутствующим, — и минуты его сочтены.

— И твои также, — вскричал тот, стараясь завладеть ружьем.

Но Блади-Фор моментально отскочил, замахнулся на него и закричал:

— Ни с места! Иначе я пущу тебе пулю в лоб! Я знаю, как обращаться с вашим братом. Хоббл-Фрэнк, Фред, держите ваши ружья наготове и, если он только пошевелинется, сразу же стреляйте!

Все прицелились. Понимая, что с ним не шутят и речь идет о его жизни, незнакомец стоял без движения. Блади-Фор опустил свое ружье:

— Я уже сказал, что тебя ждет, и не отступлюсь от своего решения.

— Но по какому праву? — спросил незнакомец дрожащим голосом. — Ведь я невиновен. И если бы даже было наоборот, то я не допущу, чтобы меня убил такой мальчишка, как ты, почти ребенок...

— Я докажу тебе, что я не ребенок. Ты теперь в моих руках, и я совершенно свободно мог бы тебя пристрелить, но я предлагаю стать друг против друга с оружием в руках. Я ставлю жизнь против жизни. Это будет не убийство, а благородная дуэль.

— Так и быть, я согласен на дуэль. Если ты настолько сумасшедший, что хочешь со мной равняться, будь по-твоему, но помни — моя пуля еще ни разу не ошибалась! Но одно условие: если я убью тебя, то свободно уйду отсюда и чтобы никто мне не препятствовал в этом.

— Еще чего! — возмутился Хельмерс. — Если ты выйдешь победителем, то уж, вероятно, найдутся люди, которые захотят с тобой посчитаться!

— Нет, — перебил его Блади-Фор, — этот человек принадлежит только мне, и вы на него не имеете никаких прав. Если ему повезет, то я требую, чтобы он мог свободно удалиться. Вы должны дать мне слово, что и после моей смерти не нарушите этого обещания.

— Если ты требуешь этого и непременно хочешь пасть от руки этого негодяя, даруя ему свободу, то пусть будет по-твоему.

— Положим, если он обещает не промахнуться, то это еще не значит, что моя пуля не попадет ему в лоб. Ну, говори же, на каком расстоянии ты хочешь стреляться? — спросил он противника.

— Пятьдесят шагов.

— Однако это не близко. Как видно, ты порядком дрожишь за свою шкуру.

— Дай же скорее мне оружие!

— Нет, не прежде, чем все будет приготовлено, а то ты еще улизнешь. Хозяин отмерит пятьдесят шагов, Боб и Хоббл-Фрэнк станут возле каждого из нас с лампой, чтобы цель была освещена, тогда Хельмерс и Фред вручат нам ружья.

— Будем мы приближаться?

— Нет, и поэтому Фрэнк и Боб возьмут по заряженному револьверу с поднятым курком, и того, кто осмелится сделать шаг вперед или назад, они уложат выстрелом в упор.

Все были настолько заняты приготовлениями к дуэли, что совсем забыли о мормоне, который привстал со своего места и ждал удобного момента, чтобы скрыться.

Противники заняли свои места. Фрэнк и негр держали в одной руке по лампе, в другой — револьверы с поднятыми курками. Блади-Фор был совершенно спокоен, но незнакомец при всем старании не мог скрыть своего волнения и трясся, как в лихорадке.

— Ну что, вы приготовились? — спросил Хельмерс.

— Да, — ответили оба.

— Не пожелает ли кто из вас сделать какие-нибудь распоряжения на случай своей смерти?

— Черт тебя возьми с твоим любопытством! — вскричал незнакомец.

— Нет, — отвечал в свою очередь Блади-Фор, — если он меня вдруг убьет, то ты найдешь в моем дорожном мешке все, что тебе надо узнать. Приступим же скорее!

Хельмерс дал ему винтовку, которую тот покачал в правой руке, будто желая ее взвесить. Он совершенно не был похож на человека, жизнь которого висит на волоске. Противник же его почти вырвал ружье из рук Фреда, подался вперед левым плечом, прицелился и выстрелил.

— Какое счастье! Господин Блади-Фор невредим! — закричал Боб.

Он прыгал от радости, лампа дрожала в его руке, и Хельмерс никак не мог призвать его к порядку.

— Будешь ли ты стоять спокойно? Ведь нет никакой возможности целиться, если ты будешь скакать с лампой!

— О, теперь я не пошевельнусь, — сказал негр, вытягиваясь в струнку. — Господин Блади-Фор может спокойно стрелять.

Но незнакомец, не отнимая ружья от щеки, выстрелил второй раз и опять не попал; наконец, когда и третья его пуля пролетела мимо, он отскочил в сторону, надеясь успеть убежать.

— Стой! — закричал Боб. — Иначе я выстрелю!

Он не замедлил исполнить свою угрозу, и сразу раздались два выстрела — это Блади-Фор, видя, что противник стоит неподвижно, прицелился и выстрелил тоже.

— Ступай, Фрэнк, ты найдешь его лоб простреленным, — сказал он так спокойно, будто ничего не случилось, и повернулся спиной к тому

месту, где лежал его бездыханный противник.

Все бросились туда. Негр несколько не сомневался в том, что именно он уложил незнакомца, и на ходу распространялся о том, как хорошо он умеет стрелять. Но Хельмерс умерил пыл Боба, доказав, что его пуля задела только кончик платья, а в лоб попал Блади-Фор.

— Но это удивительно, Блади-Фор, ведь ты почти не целился, — обратился он к молодому человеку.

— Я хорошо знаю свое оружие, — ответил тот скромно. — Да и ничего удивительного нет в том, что я остался победителем, ведь противник был слишком взволнован.

Незнакомец лежал мертвый, во лбу у него зияла черная дыра. Пуля пробила череп и вышла через затылок.

— Точно такой же выстрел, каким награждает Дух Льяно, — удивился Фред. — Что же теперь делать с трупом?

— Во всяком случае, надо с ним поступить как подобает. Какой бы он ни был негодяй — он все же человек...

Эти слова Хельмерса были прерваны отчаянным воплем негра, обнаружившего исчезновение мормона. Все, кроме Блади-Фора, бросились его догонять. Юноша остался один и задумался о том, правильно ли он сделал, сосредоточив все внимание на одном незнакомце.

«Кто знает, — думал он, — быть может, этот мормон еще поважнее. Впрочем, я его где-то видел и приложу все усилия, чтобы встретиться опять и, по возможности, скорее».

В это время возвратилась вся компания, поиски оказались напрасными...

— Этого надо было ожидать, — сказал Блади-Фор и поднял винтовку убитого. — Оружие я возьму с собой, чтобы отдать кому надо.

— Разве ты уезжаешь? — спросил хозяин.

— Да, ведь я давно хотел ехать, и только этот незнакомец заставил меня напрасно потерять столько драгоценного времени...

— Когда же я опять увижу тебя?

— Когда будет нужно. Не раньше и не позже.

Он сел на свою лошадь и ускакал.

— Удивительный молодой человек! — заметил Фред.

— Да, — ответил Хельмерс, — он юн, но не уступит и старику, и я уверен, что в скором будущем этот «святой» Тобиас Буртон попадет к нему в руки, а может быть, и еще кое-кто.

Глава шестая

О ЧЕМ РАСКАЗАЛИ СЛЕДЫ

Часа за два до встречи Хоббл-Фрэнк с Блади-Фором два всадника выехали из Колемэн-Сити. Местность они хорошо знали. Мулы их были измучены и еле двигались. Всадники имели вид изнуренных и усталых людей, но при взгляде на их веселые лица и на то, как крепко они держались в седле, это впечатление исчезало. Очевидно, сухой западный ветер не терпел лишнего мяса на костях, хотя и награждал крепким здоровьем и бодрым духом. Оба поразительно походили друг на друга, так что казались братьями или даже близнецами. Единственное отличие одного составлял шрам на левой щеке. Они были одеты в старые суконные костюмы, высокие сапоги со шнурками и широкополые шляпы. Блузы были подпоясаны кожаными кушаками, за которыми находилось необходимое и обычное для западного человека оружие — револьверы и ножи. У каждого было также по винтовке. За плечами висели широкие кожаные плащи. Они не обладали мужской красотой, и что сразу же бросалось в глаза — так это их носы. Они отличались не только своей величиной, но цветом и формой. Трудно представить себе подобные носы! Они блестели, переливались всеми цветами радуги, и были поразительно похожи один на другой.

Нет, их лица вовсе не производили отталкивающего впечатления, напротив — они были гладко выбритыми, на губах блуждала беспечная улыбка, а добрые темные глаза смотрели так ясно и дружелюбно, что только самому отъявленному негодяю пришлось бы в голову что-либо заподозрить против таких людей.

Дорога шла лесом. Временами всадники старались разглядеть между деревьями признаки какой-нибудь воды.

— Заколдованная, местность, — сказал один из них. — Неизвестно, когда мы глотнем хоть немного воды.

— Ничего, Тим, — возразил другой, — можно немного и пострадать, имея такой кусочек в кармане! А если нам еще посчастливится по ту сторону Льяно...

— Ты, Джим, кажется, уверен, что мы найдем алмазы, но может случиться и наоборот.

— О! Я все равно никогда не пожалею о нашей поездке. Цель стоит того, чтобы испытать и больше, чем мы с тобой перенесли. Однако что это

там?

К этому времени они выехали на опушку, и перед ними, довольно близко, предстала группа из шести всадников. О них-то и спрашивал Джим.

— Отступать уже поздно, — продолжал он, — нас тоже видели. Интересно, что им надо?

— Во всяком случае они не выглядят опытными стрелками! Одеты они прекрасно, и оружие их так блестит, что вероятно, оно очень мало находилось в действии. Да, если бы их было и вдвое больше, неужели это могло бы испугать двух таких храбрецов, как мы с тобой!

Между тем всадники уже совсем приблизились, и из группы слышались голоса:

— Подъезжайте скорее! Вы увидите нечто интересное!

Когда же они поравнялись, раздался громкий смех.

— Что это? — воскликнул один из них, — Такого чуда мы еще никогда не видели! Позвольте мне удостовериться, настоящий ли ваш нос или это произведение искусства?

С этими словами он хотел ухватить одного из братьев за нос. Но тот отстранил его руку и сказал:

— Прежде всего позвольте узнать, кого мы имеем честь видеть.

— Меня зовут Гибсон, — ответил тот.

— Считаю своим долгом предупредить вас, господин Гибсон, что если вы дотронетесь до моего носа, то познакомитесь с моим револьвером.

— Вы меня этим не испугаете, милостивый государь, но позвольте мне, в свою очередь, узнать, как вас зовут?

— Наша фамилия Гофман, и мы братья.

— Это и без ваших слов ясно, что вы братья: стоит только взглянуть на ваши носы...

Тим схватился за револьвер, но его остановил Джим.

— Полно вам, господа, ребячиться! Не будьте смешными. Поедем лучше дальше.

Он ударил своего мула, и братья направились к тому месту, откуда ехали незнакомцы.

Им открылась ужасающая картина. На земле лежал труп белого, окровавленный и оскальпированный, лицо было изуродовано ударами ножа до неузнаваемости. Поблизости лежала и лошадь, из ее распоротого брюха вывалились все внутренности... Когда оба брата приблизились и хотели поискать в карманах убитого какие-нибудь документы, те шестеро уже были рядом. Тим запустил руку в карман куртки убитого, когда Гибсон воскликнул:

— А! Вы хотите ограбить труп! Я этого не могу допустить. Имейте в виду, что я — юрист, и поэтому мы вас отведем в Хельмерс-Хоум, где и разберем все дело по закону. А чтобы вы не вздумали убежать, отберем у вас мулов.

Его спутники тотчас же поспешили исполнить его приказание.

— Но, сударь, — запротестовал Джим, — вы не имеете никакого повода к тому, чтобы считать нас грабителями, и ведь в карманы можно было полезть и с другой целью. Мы честные люди...

— Мало ли что вы станете болтать, — перебил его назвавшийся юристом. — Мне законы прекрасно известны, и я считаю себя вправе вас задержать, а потому попрошу отдать мне ваше оружие.

— С удовольствием, — сказал Джим, — вот тебе мое.

С этими словами он выстрелил, и Гибсон едва успел отскочить в сторону.

— Что это значит? — спросил он.

— Это значит, что я прошу взять оружие из моих рук самим, но при этом быть как можно осторожнее.

— Я велю вас связать! — горячился Гибсон.

— О, сделайте одолжение, и чтобы вашим спутникам было удобнее это исполнить, мы освободим их руки от наших мулов.

Братья позвали животных по именам, и те тут же прискакали к ним со всех ног, и оба беспрепятственно вскочили в седла.

— Попробуйте теперь нас связать, — сказал Тим, — и не думайте, что так легко схватить вестмена.

— Если вы станете противиться дальше, мы будем в вас стрелять!

— Ну, это вы лучше оставьте, и, если кто-нибудь приблизится к нам хоть на шаг, я пушу в него пулю. Вы решили по-своему, а теперь уж позвольте нам с братом осмотреться и объяснить вам, как мы понимаем обстоятельства дела.

Они перекинулись друг с другом несколькими словами и разъехались один направо, другой налево, описали большой круг и вернулись на то же место.

При этом они тщательно осмотрели все следы, даже поднимали и разглядывали камешки, когда они казались им подозрительными.

— Вот видите, мы внимательно осмотрели следы и теперь можем рассказать вам, кто здесь был и что происходило со всеми подробностями: на песке вестмен читает, как в открытой книге. Прежде всего, обратите внимание на этот труп, человек убит выстрелом навывлет в самое сердце, очевидно, он умер моментально. Теперь пойдёмте за мною.

Он отвел всю компанию на несколько десятков шагов от трупа и продолжал:

— Пуля, которой убит несчастный белый, лежит, как видите, здесь. Следовательно, он был перенесен туда уже после смерти. Затем очевидно, что здесь лежал человек, и это видно по следам на песке, но лежал он без одеяла, а его-то уж имеет с собой даже самый бедный человек на Западе. Вероятно, он был вынужден прилечь неожиданно и быстро, тем более это ясно, что есть след только от одной ноги, так что он не успел вытянуться и только прилег. Обратите теперь внимание на это растение, и вы заметите, что его стебель прострелен пулей.

Присутствующие внимательно следили за всем, что он говорил, и поражались его опытности.

— Теперь я вижу, — сказал Гибсон, — что вы по песку действительно читаете, как по книге.

Тон его совершенно изменился и стал не только вежливым, но даже заискивающим.

Между тем Тим повел всех еще немного дальше, по направлению к западу, и продолжал пояснять найденные им следы.

— Вы видите, — говорил он, — здесь тоже, очевидно, лежал человек, который был ранен и которого здесь уже нет, — об этом говорит кровь на песке. Я даже готов утверждать, что он был увезен другим, так как следы показывают, что отсюда уехала одна неподкованная лошадь, между тем как сюда шли две, и более глубокие следы доказывают, что лошадь имела более тяжелую ношу. Кроме того, этот человек был, как и его товарищ, индеец, потому что найденный нами труп оскальпирован, и, следовательно, убийца — краснокожий. А еще скажу, что лежавший здесь был ранен еще до прибытия сюда, так как, когда сюда направлялись две неподкованные лошади, следы их расположены до того близко друг от друга, что, очевидно, один из всадников вел лошадь другого. Немного дальше от этого места, где мы стоим, идут следы пяти подкованных лошадей. Это все, что мы нашли, и я объясню вам, что здесь происходило незадолго до нашего с вами прибытия: два краснокожих, из которых один был ранен, встретились с шестью белыми. Один из белых погнался за краснокожими и выстрелил, отчего упал раненый, следы которого мы видим здесь. Затем белый погнался за другим краснокожим, в которого тоже выстрелил, но пуля, как мы видим, попала в растение, а дикарь при этом притворился убитым. Когда же белый к нему подошел, чтобы посмотреть на свою жертву, то он вскочил и убил его одним ударом в сердце, затем оскальпировал и оттащил подальше, где мы и нашли труп. Сам же взял своего раненого товарища и

уехал с ним по направлению к западу. Когда пять спутников белого увидели, что краснокожие удалились, они подошли к трупу, ограбили его и изуродовали лицо так, чтобы его невозможно было узнать, а сами направились в ту же сторону, куда уехали краснокожие, и, очевидно, где-нибудь их уже нагнали, так как лошадь краснокожего, имея двойную ношу, не могла скакать быстро.

— Нельзя сомневаться, что все именно так и происходило, — сказал Гибсон. — У вас поразительная голова. Вы так прекрасно все сообразили.

— Что касается моей головы, — сказал Тим, — то я ею доволен. Вы же, надеюсь, теперь видите, как неосновательны были в своем предположении, назвав нас убийцами и грабителями. Что же вы думаете теперь предпринять?

— Ровно ничего. Дело ведь идет только о двух индейцах, которые стоят настолько ниже нас, что было бы смешно и оскорбительно равнять себя с ними. Мы продолжим свой путь, и больше ничего.

Тим возмутился. Нос его заходил во все стороны, и он ударил его пальцем, как бы приглашая успокоиться, а затем заговорил, обращаясь к Гибсону:

— Простите, сударь, если вам это покажется обидным, но, по-моему, не может быть и сравнения между вами и этими двумя краснокожими, которые вели себя положительно героями. Вы, белые, сами их озлобили. Вы ворвались на их землю и преследуете и уничтожаете их лишь потому, что сила на вашей стороне. И у вас еще хватает духа презирать этих несчастных дикарей! Да каждый из них стоит ста таких, как вы...

К концу этой речи Тим пришел в ярость и даже поднял свою винтовку, как бы прицеливаясь в Гибсона.

— Остановитесь, вы как будто покушаетесь на мою жизнь? — вознегодовал тот.

— Пока еще нет, но это легко может случиться, если вы будете продолжать в том же духе. Скажите, куда вы направляетесь? — спросил он, уже несколько успокоившись.

— В Аризону.

— Вы, конечно, там никогда еще не были и имеете смутное представление о Льяно?

— О нет, мы много читали и слышали об опасностях, которые ждут путешественников в этой стране.

Оба брата едва удержались от смеха, и один из них сказал:

— Гм! Читали и слыхали! Да вы, действительно, слишком зелены для Дикого Запада! Почему вы не запаслись хотя бы проводником?

— У нас есть проводник. Он ушел вперед и будет ждать нас в Хельмерс-Хоум.

— Странная манера провожать путешественников. А нельзя ли узнать, кто он такой?

— Его зовут Джагл-Фред.

— О, этого человека мы прекрасно знаем и будем рады с ним опять встретиться. Следовательно, мы можем продолжать наш путь все вместе, так как мы с братом тоже едем в Аризону.

— Как? В Аризону? И быть может, тоже за алмазами?! — разгорячился Гибсон. — В таком случае, вы наши конкуренты, и этого вполне достаточно, чтобы отказаться от вашей компании.

— Это забавно! Вы что же, считаете, что алмазы там раскиданы по земле и остается их только собрать? Если золотопромышленники соединяются большими компаниями, то для искателей алмазов это так же необходимо, так как дело их совсем не легкое.

— Да, но вы забываете, что мы идем вшестером и, кроме того, у нас много денег.

— Ну, об этом вам лучше бы помолчать. Благодарите судьбу, что это слышали только честные люди. Иначе бы вы рисковали вернуться с пустыми карманами или даже не вернуться вовсе.

— Позвольте об этом позаботиться нам самим. Что же касается вашего общества, то мы положительно отказываемся ехать с вами дальше Хельмерс-Хоум.

— Как вам будет угодно.

Все общество продолжало путь вместе, хотя Гибсон и его товарищи настолько не доверяли братьям Гофман, что решили отстать от них, как только стемнеет.

Глаза седьмая

ЖЕЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ — СЫН ОГНЕННОЙ ЗВЕЗДЫ

Нашим путникам скоро пришлось задуматься о ночлеге, так как надвигались сумерки и двигаться по каменистой дороге стало совсем трудно. Неожиданно один из братьев разглядел какие-то предметы, движущиеся навдалеке перед ними. Теперь они уже не сомневались, что пять лошадей со всадниками, которых по мере приближения уже легко было рассмотреть как следует, никто другие, как те самые разбойники, одного из которых они нашли убитым. Очевидно, один из них оставался на лошади стеречь других животных, а четыре его товарища рассматривали и искали следы исчезнувшего индейца. Оба брата ехали впереди, а компания купцов следовала несколько поодаль. Когда пять всадников заметили, что к ним кто-то подъезжает, то быстро сели на лошадей, и один из них закричал, что если будет сделан еще хотя бы один шаг навстречу, то они сразу же начнут стрелять. Однако неустрашимые братья ответили, что дурных намерений вовсе не имеют и подъехали совсем близко; один из бывших там всадников, высокий мужчина с окладистой бородой, спросил, каковы их намерения. Тим рассказал, что они едут в Хельмерс-Хоум и спросил, не ищут ли они следы исчезнувшего индейца.

— Откуда вы знаете об этом? — удивился тот.

— Невдалеке отсюда мы видели труп — видимо, жертву индейца, следы которого потерялись на этой каменистой почве. Очевидно, и ваш путь лежал мимо этого трупа, а потому не удивительно, что я догадался о том, чем вы здесь занимались. Могу, между прочим, сказать, что вы очень неопытные люди, если до сих пор ничего не нашли.

— Мы бы с удовольствием поручили это вам, коль вы так искусны в этом деле, но не думаю, что вы окажетесь счастливее нас.

— Что же, мы не прочь и сейчас же начнем!

Оба брата спустились на землю и пошли отыскивать интересующие всех следы, причем мулы их следовали каждый за своим хозяином. В это время подъехали и шестеро купцов.

— Вы, очевидно, ехали с носатыми братьями, но, по-видимому, ничего общего с ними не имеете, — обратился к ним все тот же бородатый.

— Мы встретились с ними случайно, и они внушают так мало

доверия, что мы решились ехать с ними только до Хельмерс-Хоум.

— А куда вы отправляетесь потом?

— В Аризону, покупать алмазы, в Хельмерс-Хоум нас ждет проводник.

— А кто он такой?

— Джагл-Фред.

— О, вы очень рискуете. И он, и ваши спутники известные грабители; они, очевидно, действуют сообща, и вам ни за что не попасть на ту сторону Льяно. Они прекрасно знают, что покупать алмазы можно с большими деньгами, которые вы имеете при себе. Мы тоже едем в Аризону, но мы опытные люди и нас не так-то легко ограбить.

— Да, у нас деньги с собой. Но что же нам теперь делать? Вы нас так напугали, что теперь приходится идти назад и искать более надежного проводника, — сказал Гибсон. — Вот, если бы вы взяли нас с собой, мы бы вам были так благодарны!

— Но это странно! Вы ведь нас совсем не знаете!

— Да это ясно с первого взгляда, что вы порядочные люди; уже одно то, что вы предостерегли нас от этих негодяев, позволяет на вас надеяться.

— Нет, вместе с вами мы не поедem. На Западе не привыкли так быстро знакомиться, но мы советуем вам присоединиться к каравану, который ночует недалеко отсюда; у них прекрасный проводник, некто Тобиас Буртон.

— Но как же мы найдем его?

— Чтобы избавиться от этих длинноносых братьев, поезжайте немного назад, а затем, как только скроетесь из виду, сверните на юг; вам встретится через час ручей, на берегу его и расположится на ночь караван. Вы легко его найдете по кострам, они видны издалека.

Купцы были явно довольны тем, что им предлагали, и поэтому безо всякого колебания повернули своих лошадей, поблагодарили новых знакомых и ускакали обратно. Как только они отъехали, говоривший с ними человек, которого звали Стюарт, обратился к своим товарищам:

— Ну что ж, эти глупцы в наших руках. Теперь нам надо поскорее переставить колья, чтобы направить караван в другую сторону, а самим встретить Тобиаса в назначенном месте. Не знаю только, как лучше отвязаться от этих проницательных братьев. Они, кажется, отлично поняли, что это мы убили того несчастного индейца. Да вот они возвращаются.

Джим и Тим были уже совсем близко.

— Что это? — спросили они. — Почему купцы повернули обратно?

— Они потеряли деньги и поспешили обратно, даже не дождавшись вас, — нагло врал Стюарт.

— Это несколько странно, — вмешался Тим, — но по вашим жестам можно было предположить совсем другое.

— Вы, сударь, кажется изображаете из себя всеведущего! В таком случае, не скажете ли нам, в чем дело?

— С удовольствием. Вы показывали им руками, чтобы они шли обратно, а затем свернули на юг. Очевидно, там вы хотите с ними встретиться и лишь желали удалить их от нас. Дальнейшие ваши цели нам неизвестны.

— Вы, кажется, хотите сказать нам дерзость?

— Нет, во всяком случае, это только предположение, но лучше последуйте за мной, а я вам покажу найденные нами следы.

Пройдя несколько шагов, он показал им маленький камешек, растертый копытом лошади, и такие следы шли все время по направлению к западу.

— Вот куда уехал индеец, — сказал Тим. — Мы сделали, что обещали. А затем мы бы желали, чтобы вы нас поскорее оставили, так как мы убедились, что вы разбойники, а изуродованный труп — ваш бывший товарищ.

— Как вы смеете нас оскорблять? — закричал Стюарт.

— Ни слова больше, не то каждому, кто попытается открыть рот, попадет пуля в голову.

Оба брата немедленно прицелились, и разбойникам ничего не оставалось, как поскорее унести ноги.

— Что ты теперь думаешь предпринять? — спросил Джим своего брата.

— Во всяком случае, не будем же мы спасать этих глупых купцов. Я их предупреждал, а дальше их дело. Мы должны отыскать краснокожего, следы которого, к нашему счастью, теперь найдены.

Дорога была завалена камнями, а с левой стороны возвышалась гора. Продвигаться было довольно трудно. Пройдя некоторое расстояние, Тим нагнулся и поднял небольшой предмет, который оказался поломанной трубкой.

— Теперь, — сказал он, — я уверен, что мы идем верной дорогой: — это трубка одного из краснокожих.

— Я и раньше считал, что мы не ошиблись, так как ясно видел кровавые следы, очевидно оставленные раненым стариком.

Уже совсем стемнело, когда они подъехали к пещере, у входа в которую громоздилась куча мусора. Братья не сомневались, что индейцы были именно здесь. Они оставили внизу своих мулов и стали взбираться по

мусорной возвышенности. Мусор то и дело обваливался и производил при этом порядочный шум, чего, конечно, нельзя было не услышать наверху.

— Я думаю, — сказал Тим, — что раненый старик находится внутри, а молодой охраняет вход, и чтобы он не встретил нас выстрелом, лучше давай его окликнем.

— Ты прав, — согласился Джим и довольно громко прокричал на индейском языке: — Молодой воин! Не стреляй! Мы твои друзья!

— Кто идет? — послышалось сверху.

— Два добрых белых человека, — ответил Тим.

— Идите наверх! — позвали их после небольшой паузы.

Когда они поднялись, то на самом верху перед ними предстал молодой индеец. Держа перед собой ружье, он сказал:

— Ни шагу дальше, или я выстрелю.

— Мой молодой краснокожий брат может не опасаться. Мы пришли ему помочь, — сказал Тим.

— Мои бледнолицые братья пришли одни?

— Да.

— Вы пришли по следам моей лошади?

— Мы случайно попали на место сражения и по следам поняли, в чем дело. Тогда мы по этим следам отыскали ваших врагов, которые дерзкие грабители и ничего больше. Несмотря на то, что их гораздо больше, мы заставили их постыдно бежать от нас и поспешили найти вас, чтобы защитить. Вы вели себя как настоящие герои!

— Мои братья говорят правду?

— Чтобы вконец рассеять твои сомнения, мы кладем наше оружие к твоим ногам, и ты можешь его нам не возвращать.

При этих словах они сняли и положили на землю ножи и револьверы.

— Бледнолицые коварны. Вы, может быть, кладете оружие, чтобы выиграть время и заслужить мое доверие, а потом придут еще три ваших товарища и убьют меня...

— Ты принимаешь нас за двух из ваших преследователей, но ты ошибаешься.

— Тогда скажите мне, где находятся те пять, которых вы должны были найти по следам?

Тим рассказал, как они встретили тех, которых так боялся индеец, и как они с ними расстались.

— Почему же вы их не убили?

— Потому что они нам ничего не сделали дурного, а мы стреляем в людей лишь тогда, когда вынуждены защищаться.

— Вы говорите как действительно благородные люди, и сердце мое хочет вам доверять, но рассудок велит быть осторожным.

— Слушайся своего сердца. Посуди сам, зачем бы мы пришли к тебе. Ты не сделал нам никакого зла, — зачем же нам тебе мстить? Мы узнали, что тебя преследуют, и пришли предложить свою помощь. Если ты в ней не нуждаешься, скажи нам, и мы тотчас же удалимся.

— Мне ничего не нужно от вас, уходите, — сказал индеец.

Те взяли свое оружие и стали спускаться с насыпи. Через несколько минут они услышали, как кто-то еще спускается почти рядом с ними, но никого не было видно. В самом низу невдалеке от них появился человек и стал приближаться.

— Кто ты? Я буду стрелять, — предупредил Тим.

— Почему бледнолицый брат хочет стрелять? Ведь я ему ничего дурного не сделал.

Это был молодой индеец.

— Как ты сюда попал и зачем?

— Я хотел проверить, не ждут ли вас здесь товарищи, и убедился, что мои бледнолицые братья и вправду не имели дурных намерений и поэтому прошу их вернуться со мной наверх и посмотреть моего отца Тевта.

— Тевт, Огненная Звезда? Известный предводитель команчей здесь? — удивился Тим.

— Да, он умер и теперь находится здесь. Я его младший сын Железное Сердце и я оплачу его убийцам.

Они опять поднялись наверх, где из маленького отверстия поднималась струя дыма. Войдя, они увидели мертвого старика, который в сидячем положении был прислонен к стене; он освещался огнем маленького костра, сложенного из щепок. Железное Сердце положил свое оружие, сел на полу напротив трупа отца, положил локти на колени и подпер ими подбородок. В таком положении он просидел несколько минут, сохраняя полное молчание. Оба брата стояли молча, уважая индейские нравы, не смея нарушить сыновней скорби.

Через некоторое время братья бесшумно опустились на землю, как бы боясь потревожить прах усопшего старика.

Железное Сердце поднял голову и спросил:

— Так вы слышали об Огненной Звезде — предводителе команчей?

— Да, — ответил Тим, — мы сразу же узнали его труп. Мы познакомились с ним в Рио-Рокко; он помог нам, когда нас преследовала целая неприятельская шайка. Но как случилось, что его убили, и как вы попали сюда?

— Мы зашли далеко в земли бледнолицых, с которыми находимся теперь в мире, и встретили компанию белых, которые хотели пройти в город Аустин и просили Огненную Звезду дать им проводника. Отец мой захотел их сам проводить и взял меня с собой. Мы благополучно достигли города, но, когда одни возвращались обратно, на нас и напали убийцы. Сначала они требовали наших лошадей, но, когда им было отказано, один из них выстрелил и ранил моего отца в живот; испуганная лошадь его сбросила, а сама убежала. Так как вы нашли следы, то должны знать, что было дальше.

— Ты убил и оскальпировал одного из них, а сам с трупом своего отца скрылся, — сказал Тим.

— Да, скальп его висит у меня на поясе, как только я предам земле тело своего отца, я отыщу и пятерых других злодеев. — Он положил руку на голову отца и продолжил: — Бледнолицые братья имеют обыкновение клясться, а я говорю без клятвы, но прошу запомнить мои слова. Как только над могилой Огненной Звезды воздвигнется памятник, на его вершине будут висеть шесть скальпов его убийц. Что Железное Сердце сказал, то и будет.

Глава восьмая

ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ

На другой день, около полудня, Хельмерс, Джагл-Фред и Хоббл-Фрэнк опять сидели за одним из столов перед домом и вспоминали о вчерашней дуэли и о смерти незнакомца. Не было только Боба: он работал в конюшне вместе со слугами хозяина.

От разговоров о смерти перешли к различным таинственным явлениям и, между прочим, к привидениям. Фрэнк утверждал, что они существуют, а его собеседники подсмеивались над ним и относились к его словам с явным недоверием.

— Приведи нам хоть одно доказательство и тогда мы тебе поверим, — сказал Фред.

— Какое же я могу вам дать доказательство? Надо видеть собственными глазами — вот и все доказательство.

— А ты сам разве видел привидение?

— Еще бы, и не одно...

Он замолчал, так как к ним подъехал драгунский офицер. Вежливо поклонившись, он спросил, здесь ли ферма Хельмерса.

— Совершенно верно, и я хозяин, — произнес Хельмерс.

— Я очень рад, что встречаю вас самого, так как мне необходимы некоторые важные справки.

— Относительно чего?

— Это не так легко рассказать, и я надеюсь, что вы позволите мне присесть.

Он сошел с лошади и сел рядом с ними, как бы не замечая, с каким любопытством его рассматривали. Это был высокий человек с черной окладистой бородой и цепким взглядом.

— Видите ли, — начал он, — правительству стало известно о преступлениях в Льяно за последнее время, и поэтому решено принять строгие меры. Очевидно, злоумышленники действуют сообща, и тут необходима серьезная борьба. Для этой цели подготовлены два эскадрона драгун. Они ждут в Форт-Силле, а я послан вперед, чтобы собрать некоторые сведения от обитателей здешних мест. Надеюсь, каждый честный человек не откажет мне в участии и помощи.

— На меня, сударь, вы можете вполне рассчитывать: я сделаю все, что от меня зависит!

Хельмерс отнесся к офицеру с полным доверием, рассказав ему об опасностях Льяно и, между прочим, о вчерашней дуэли во всех подробностях. Тот слушал молча, глаза его блестели, рука иногда инстинктивно схватывалась за рукоятку ножа, и один раз он даже слегка заскрежетал зубами. Слушатели приписывали его волнение увлечению борьбой, которая ему предстояла, но более опытный глаз заметил бы на его лице выражение скрытой злобы и ненависти.

— А не можете ли вы мне рассказать что-нибудь о Духе Льяно? Что это за явление?

— Я знаю не больше, чем все, — сказал Хельмерс. — Все о нем только слышали; из тех же, кто видел его вблизи, никого не осталось в живых — они умирали от пули в лоб. По какому-то странному совпадению все убитые были злодеи, и существует поверье, что Дух Льяно наказывает тех, кто решился на преступление в Льяно...

— Кто же это? Человек?

— Разумеется.

— Как же он живет сам и кормит свою лошадь, и вообще — как умудряется ездить так, чтобы его никто не встретил?

— Этого уж я не знаю, но часто видят его, несущегося, точно ураган, в сопровождении молний, а один мой знакомый, словам которого вполне можно доверять, утверждает, что видел Духа Льяно в виде всадника и что он и его лошадь были окружены сиянием.

— Это ерунда! — вскричал офицер.

— О нет, — вступил в разговор Фрэнк, — я утверждаю, что Дух Льяно не человек, а привидение, и вполне верно, что он является в сиянии.

— Но как же может дух стрелять из ружья? — спросил офицер. — Впрочем, спорить и рассуждать об этом мне некогда. Я должен здесь дожидаться своих товарищей и, если хозяин позволит, с удовольствием бы отдохнул.

— Конечно, конечно, — засуетился Хельмерс, явно польщенный тем, что офицер остановился именно у него.

Он предложил гостю отвести лошадь в конюшню, а затем пройти с ним в дом, где он предоставит ему удобную комнату. Оба удалились, и вскоре Хельмерс вернулся один.

— А знаешь ли, — обратился к нему Фрэнк, — что-то не доверяю я этому офицеру и не верю ничему, что он говорит: у него слишком странный взгляд, и вообще он не производит впечатление честного человека.

Вместо ответа Хельмерс показал своим собеседникам на север, откуда приближались три всадника. Фрэнк вскочил, явно обрадовавшись.

— Ты разве их знаешь? — спросил Фред.

— Да, но пока подожду называть их имена: сначала мне хочется узнать, какое они произведут впечатление на вас.

Один из вновь прибывших был очень высоким и худым, другой — толстым и низеньким, а третий — крепким, среднего роста.

— Хотя ты и не называешь их имена, но нетрудно догадаться, кто эти господа: один — Длинный Дэви, другой — Толстый Джемми, а третий — Разящая Рука, так как ты говорил, что он с ними приедет.

— Совершенно верно, ты удивительно сообразителен.

Прибывшие были уже около них. Разящая Рука поклонился и, подавая руку, спросил:

— Надеюсь, наш приход вам не неприятен?

— О! Напротив, — сказал Хельмерс, — Хоббл-Фрэнк меня предупреждал, и я рад уступить свой дом в ваше полное распоряжение и насколько вам угодно.

— Долго-то нам оставаться нельзя, так как мы торопимся в Льяно, где мы условились встретиться с одним человеком.

— С Виннету?

— Вам уже рассказал Фрэнк? — ответил тот вопросом.

— Да, и я с удовольствием отправился бы с вами, чтобы увидеть известного предводителя индейцев. Но скажите, пожалуйста, откуда вы меня знаете? Вы подошли прямо ко мне...

— На Западе это необходимая предосторожность, и я решился обратиться к вам лишь после того, как собрал о вас сведения, которые оказались весьма лестными. А не могу ли я узнать, кто этот молодой человек?

— Меня зовут Джагл-Фред, — ответил тот сам, вставая, — но не думаю, чтобы мое имя вам было знакомо.

— Вы ошибаетесь: кто пробыл на Западе так долго, как я, не мог о вас не слышать. Вы известный храбрец и прекрасный проводник. Я бы хотел с вами подружиться.

Он протянул молодому человеку руку, которую тот с чувством пожал, и ответил:

— Я счастлив иметь такого товарища! Я тоже с удовольствием отправился бы с вами через Эстакадо, если вы ничего против не имеете.

— Нисколько. В Льяно тем безопаснее, чем больше компания. Но когда же вы сможете выехать?

— Я жду здесь компанию купцов, которые едут в Аризону за алмазами, они пригласили меня быть их проводником.

— И прекрасно, так как я собираюсь выехать завтра. Следовательно, вы увидите Виннету. А теперь, позвольте мне познакомить вас с моими проводниками.

Вся компания села. Хельмерс принес закуску и пиво, и беседа их оживилась.

Между тем драгунский офицер и не думал отдыхать. Он ходил взад-вперед по комнате и, глядя в окно на прибывших, пытался определить, кто бы это мог быть.

«Очевидно, и они отправляются в Льяно; хорошо, что купцы не придут в Хельмерс-Хоум, так как Фред останется их ждать и, быть может, задержит и этих, а мы тем временем успеем обделать свои дела. Мундир мой вполне по форме и никому из них и в голову не придет, что перед ними сам предводитель Коршунов Льяно».

Когда он сошел вниз, Хельмерс рассказывал какому-то приезжему, что прибыл офицер и остановился у него. При виде его он сказал:

— А вот и капитан, он сам вам лучше расскажет о своих целях.

Офицеру было очень неприятно, когда он услышал имена присутствующих; в особенности его страшил Разящая Рука, известный и храбрый охотник. Не показав виду, он сел к столу и снова рассказал, зачем приехал сюда. Когда он кончил, Разящая Рука спросил:

— Вы, следовательно, были в Форт-Силле?

— Конечно.

— Я был там тоже, когда командовал полковник Ольмерс. Кто теперь там командует?

— Полковник Блейэн.

— И вы говорите, что ваши драгуны придут сюда?

— Хорошо бы они пришли завтра: безопаснее было бы ехать в Льяно с такой стражей.

— В таком случае вам стоит подождать всего два дня.

— Два дня... это бы можно было. Но дело в том, что я утверждаю: они никогда сюда не приедут и их даже нет в Форт-Силле, а вы — наглый обманщик...

— Позвольте! — вскричал офицер. — Это оскорбление и вы должны со мной драться!

— Если бы вы действительно были офицером, тогда конечно. Но я говорю, что вы — обманщик, и стреляться я не желаю.

— Тогда я вас убью!

Но Разящая Рука вскочил, вырвал у него из рук револьвер и сказал уже совершенно другим тоном:

— Не торопитесь так. Обыкновенно я убиваю всякого, кто поднимает на меня оружие, но на этот раз я пощажу вас. Я прекрасно знаю, что комендантом там теперь майор Оуэне.

— Я из осторожности не сказал вам настоящего места стоянки.

— Хватит лгать! Теперь я припоминаю, кто вы такой. Вы были не раз замешаны в разных мошеннических делах и судились. Вас зовут, кажется, Стюарт, и если вы снимете вашу бороду, то я увижу ваш шрам.

Он разрядил револьвер и отдал его офицеру.

— Возьмите ваше оружие и убирайтесь как можно скорее отсюда, и постарайтесь больше не попадаться мне на глаза, а то вам будет очень плохо.

После этих слов Стюарт ушел в дом.

— Удивительный случай, — сказал Хельмерс.

— Я и раньше советовал вам ему не доверять, — отозвался Фрэнк.

— Стоит ли о нем толковать! Хорошо, что вовремя его раскусили. Вы лучше расскажите нам подробно о купцах, которых ждет господин Фред и о случившейся вчера дуэли, — попросил Разящая Рука.

Его любопытство было удовлетворено. Он особенно интересовался Блади-Фором. Они бы еще долго и оживленно беседовали, если бы не Боб, — подбежав, он спросил, куда ставить лошадей.

— Каких лошадей? — удивился Хельмерс.

— Офицер только что уехал и сказал, что привезет много солдат.

— Куда он уехал?

Боб махнул рукой на север.

— Надо бы за ним последовать, чтобы проследить, куда он направился. Зачем мы его отпустили? — расстроился Хельмерс.

— Поверьте, — спокойно заметил Разящая Рука, — он скоро изменит направление.

— Но он слышал, что Фред ждет купцов, быть может, он нападет на них и ограбит!

— Это почти наверняка. Во всяком случае, он здесь не один. Удерживать его не стоило, но теперь я отправлюсь по его следам и узнаю, что он замышляет. Господа, не желает ли кто-нибудь со мной?

Все изъявили желание следовать за Разящей Рукой.

Следы шли к северу, затем поворачивали на восток, на юг и, наконец, на юго-запад.

Впереди всех ехал Разящая Рука. Когда уже не было сомнения, что следы идут в одном направлении, он сказал:

— Теперь ясно, что он уехал в Льяно, нам бы надо за ним

поторопиться.

Они ударили своих лошадей и пустили их в галоп.

Вскоре всякая растительность исчезла. Кругом был голый песок и только изредка попадались кустарники. Прошло уже более трех часов, как они выехали из Хельмерс-Хоум, а мнимого офицера все еще не было видно. Наконец Разящая Рука спросил:

— Господа, вы ничего не заметили? Мне послышался шорох, и я думаю, что налево, за кустами, есть люди.

Хотя спутники его ничего не слышали, но из осторожности они ударили своих лошадей, чтобы скорее миновать открытое место, и остановились у самых кустов. Разящая Рука поручил им свою лошадь, а сам пополз между кустами. Прошло не более трех минут, как он вернулся с довольным видом.

— Офицера там нет, — сказал он, — но нам предстоит приятное знакомство. Кто из вас слышал о братьях Гофман?

— О! Я их прекрасно знаю, — обрадовался Фред, — мы долгое время были вместе. Неужели Джим и Тим здесь?

— Да, я прекрасно рассмотрел их носы. И еще с ними молодой индеец. Они там в тени — отдыхают.

— Сейчас я вам покажу, что не только хозяева, но и их мулы со мной прекрасно знакомы.

Фред сунул два пальца в рот и издал пронзительный свист. Ответа не последовало. Он повторил тот же сигнал, и на этот раз раздался шум и треск, это из кустарника выбирались мулы, а за ними и оба брата. Увидя Фреда, они бросились его обнимать и расспрашивать, каким образом он сюда попал и как догадался, что они здесь, за кустами.

Фред познакомил присутствующих, которые понаслышке все уже знали друг друга. Затем он рассказал, что ждал в Хельмерс-Хоум купцов, которых должен был провожать в Аризону, а также сказал о подозрительном человеке, которого они теперь отыскивают.

Джим, в свою очередь, рассказал про свою встречу с купцами, а затем с убийцами старого индейца, оказавшегося известным предводителем по имени Огненная Звезда, сын которого теперь с ними отыскивает следы злодеев.

— Значит, с вами Железное Сердце, — вмешался в разговор Разящая Рука. — Я прекрасно знал его отца, а его самого видел еще ребенком.

Затем все перешли по другую сторону кустарника, где было не так жарко.

— Что же, вам удалось напасть на верный след? — спросил Разящая

Рука Джима.

— Да, — ответил тот, — хотя это было очень трудно. Злодеи отправились к югу, к тому месту, где ночью стоял караван, причем они разделились и охраняли караван со всех сторон. Вчера вечером к каравану проехал из Хельмерс-Хоум один всадник.

— Очевидно, это был миссионер Тобиас Буртон, — заметил Хельмерс.

— Сегодня утром, — продолжал Джим, — караван направился к Льяно, а с ним также и купцы, которых напрасно ожидает Фред.

— И вы, конечно, отправились по следам каравана? — спросил Разящая Рука.

— Нет, так как разбойники тоже не пошли за ним, из них один отделился и пошел на север.

— Не был ли это офицер? — спросил Фред.

— Нет, но в конце концов и этот след мы потеряли и теперь решительно не знаем, как найти, — каменистая почва начисто лишает нас этой возможности.

Из разговора выяснилось, что тот всадник, которого видели братья Гофман и называли предводителем шайки, и был не кто иной, как офицер, который был в Хельмерс-Хоум.

Следы прекращались у того кустарника, где находилась вся компания. Разящая Рука не мог свыкнуться с мыслью, что он не может найти следов, и продолжал рассматривать чуть ли не каждую песчинку. Вдруг он вскрикнул:

— Господа, идите все сюда. Смотрите, здесь кто-то пробирался через кусты — ветки сломаны!

Действительно, в нескольких шагах от того места, где они сидели, видны были ясные следы. Когда они стали смотреть дальше, то заметили между кустами небольшое возвышение из песка. Быстро принялись его разрывать, и первое, на что они натолкнулись, — был мундир драгунского офицера, а под ним — куча разного платья и оружия.

— Очевидно, эта яма служила гардеробной нашим врагам, — заметил Хельмерс.

Из кармана мундира Фред вынул записку: «Торопитесь в наше убежище. Будьте осторожны — Разящая Рука находится у Хельмерса».

— Теперь ясно, — сказал Фред, — что этот наш мнимый офицер оставил записку товарищам, которые здесь непременно будут. Если мы их проследим, то сможем узнать, где находится их убежище, о котором здесь упоминается.

— Господа, — предложил Разящая Рука, — по-моему, следует все

находящееся здесь платье сжечь, а оружие отнести в Хельмерс-Хоум. Вы все оставайтесь здесь, а я пойду обратно, захвачу провизии, а также и Боба, он нам тоже может пригодиться, ведь неизвестно еще, сколько их сюда придет.

Все согласились. Разящая Рука отправился за Бобом, а платье, найденное в яме, было сожжено. Уезжая, охотник показал рукой на запад и сказал:

— Кажется, оттуда идет гроза или буря.

Но все увидели только небольшое кольцеобразное серо-багровое облако, которое, казалось, не представляло ничего опасного.

Глава девятая

ОТМЩЕНИЕ

После отъезда Разящей Руки вся компания занялась разговорами и не обращала внимания на небо. Между тем кольцеобразное облако приближалось и увеличивалось; внизу оно разорвалось и имело теперь вид подковы, концы которой все удлинялись. На юге горизонт стал оранжево-красным. Казалось, что там ураганом песок поднимался до самого неба. На востоке стало и вовсе темно. Индеец первый вскочил и закричал:

— Смотрите! Дух. Льяно!

Только теперь все увидели, что творится что-то неладное и что еще слишком рано для такой темноты, которая настала. Когда же они посмотрели туда, куда указывал Железное Сердце, то увидели совершенно черный горизонт и в одном месте его светлое пятно, на котором ясно вырисовывалась фигура мчащегося всадника с длинными волосами. Он и его лошадь были окружены сиянием. Все увидели одежду и головное украшение индейца, а также оружие у него за спиной. Явление это сопровождалось страшным шумом, треском и ревом.

— Ради Бога, поберегите лошадей, чтобы они не убежали! — закричал Фред, и все тотчас бросились к лошадям, повалили их на землю и легли рядом сами.

Уши, нос и глаза засыпало песком так, что едва можно было дышать. Все это продолжалось сравнительно недолго и наконец прекратилось. Ветер утих, снова стало светло, и все ощутили приятную теплоту от солнечных лучей.

Оглушенные и ошеломленные люди долго не могли опомниться. С трудом могли подняться — надо было освободиться от песка, почти целиком засыпавшего их вместе с лошадьми.

— Да, это было достаточно страшно, — произнес Тим. — Видел ли кто из вас что-нибудь подобное?

— Я видел, — сказал Железное Сердце.

И он подробно стал рассказывать, как еще со своим отцом когда-то видел нечто похожее.

Вскоре наступила темная ночь. Возвращения Разящей Руки раньше утра не ожидалось, и все улеглись на ночлег. Утомленные люди быстро заснули, не спал лишь один индеец. Он лежал на спине, устремив глаза к небу. Его мучила жажда мести, и он не мог ни на минуту забыться. Так

прошло несколько часов. На южной стороне горизонта появилась светлая полоса, которая удивила Железное Сердце, и он разбудил своих товарищей. Те же недоумевали, не зная как объяснить это явление.

— Будь это на востоке, я бы предположил, что мы проспали до рассвета, — сказал Хельмерс.

Свет между тем поднимался все выше и выше, образуя огромный полукруг. В самой середине его находился багровый шар, и от него по всему светлomu пространству расходились лучи. Картина эта была очень красивой, и все происходило без всякого шума и треска, как в первый раз, а наоборот — в полной тишине, но при этом стало нестерпимо холодно. С левой стороны, где светлая полоса касалась горизонта, опять появилась фигура всадника. Он был весь в белом и сидел на черной лошади. На этот раз он мчался галопом, поднимаясь все выше и выше по направлению светлой дуги и затем опять спускаясь с правой стороны. Там, где дуга вновь соединялась с горизонтом, всадник исчез. Присутствующие застыли пораженные, как вдруг послышался топот копыт и к ним подъехал Разящая Рука.

— Я не надеялся застать вас в живых, — сказал он, — и думал, что мне придется доставать ваши трупы из-под песка.

Никто ему не ответил, так как внимание всех занимало явление на небе. Теперь свет на юге постепенно гас и стал передвигаться к востоку, где он опять увеличился и превратился в море света, осветившего половину небосвода.

— Что вы скажете по поводу этого сверхъестественного явления? — спросил Тим Разящую Руку.

— То, что я не вижу ничего особенного: пламя это происходит от горящих кактусов, а мнимые духи — это обыкновенные всадники. А вот почему подождены эти кактусы, мне еще неизвестно.

В это время в освещенном пространстве пронеслись один за другим несколько всадников.

— Живо на лошадей! — скомандовал Разящая Рука. — Мы очень скоро познакомимся с этими господами.

Все повиновались ему, и они быстро настигли мчавшихся всадников, которые описывали полукруг и теперь должны были скакать мимо них.

Разящая Рука и его спутники положили своих лошадей и сами прилегли, чтобы остаться незамеченными. Когда предводитель мнимых видений поравнялся с ними, охотник сбросил его на землю с помощью лассо. Это был индеец. И тут Разящая Рука подошел к нему и вместе с волосами сорвал с головы украшения. Все узнали бывшего драгунского

офицера.

— Скажите теперь, сэр, зачем вы подожгли кактусы и почему преследовали Духа Льяно?

— Это не Дух, а мальчишка. Он убил одного из нас выстрелом в лоб, и мы ему мстим.

— А что ты замышляешь против каравана, провожать который послали некоего Тобиаса Буртона?

— Никакого Тобиаса Буртона я не знаю, зла вам не сделал и потому прошу меня оставить.

— Нам ты зла не сделал, но здесь найдется человек, который, может быть, захочет с тобой посчитаться, — сказал Разящая Рука и подозвал молодого индейца.

— И этого краснокожего я не знаю...

— Но мы тут все свидетели, — вмешался Джим, — что ты убил отца этого несчастного. Или, быть может, ты не помнишь и нашей встречи?

Опять последовал отрицательный ответ. Тогда Разящая Рука сказал, обращаясь к Железному Сердцу:

— Он твой должник, и я отдаю его в твое полное распоряжение.

Но индеец потребовал, чтобы его врага освободили от лассо и дали ему в руки нож. Получив оружие, тот ускакал, но вскоре был настигнут индейцем, который быстро вернулся к своим спутникам, сияющий, невредимый и со скальпом за поясом.

Глава десятая

ОПАСНЫЕ ЛЮДИ

Там, где штат Нью-Мексико своей юго-восточной частью врезается во владения Техаса, находится самый опасный уголок Дикого Запада. Живущие там команчи и апачи никогда не бывают в мире. Горная цепь отделяет эту местность от Льяно.

На берегу небольшой реки сидели четыре человека. Трое из них были, без сомнения, янки, четвертый больше всего походил на негра. Лошади их паслись тут же, на траве. Их хозяева закусывали и разговаривали, время от времени поглядывая на восток.

Они совещались о том, как им ехать, и большинство предпочитало скорее подвергнуться опасностям Льяно, чем удлинять путь на целую неделю.

— Стыдно нам колебаться, — сказал один из них, — с таким оружием, как у нас, можно свободно идти против двадцати индейцев. Я испытал опасности Льяно и, если бы не мой друг Джагл-Фред, меня бы уже не было в живых.

— Как, ты знаешь Фреда? — спросил другой. В это время послышался конский топот.

— Как вы думаете, это краснокожие? — спросил Блонт, один из присутствующих.

— Нет, — ответил Бен Нью Мун, — это белые, и я утверждаю, что их двое.

Действительно, вскоре к ним подъехали два всадника, старательно рассматривая следы на земле.

— Их нечего бояться, — сказал Портер, — они, судя по костюмам, мексиканцы. — И он обратился к вновь прибывшим: — Мы те, по чьим следам вы идете. Мы честные люди, и, надеюсь, вы против нас ничего не имеете? — и, видя, что они берутся за оружие, прибавил: — Это совершенно напрасно, мы ведь не разбойники.

— С честными людьми приятно встретиться, особенно в такой опасной местности. Но позвольте вам представиться, нас зовут Эмилио и Карлос, братья Кортеджо, — назвали себя мексиканцы.

Янки также представились, и таким образом все познакомились.

Портер, один из янки, рассказал, что их компания идет из Калифорнии, и хотя прямо через Льяно им ближе, они не решаются на такой опасный

путь. Узнав, что оба мексиканца направляются почти туда же и при этом уже не в первый раз, он предложил им объединиться и вместе отправиться дальше, на что те с удовольствием согласились.

Когда опустились сумерки, выбрали место для ночлега — маленькую лужайку с мягкой травой на самом берегу ручья. Неожиданно из кустов вышли два человека в кожаных костюмах и широкополых шляпах. Они держали ружья наготове. Один из них крикнул:

— Кто идет?

— Путешественники, — ответил Портер.

— Откуда?

— Из Калифорнии. А вы кто такие?

— Мы охотники, — отвечал все тот же незнакомец.

— Сколько же вас там спряталось?

— Мы одни, но на днях должны подойти наши товарищи из Льяно, мы их ждем здесь со вчерашнего дня.

— Как же вы рискуете идти навстречу с поднятыми ружьями, если вас только двое?

— На этот счет мы спокойны, для четверых из вас есть по заряду из наших ружей, а остальных можно пристрелить из револьверов. Не хочу скрывать, что лица некоторых из вас мне не внушают доверия, — при этих словах он выразительно взглянул на мексиканцев.

— Вы, кажется, сами, того не замечая, наносите нам оскорбление, — возмутился Портер.

— Я не сказал, кто именно из вас мне не симпатичен, да, наконец, я ведь могу и ошибаться...

Вскоре вся компания разместилась у затухавшего уже костра.

— Вы сказали, — обратился к охотникам Портер, — что будете здесь несколько дней ждать ваших товарищей. Но ведь вы рискуете встретиться с краснокожими, а встреча эта не из приятных.

— Это нас не беспокоит, так как с нами человек, который справится и с целой сотней краснокожих.

— Следовательно, вы здесь не одни, как сказали раньше. Где же третий?

— Он отправился на разведку и скоро вернется.

— Это, должно быть, знаменитый охотник вроде Разящей Руки?

— Да, вроде, хотя и не он.

— Но кто же? — продолжал допытываться Портер.

— Пусть он скажет вам сам, а пока представляю вам моего сына Мартина, меня же зовут Бауман.

— Благодарю вас и считаю теперь своим долгом назвать и наши имена. Меня зовут Портер; этих двух — Блонт и Фэлзер, это же луноподобное черное лицо зовется Бен Нью Мун. Два же мексиканца присоединились к ним только сегодня. Они везут деньги своего господина из Сан-Диего и тоже отправляются через Льяно. Их имена Эмилио и Карлос Кортеджо. — Называя каждого по имени, Портер указывал на него пальцем, и Бауман внимательно приглядывался к нему.

— Теперь, когда вы знаете наши имена, быть может, скажете: кто именно не внушает вам доверия?

— Я думаю, что вскоре они это и сами почувствуют, и называть их пока не буду.

Затем он обратился к братьям Кортеджо.

— Насколько я понял, близ Сан-Диего находится гасиенда вашего господина. Можно спросить, как она называется?

— Гасиенда Эчилло.

— А имя владельца?

— Его зовут... господин Монтано, — ответил, запинаясь, Карлос; было очевидно, что фамилию эту он только что придумал.

Бауман уже не хотел скрывать своего недоверия и сказал:

— Теперь я могу удовлетворить ваше любопытство и признаться, что неприятные мне личности — это вы и ваш брат.

Оба мексиканца схватились за ножи.

— Это явное оскорбление, и оно не пройдет вам даром! — воскликнул Эмилио, вскакивая со своего места.

— Я привык говорить в глаза правду всякому и на этот раз не намерен изменять своих привычек.

— Что же вы о нас думаете? — спросил Карлос, весь дрожа от злости.

— Я думаю, что вы лгуны, если еще не хуже.

Оба брата выхватили ножи из-за пояса и бросились к Бауману.

— Мы требуем удовлетворения тут же и сию минуту, иначе мы принудим вас к этому силой.

Бауман оставался совершенно невозмутимым и только направил револьвер на говорившего:

— Если вы сделаете еще хоть шаг вперед, я немедленно уложу вас на месте, а Мартин выстрелит в вашего брата. Имя Бауман вам незнакомо, но меня все племена называют по-своему, и все эти имена означают одно и то же — Гроза Медведей. Теперь вы, вероятно, припомните, что кое-что слышали обо мне.

— Как? Неужели перед нами известный Гроза Медведей? — вскричал

Бен Нью Мун.

— Да, он самый, — отвечал Бауман.

— Я о вас очень много слышал. Вы были взяты индейцами сиу в плен.

— Совершенно верно, храбрые Виннету и Разящая Рука освободили меня.

— Об этом выдающемся подвиге Разящей Руки мне тоже говорили. Я счастлив, что мы с вами встретились. Надеюсь, что происшедшее сейчас недоразумение забудется, и вы возьмете свои слова назад. Не правда ли?

— Слово «лгуны»? Никогда!

— Но разве вы можете это доказать?

— Я никогда не говорю того, чего не могу доказать. Во-первых, очень странно, что слуги несколько минут припоминают имя своего господина, а во-вторых, я несколько месяцев жил близ Сан-Диего, где даже не слышал никогда имени Монтайо, и поэтому утверждаю, что там нет имени Эчилло! Очевидно, это название вымышленное и придумано тут же, во время разговора. Но вы можете спрятать свои ножи и оставаться здесь, — обратился он к братьям Кортеджо, — я вас не гоню только потому, что вы пришли с порядочными людьми.

Братья переглянулись и нехотя опустили на прежнее место.

Между тем наступили сумерки. Разожгли костер, и, так как листьев было мало, Мартин направился к кактусовым кустам. Место, где находилось общество, было очень низким, со всех сторон его защищал большой кустарник, и поэтому никто не заметил, что начинается ураган. Все были поражены жутким ревом и свистом — это ветер поднимал целые облака песка, сыпавшегося дождем на землю. Это приближался торнадо. Вдруг они услышали, что Мартин зовет их. Все поспешили к нему и увидели поразительную картину — в ложбине за кустарниками она не могла быть заметна.

Все пространство, где росли кактусы, было залито морем огня; каждое растение, каждый листок сверкал маленькими огоньками. Все стояли, пораженные волшебным явлением.

— Что бы это значило? — спросил Портер.

В ответ ему, с того места, где они раньше сидели, прозвучал голос;

— Это огоньки Великого Духа, которые он зажигает, когда хочет предостеречь своих детей.

— Это мой проводник, — объяснил Бауман, — он, по обыкновению, подъехал неслышно.

Все повернулись к тому месту, где потухал их костер, — там действительно стоял всадник. Это был индеец в национальном костюме, с

украшением из перьев в длинных черных волосах. В руке он держал винтовку в серебряном окладе. Янки и мексиканцы страшно испугались и чувствовали себя будто в ловушке.

— Откуда здесь краснокожий? — спросил Портер. — Он, вероятно, не один?

— Нет, он один, — сказал Гроза Медведей. — Это Виннету, известный предводитель апачей.

Индеец слез с лошади и, не обращая внимания на то, что все присутствующие с любопытством разглядывали его, подошел к Бауману.

— Я прекрасно знаю направление торнадо, и мои мысли мрачны, как эта ночь, — сказал он. — Разящая Рука теперь находится в Льяно. Конечно, он достаточно опытен, чтобы суметь вовремя укрыться, но ураган начался так неожиданно, что мог застать его врасплох, и тогда он погибнет в пустыне, занесенный песком.

— Это было бы ужасно! Нам надо торопиться на помощь к нашему другу.

— Мой брат напрасно торопится. Если Разящая Рука во время урагана был в пустыне, то, к нашему несчастью, мы найдем только труп, и потому нам остается надеяться, что он счастливо избег этой участи. Дождавшись утра, мы пойдем навстречу. А пока пусть мои братья присядут к костру.

— Насколько я понял, — обратился Портер к Бауману, — Разящая Рука и есть тот, кого вы здесь ожидаете?

— Совершенно верно, и он приедет не один.

— С кем же?

— Насколько мы знаем, с ним Толстый Джемми и Длинный Дэви — их имена вам, вероятно, известны.

— Конечно, я не раз слышал об этих охотниках.

— Затем еще Хоббл-Фрэнк и негр Боб. Но, я думаю, найдется много желающих пройти пустыню Льяно под опытным предводительством Разящей Руки, и потому рассчитываю, что мы встретим большое общество.

— Жаль, что мы с вами расстанемся. Мне бы хотелось увидеть хоть раз в жизни Разящую Руку, этого непобедимого храбреца.

— Мы тоже решили рано утром ехать навстречу нашему товарищу, и можем отправиться вместе, тогда вы его наверняка увидите.

Бауман смотрел некоторое время на лицо Бен Нью Муна — оно было странного темного цвета, а кожа носила следы ожогов — и затем спросил:

— Простите мое любопытство, но меня все время занимает цвет вашего лица. Как это произошло?

— Этим я всецело обязан одному негодяю, который назвался

Веллером, но затем я узнал, что на самом деле его зовут Шталингфор.

— О! С ним я немножко знаком, — сказал Бауман. — Он обокрал меня и едва не убил. Я потерял его из виду, но недавно узнал, что под именем Тобиаса Буртона, скромного миссионера, он хотел завлечь компанию путешественников в Льяно, чтобы ограбить, конечно. Но один из них узнал его, и тот поспешил скрыться. С ним бы и я хотел свести счеты. А вы, при каких условиях с ним встретились вы?

— Я ехал из Аризоны — там в качестве золотопромышленника мне удалось заработать хорошие деньги — и направлялся в Форт-Обри, в Арканзасе. В Колорадо мне встретился человек, который ехал туда же. Его внешность и обращение внушали полное доверие, и я был рад, что поеду через пустыню не один.

— Вы сказали ему, что с вами большие деньги?

— Нет, но об этом он сам догадался. По крайней мере, однажды ночью он осматривал мои карманы и, когда я проснулся, сказал, что я тяжело дышал и он хотел расстегнуть мне ворот. С тех пор я был осторожнее. Однажды мы остановились с ним отдохнуть, я стал набивать свою трубку, и вдруг этот мошенник сказал, что слышал чей-то голос неподалеку. Я бросил трубку и побежал в указанном направлении, но никого не нашел. Я отсутствовал около получаса и принес зверька, которого застрелил по пути. Он, под предлогом снять с него шкурку, отошел. Я снова взялся за свою трубку, но как только поднес к ней огонь, раздался страшный треск, и мне обожгло все лицо и голову. Оказывается, во время моего отсутствия он подложил в мою трубку порох. Не успел я опомниться, как Веллер одной рукой схватил меня за шиворот, пригнул к земле, а другой достал пакет с деньгами. Я схватился за нож, но от страшной боли лишился чувств, и когда опомнился, то рядом уже никого не было — негодяй скрылся с моими деньгами... К счастью, недалеко от нас был известный проводник Джагл-Фред. Он услышал выстрел, которым я убил зверька, поспешил в нашу сторону и явился как раз в тот момент, когда я открыл глаза. О преследовании моего грабителя не могло быть и речи, так как я не мог двигаться и был счастлив, что по какой-то случайности сохранил зрение. Джагл-Фред прикладывал мне к лицу холодную воду, и благодаря ему я сравнительно скоро смог отправиться дальше.

Глава одиннадцатая

КОРШУНЫ ЛЬЯНО

Мексиканцы слушали рассказ Бен Нью Муна с необыкновенным вниманием. Несколько раз они многозначительно переглядывались и не замечали, что Виннету ни на минуту не спускает с них глаз. Он понял, что они связаны с тем человеком, о котором здесь говорили. Бауман внимательно наблюдал за Виннету — он так хорошо знал своего друга, что сразу же заметил, какое недоверие вызвали у него эти мексиканцы.

Братья Кортеджо, видимо, искали повода, чтобы сбежать. Один из них предложил сходить за листьями для костра, другой быстро вскочил, и они скрылись за кустами. Бауман хотел их удержать, так как это показалось ему подозрительным, но Виннету знаками удержал его, и когда мексиканцев уже не было, сказал:

— У этих белых нечистый взгляд и дурные мысли, но я узнаю, в чем дело.

И он последовал в кусты за мексиканцами.

— Виннету им тоже не доверяет, — сказал Портер. — Я же готов поспорить, что они честные люди.

— И проспорил бы, как пить дать, — сказал Бен Нью Мун, — мне они тоже с первого взгляда не понравились.

— Я совершенно уверен, что это шпионы Коршунов Льяно, и не советовал бы вам идти с ними дальше, — сказал Бауман.

Молодой сын его, до сих пор хранивший молчание, тоже сказал, что заметил, как братья Кортеджо переглядывались во время рассказа Бен Нью Муна.

Вскоре вернулся Виннету. Когда он последовал за так называемыми мексиканцами, то застал их собирающими плоды кактусов и говорящими по-английски. Уже это одно доказывало, что они не те, за кого себя выдавали.

— Этому Бауману я не прощу обиды, — говорил Эмилио Кортеджо. — Правда, нам теперь будет труднее спрятаться.

— Да, приезд Виннету придаст делу иной оборот, — отвечал Карлос. — Что, ты осмотрел его лошадь?

— Прекрасная лошадь, такие есть только у Виннету и Разящей Руки. Как ты думаешь теперь поступить?

— Ясно как: мы дадим им уснуть и убьем во сне. А теперь, чтобы не

возбуждать лишних подозрений, поспешим обратно, у нас уже достаточно плодов, чтобы угостить всех.

После этих слов Виннету поспешил удалиться так же незаметно, как и пришел. Он полз на четвереньках и, когда возвратился, принял такой вид, будто и не вставал с места.

Вслед за ним вернулись и мексиканцы. Они предложили всем плодов, и один только Виннету отказался взять их.

— Я не ем отравленных плодов, — сказал он.

— Но откуда же вы взяли, что они ядовиты? — удивился Карлос.

— Они были в руках людей, которые задумали преступление и смерть.

— Я требую, чтобы вы взяли свои слова назад.

— Виннету никогда не берет своих слов назад.

— Но я оскорблен.

Виннету ответил презрительной улыбкой.

— Успокойся, — сказал брату Эмилио, — нельзя же ценить на вес золота слова индейца.

— Ты прав. Представим себе, что он их не говорил.

Виннету не проронил ни слова. Он вытянулся на траве и притворился спящим.

Он не успел поделиться с окружающими тем, что слышал от мексиканцев, но по его обращению с ними все поняли, что теперь этим людям надо доверять меньше, чем когда-либо. Некоторое время царило неловкое молчание. Затем Гроза Медведей и его сын последовали примеру Виннету. Постороннему вполне могло показаться, что все спят. На самом деле никто не спал: мексиканцы были озабочены своими планами, а остальные остерегались их.

Так прошло более получаса. Среди глубокой тишины послышался звук, подобный отдаленному звону, затем он повторился и постепенно замер.

— Что это? — спросил Портер.

— Это голос Поющей долины, — ответил Гроза Медведей.

Все замерли, слушая чудесную музыку. Она звучала, изумительно переливаясь; самый высокий звук сменялся самым низким; звуки эти то замедлялись, то ускорялись. Иногда слышались трезвучия, септ- и нонаккорды. Наверное, ни один инструмент не способен бы был воспроизвести подобной волшебной музыки.

Вскоре к первому присоединилось еще одно чудное явление — на небе, возник светлый шар, который постепенно превратился в огненный. Он вертелся вокруг своей оси, затем остановился; послышался страшный

треск, что-то с шумом упало в воду и обдало всех водяными брызгами. Опять наступила темнота. Все были поражены и испуганы. Один Виннету сохранял невозмутимое спокойствие.

— Огненный шар, — произнес он, как бы отвечая на общий немой вопрос.

— Шар только потому, что он казался круглым? А разве вы не заметили у него хвоста? — спросил Портер. — Это дракон, это был дьявол.

— Будет вам, — вмешался в разговор Бауман. — Мы живем уже не в такое время, когда все непонятное объясняли чертовщиной.

— Так что же это, по-вашему, такое?

— Не что иное, как небесное тело, которое так близко подошло к земле, что притягивается ею.

— Так это звезда?

— Да.

— Какой глупец вам это рассказал, интересно бы знать!

— Это мне объяснил Разящая Рука, и если вы считаете себя умнее этого человека, то оставайтесь при своем мнении. Вы ведь слышали, как что-то тяжелое ушло под воду?

— Слышали, видели и даже ощущали, так как нас всех обрызгало водой.

— Так что же, по-вашему, это черт туда провалился? Надо его в таком случае оттуда вытащить, а то он, не дай Бог, еще утонет.

— Он не утонет: он прошел прямо в преисподнюю.

— Если бы мы могли удалить воду, то я бы вам доказал, что вы говорите вздор, потому что на дне нашли бы дыру, в которой торчит аэролит, то есть кусок камня, из которого состоял огненный шар.

— Камень, вы говорите? Но ведь он мог нас убить!

— Безусловно. И наше счастье, что он ушел в воду.

— Я не стану больше с вами спорить, тем более что это вам говорил Разящая Рука.

— Я попробую найти следы камня в воде, — сказал Виннету особенно отчетливо и громко, как бы желая, чтобы его кто-нибудь слышал еще, кроме присутствующих. Он пошел в сторону ручья и скрылся в темноте.

Все сидели молча и ждали его возвращения. Только Мартин Бауман обратился шепотом к своему отцу:

— Камень — только предлог, но интересно знать, зачем скрылся Виннету.

— Очевидно, кто-нибудь был здесь рядом, он услышал и пошел узнать, в чем дело.

В это время из кустов послышался шепот Виннету, который звал Баумана. И отец, и сын бросились на его зов. Оказалось, что он схватил какого-то молодого индейца, который следил за ними. Когда подошли оба Баумана, Виннету спросил у захваченного:

— Почему мой молодой брат не пришел к нам открыто? Мы бы встретили его дружески. Возьми обратно свой нож и пойдешь своим, что Виннету зовет их отдохнуть около нашего костра.

— Как? Ты Виннету?! Предводитель апачей? И ты мне отдаешь оружие? Ты, вероятно, принимаешь меня за апача?

— Нет, мой брат. Я вижу, что ты принадлежишь к команчам, но я люблю одинаково всех. Сколько там ваших?

— Двадцать человек.

— Иди же и скажи своему предводителю, что я зову вас выкурить трубку мира.

Молодой индеец удалился, а Виннету сообщил всей компании, что к ним направляются двадцать краснокожих, и, когда увидел, что большинство встревожено этим известием, сказал:

— Они не могут иметь дурных намерений, так как идут поклониться праху своего знаменитого вождя, погребенного за этой долиной.

Они разложили костер, и, когда команчи приблизились, он вышел им навстречу, пожал руку их предводителю и подвел его к костру. Все его люди расположились тут же.

Виннету успел предупредить вождя; конечно, он сразу догадался, что они идут в Льяно, но своим людям он сказал, что те идут поклониться праху своего старого вождя.

— Я потом объясню тебе, зачем мне это понадобилось, а пока не выдавай меня.

Тот, зная Виннету, не мог не доверять ему и потому согласился.

Один из индейцев почему-то задержался у своей лошади, и, когда подошел к костру, все уже были здесь. И он невольно обвел присутствующих взглядом. Вдруг он произнес, обращаясь к предводителю команчей:

— Я вижу здесь Коршунов Льяно.

— Где же они?

— Вон они сидят. — И он указал на двух мексиканцев. Виннету, который понял их разговор, сказал:

— Пусть мой брат успокоится. Если он видит здесь своих врагов, то мы с ними ничего общего не имеем. Что же знает он о них дурного?

— Я подстерег их, когда они совещались вдвоем, и узнал, что они

принадлежат к Коршунам Льяно, что они ждут караван белых, которые будут проезжать в этой местности, чтобы убить их. И если ты укрываешь этих разбойников, значит и у тебя нехорошие мысли.

Тогда Виннету сложил свое оружие и попросил команча следовать за ним по ту сторону кустов. Тот после некоторых колебаний согласился. Когда они отошли настолько, чтобы их не слышали, Виннету сказал:

— Я знаю, что эти два мексиканца принадлежат к Коршунам Льяно, но я не убил их потому, что через них можно найти и их сообщников. Не надо, чтобы они знали, что нам известно, кто они. И ты, мой брат, не понял меня, если думаешь, что я их приютил.

Команч чувствовал себя пристыженным.

— Огненная Звезда со своим сыном Железное Сердце отправился на восток в жилище белых, — сказал он, — мы же знали, что Коршуны Льяно подстерегают белых, и боялись, чтобы они не напали на нашего предводителя, а потому и вышли к нему навстречу.

— Я тоже поеду с вами, потому что и я жду из Льяно друзей, за участь которых опасаясь.

— Кого же ты ждешь?

— Разящую Руку и еще несколько человек.

— Разящую Руку? Известного охотника и воина белых? Если позволишь, мы поедem с тобой.

— Виннету не позволит, а будет просить тебя об этом.

В это время со стороны костра прозвучали выстрелы.

Оба поспешили туда и застали следующую картину: команчи бежали к своим лошадям, готовые каждую минуту ускакать; двух мексиканцев не было видно. Бен, Портер, Блонт и Фэлзер стояли в растерянности, не зная, что предпринять. Бауман с сыном продолжали спокойно лежать у костра, и, когда Виннету подошел к ним, Гроза Медведей сказал:

— Эти двое ускакали, да так быстро, что их не смогли нагнать наши выстрелы.

— Что же — тем хуже для них. Слезайте с лошадей, — обратился он к команчам, — пробудем до утра здесь, а завтра устроим охоту на этих Коршунов Льяно.

Однако воины послушались только тогда, когда их вождь повторил распоряжение Виннету. Все опять уселись вокруг костра, ожидая утра.

Глава двенадцатая

РАЗГАДКА ТАЙНЫ ДОБРОГО ДУХА

На берегу небольшого озера стоял маленький домик, крытый соломой. Он весь утопал в зелени, среди которой его совсем не было видно; казалось, открытая дверь вела в большую зеленую беседку. Вокруг озера росла сочная трава и возвышались прекрасные тенистые деревья. При взгляде на великолепную растительность, трудно было поверить, что местечко это находилось в самом центре губительной пустыни Льяно. А между тем все было именно так.

Это был тот богатый, орошаемый водой уголок пустыни, о котором все так много слышали, но дорогу к которому не знал никто. На траве паслось несколько лошадей. Возле самого озера, под тенью старого дерева, сидела уже немолодая негритянка. Она пела грустную колыбельную песню, покачивая в руках маленький предмет. Это была фотографическая карточка, изображавшая молодую негритянку с ребенком на руках. Она целовала карточку и приговаривала:

— Все время бедная Санна одна. Продали тебя, моего маленького Боба, сказали, что Санне не надо ребенка, и увезли. Как я тогда плакала и просила, но тебя на оставили. Господин взял тебя с собой в седло и увез. Жив ли ты, мой милый Боб? Знаешь ли ты, что твоя мать жива и любит тебя?

Она повторяла все одни и те же фразы, целовала карточку, и обильные слезы текли по ее щекам и падали на фотографию, хотя уже давно трудно было разобрать, что на ней изображено, а круглое местечко, где помещалась головка ребенка, совсем вылиняло. Но мать и так хорошо различала те дорогие черты, которые постоянно были у нее перед глазами и без карточки. Она продолжала петь все ту же колыбельную песню, пряча карточку в карман.

— Как Санна счастлива, что господин Блади-Фор вернулся, — говорила она, помогая прибывшему слезть с лошади. — Господин, верно, очень голоден, чего ему дать поесть? — заботливо спрашивала она.

— Нет, Санна, — отвечал тот, — мне некогда есть, ради Бога, наполняй мешки водой и как можно скорее, через полчаса я опять уезжаю.

— Только что приехали и опять уезжаете, и какой опасности вы себя подвергаете! Бедная Санна опять останется одна...

Но он уже не слушал ее, а шел в дом, который состоял из одной

комнаты с тремя окнами. Под потолком висело разное сушеное мясо, а на стенах — всевозможное оружие, какое только можно себе представить. Вся меблировку составляли две кровати, стол и несколько стульев. На полу, посреди комнаты, лежала огромная шкура белого бизона.

— Одевание духа, — сказал сам себе Блади-Фор и, взглянув на ножи, отобранные у убитых, прибавил: — Уже двадцать шесть!

Затем он упал на постель, чтобы немного отдохнуть. Вскоре заглянула Санна и сообщила, что вода готова. Блади-Фор привязал к седлам четырех лошадей мешки с водой — ею он не раз спасал истощенных путников в пустыне, — взял сухого мяса, надел на себя белую шкуру и сел на пятую лошадь, причем всех остальных лошадей он привязал одну к другой.

— Сегодня я вернусь с небольшим обществом, которому хочу открыть свое жилище, с ними будет негр Боб. Глядя на него, ты вспомнишь своего сына, — сказал он на прощание старой негритянке и быстро ускакал.

Почти в то же самое время знакомое нам общество двинулось по следам братьев Кортеджо. Впереди всех ехали Виннету и предводитель команчей, затем Гроза Медведей с сыном, а за ними все остальные. Виннету наполовину висел в седле, стараясь лучше рассмотреть следы. Вдруг он остановился. На этом месте было много следов. Все принялись внимательно их изучать, наконец Виннету сказал:

— Здесь ехал человек с пятью лошадьми, и все они были друг к другу привязаны, а через несколько шагов он встал, и по ноге видно, что этот бледнолицый человек еще не старый.

В это время Бауман подозвал их к себе.

— Взгляните, господа, — сказал он, — очевидно, он потерял один из мешков с водой, которая вытекла, а он вставал, чтобы поднять мешок. Кто бы это мог быть и зачем он вез столько воды?

— Быть может это и были те белые путешественники, которых поджидают Коршуны Льяно? Нам надо спешить по следам братьев Кортеджо, — сказал Виннету.

Теперь следы вели прямо на север. Скоро они подъехали к месту, откуда следы пяти лошадей вели прямо к северу, а следы мексиканцев — к востоку.

— Куда же нам двигаться? — спросил Бауман.

Решили идти по следам последних. Вскоре они увидели двадцать телег с каким-то грузом, их тащили в сопровождении вооруженных всадников изможденные лошади, направлялся караван к северо-востоку. Люди, как и животные, имели истощенный, измученный вид. Только под ехавшим впереди всадником лошадь была совершенно свежей. Одетый как индеец,

это был не кто иной, как Тобиас Буртон. Это он предложил каравану свои услуги как проводник и вел его на верную гибель.

— Мы со вчерашнего утра не пили, — говорил один из всадников, — и я уверен, что здесь есть злой человек, который выпустил воду умышленно — так быстро она не могла высохнуть.

— Кто же на это решился, — возразил Буртон, — ведь он тогда и сам погибнет. Теперь уже нам не долго страдать. Вы видите, мы идем совершенно точно по кольям, которые указывают нам дорогу.

— Да, но кто же не знает, что злоумышленники часто переставляют колья.

Между тем Блади-Фор, отъехав на некоторое расстояние от своего дома, был настигнут целой шайкой так называемых Коршунов Льяно, которые отняли у него всех лошадей и воду, так что он сам едва ускакал. Направляясь к северу, он опять увидел компанию из нескольких человек, но те еще издали узнали его. Это был Разящая Рука со своими друзьями.

— О! Как я счастлив, — сказал Блади-Фор, — что встретил вас! Коршуны отняли у меня лошадей и воду, и я не могу помочь каравану, который теперь умирает от жажды.

— Да у вас, вероятно, есть запас воды в пустыне? — спросил Разящая Рука.

— Больше скрывать от вас я не считаю нужным и признаюсь, что у меня есть дом возле небольшого озера, оттуда я и оказываю помощь несчастным страдальцам. Однако поспешим на помощь каравану; я знаю, где он идет, это час езды отсюда, не больше.

Все ударили своих лошадей и прибыли как раз вовремя. Караван почти умирал от голода и жажды. Их сначала приняли за грабителей, но когда Разящая Рука громко назвал свое имя, проводник каравана — не кто иной, как Буртон — вскочил на свою лошадь и ускакал, посылая проклятия по адресу Разящей Руки и угрожая скоро вернуться и погубить его вместе с караваном. Никто не стал догонять его, так как все занялись распределением прибывших с ними запасов, чтобы хоть как-то поддержать силы людей и животных.

Буртон ехал не долго. Вскоре он прибыл в лагерь Коршунов, где около тридцати человек сидели у огня и ждали добычи, за которой как раз и отправились братья Кортеджо и некоторые другие.

В это время к их лагерю подъехал Виннету со своей компанией. Он издали увидел огонь и подполз, чтобы рассмотреть, сколько врагов, о чем и сообщил ожидавшим его товарищам.

— Там их тридцать человек, — сказал он, — они ждут добычи, а мы

лучше отправимся дальше по следам Кортеджо, которые ведут к каравану. Быть может, нам еще удастся спасти несчастных.

Они поторопились и скоро достигли места, где остановился караван. Сколько тут было радостных встреч и объятий! Точно какая-то волшебная сила привела всех к одному месту. После того как каравану была оказана необходимая помощь, решили, как поймать и уничтожить Коршунов. Блади-Фор с воинами команчей должен был отправиться вперед по песчаной дороге, проходящей между двумя рядами кактусов и ведущей к его дому, чтобы там встретить неприятелей, которых взялся гнать отсюда по той же дороге Виннету. Когда наступила ночь и Коршуны подошли к каравану, то неожиданно были ошеломлены выстрелами по команде Виннету; они хотели отступить, но сзади уже зашел Разящая Рука с тридцатью воинами. Оставалось бежать к кактусам, но их уже подожгли, и разбойники вынуждены были направиться туда, где их ожидал Блади-Фор. По дороге многие из них были убиты, и когда Блади-Фор и бывший с ним Железное Сердце уже приготовились стрелять, они поразились тому, что встретили только трех Коршунов.

Один из них был в индейском костюме. Блади-Фор выстрелил в него, и тут с трупа неожиданно свалился парик — он узнал убийцу Кребса.

Таким образом, Коршунов удалось перебить всех. От горевших кактусов поднимались испарения. Пошел дождь, и караван вскоре смог продолжить свой путь.

Когда же вся компания друзей Блади-Фора собралась у него возле озера, он надел белую шкуру и предстал перед ними в виде Духа Льяно.

— Так вот кто был этот Добрый Дух! — воскликнули все в один голос.

И Блади-Фор в подробностях рассказал им свою историю.

— Теперь ты не будешь уверять, Тим, что Дух Льяно — это привидение? — спросил Джим.

— О нет, — ответил тот. — Теперь я вижу — это человек, и прекраснейший человек, герой, какого нам вряд ли когда-нибудь еще придется встретить...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

— Огонь, огонь, зажгите огонь!

2

— Кто идет?

— Они близко.

4

— Я вижу их.

5

В лоб.

6

Знак.

7

Old — старый (англ.).